

ИЗДАНИЕ
МОДЕЛИ

С. НАГОРНЫЙ

СЕДОВ

Annotation

Книга, основанная на материалах архива Академии наук и личного дневника Седова, посвящена экспедиции полярного исследователя и гидрографа Г. Я. Седова (1877–1914) к Северному полюсу на судне «Святой Фока» в 1912 году.

Из серии «Жизнь замечательных людей». Издание 1939 года. Орфография сохранена.

- [Семен Нагорный](#)
 -
 - [ГЛАВА ПЕРВАЯ](#)
 - [ГЛАВА ВТОРАЯ](#)
 - [ГЛАВА ТРЕТЬЯ](#)
 - [ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ПЯТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ШЕСТАЯ](#)
 - [ГЛАВА СЕДЬМАЯ](#)
 - [ЭПИЛОГ](#)
 - [БИБЛИОГРАФИЯ](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)

- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)

- [comments](#)

-
- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)

- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)

- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)

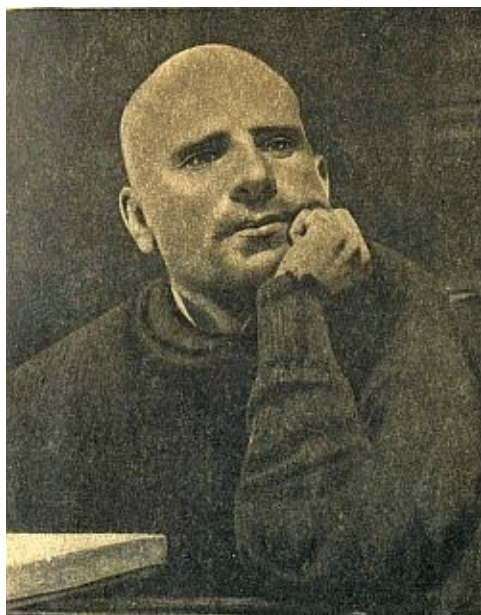

Семен Нагорный Седов

"– Мы помним и ценим отвагу русских исследователей, наших предшественников на Севере, чьи жизни и труд не пропали даром. Сын азовского рыбака, русский моряк Седов пытался пройти к Северному полюсу и погиб на пути к этой заветной точке.

...В наши дни, в эпоху Сталина, мечта Седова получила признание и осуществилась".

(Из речи И. Д. Папанина на XVIII съезде ВКП(б)).

ГЛАВА ПЕРВАЯ

КОЛЫМА

I

В марте 1909 года Главное гидрографическое управление морского министерства командировало штабс-капитана по адмиралтейству Георгия Яковлевича Седова в экспедицию. Дорога из Петербурга в устье Колымы, на берег Ледовитого океана, сперва была только скучна. После восьми дней вагонного ничегонеделания Седое прибыл в Иркутск. Он застал здесь раннюю весну. Дороги почернели, таяло. Это нарушало все его расчеты. Нужно было перегнать распутицу, поспеть на север, к заветному берегу Ледовитого океана, впереди весны, по снегу, по ледяным рекам.

Путь до Хомутова, первой от Иркутска станции, уже развезло. Седов отправил сани вперед, с особыми ямщиками, а сам выехал на колесах. Он был в пути день и половину ночи.

Плотный снег лежал еще в Хомутове. Мороз. Пустынно. Одна только дорога мерцала в темноте, да еще несколько звезд блестело на огромном синем небосклоне.

Неприветливо встретил путешественника черный, неосвещенный рубленый домик станции. Перед крыльцом стояли возки с кладью. Седов узнал – экспедиционные. Он поднялся на крыльцо. Стучал в дверь – не хотел входить. Лошадей! Надо было спешить, пока еще снег не тронуло оттепелью.

На деревянной лавке, вытертой проезжающими до лакового блеска, просидел он остаток ночи и утро. Сначала кричал, бросал на стол важные петербургские и иркутские бумаги, но потом, не то чтобы смирился, а скорее – поняв, что ничем нельзя помочь, рассердился по-настоящему и замолк.

Он сидел перед столом с потухшим самоваром, насупив почти бесцветные брови, в шинели, наброшенной на плечи, в черной форменной фуражке.

И только через семь часов привели лошадей. Седов покрикивал с крыльца на ямщиков бурятов, а потом сбежал вниз и принялся сам налаживать упряжь. Многообещающе позвякивали колокольцы.

И вот четыре возка скрипят, колыхаются, бегут по неровной, но плотной дороге. Завернувшись в тулуп, недурно и вздремнуть.

Таково начало. Через два дня – уже Верхоленск. В торопливых записях своего дневника Седов успел отметить живописную природу последнего перед Верхоленском перегона: глубокие долины, грандиозные обрывы с красноватыми обнажениями, над которыми – высоко-высоко – кудрявой грядой выстроился лес; пади с белоснежным девственным покровом и опушки кустарника, словно тронутые сединой...

Хорошо бегут сани по Лене-реке. Дорога широкая, привольная, лошади идут по три в ряд и пробегают за сутки 150 верст и более.

Так до Киренска, в котором остановка короткая, но достаточная, чтобы запомнить непомерный собор, возвышающийся среди сотни изб, и гостиницу на два номера, где свирепствуют клопы. Зато и морозом добрым провожает Киренск – 37 градусов Цельсия! Но дорога дальше узка, езда по ней гуськом, сани то и дело сваливаются в глубочайший снег по сторонам колеи.

Все же быстро мелькают и остаются позади: славный утес Пьяный Бык, название которого напоминает о разбитой здесь некогда вместительной барке с вином; знаменитые Ленские щеки, со своим стократным эхом; грозный утес Филатовский, висящий над самой дорогой; черная скала Мурумунна...

И станции, по случаю предстоящей пасхи, тяжело пахнущие глиной и известкой и приятно благоухающие сладким тестом, – тоже остаются позади и забываются.

Вот уже и Олекминск, где на три часа стоянка, чтобы отведать куличей, вина, яиц и сала в жарко натопленной столовой у госпожи исправницы, чтобы послать поздравительные телеграммы в Петербург, откуда ответ можно будет получить месяцев через пять.

Обоз мчится дальше по раздолью зимней Лены, ямщики весело кричат, колокольцы перезваниваются. Река шире, снег ровней. Осталось всего 600 верст до Якутска. А там – пустышки: тысячи три до заветного берега Ледовитого океана.

Как весело из узких ущелий, в которых зажата река на верховьях, попасть, наконец, на якутскую равнину, где Лена раскинулась на пять-шесть верст в ширину.

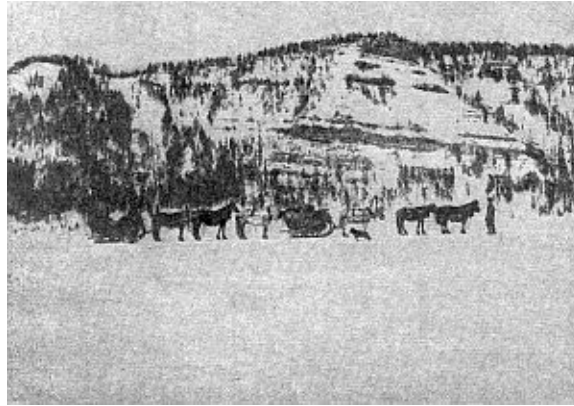
15 апреля Седов въехал в город Якутск.

Этому городу без малого триста лет, его основал в 1632 году казачий сотник Петр Бекетов, спустившийся вниз по Лене с тридцатью товарищами. Город звался тогда не городом, а острогом; нужен он был на

берегу Лены как крепость, резиденция воеводы и прибежище купецких, промышленных и государевых людей. То было время исторического движения на восток, совершавшегося русскими с быстротой и энергией необычайными.

Отряд Ермака начал это движение в последней четверти XVI века захватом страны, лежавшей в бассейне Оби и Иртыша. Ни казаки, ни их начальники, ни воеводы государства Московского не знали, какая земля лежала перед ними. Неведомая, немеряная, необъятная, изрезанная огромными реками, текущими вдоль меридианов с юга на север, эта земля пролегла на востоке до Тихого океана, а на севере окаймила широкой бесцветной полосой тундры студеные полярные моря. Этот огромный материк, открывшийся русским людям к востоку от Урала, казаки и промышленники прошли и завоевали за шестьдесят лет. Они шли от реки к реке, перевалами – с Оби на Енисей, с Енисея на Лену и Яну, оттуда на Индигирку и Колыму. Ватага в десять, двадцать или тридцать человек являлась на верховья реки, ставила здесь острог и в самодельных лодках спускалась на низовье, совершая тысячеверстные походы среди суровой и дикой природы, среди незнакомых и враждебных племен. Казаки доходили по реке до ее впадения в Ледовитый океан, строили зимовье из плавника.^[1] Новая страта, с лесами, горами, зверем и рыбой, была завоевана. Однако проходил год или два, и ватага двигалась дальше, иногда пополняясь новыми, подоспевшими пришельцами. Опять на восток – одни по берегу Студеного моря на поиски устья следующей реки, другие – по переволоку, через горы, сквозь тайгу, пешком или на лошадях. Никто не составлял планов для этого наступления, никто не подсказывал казакам, промышленникам и купцовым приказчикам, по каким тропам и) протокам идти им на восток. Шли за соболиными шкурами, за моржовым зубом, шли на привольные места, искали наживы, свободы от бояр и воевод, искали приложения накопившимся силам. А находили новые страны, открывали моря, острова, реки и людей, с незнакомыми обычаями и языком. В 1587 году Ермак Тимофеевич поставил при впадении реки Тобол в Иртыш первый острог в Сибири – впоследствии названный Тобольском. После Оби через несколько лет была занята область Енисея. Здесь услышали о Лене. Василий Бугор с десятью товарищами в 1628 году проник на эту реку. Через пять лет Бекетов закрепил завоеванное навеки – построил большой острог Якутский. Но известия о соболях и моржовом зубе манили дальше. Прямо на восток от Якутска, пользуясь густой сетью рек, направился Иван Москвитин – в 1639 году он вышел с товарищами на берег Охотского моря, поставив здесь, в тихоокеанском преддверье, свое зимовье. Не много

времени потребовалось казакам, чтобы освоиться с незнакомой стихией. Уже через пять лет люди, прошедшие насквозь материк от самого Урала, плавали под командой некоего Василия Пояркова по Охотскому морю в поисках новых земель и прибыльного промысла. Они открыли Шантарские острова.

*Обоз на Лене.
Фото Г. Седова.*

И в это же время другие отряды ищут края земли далеко на севере. Уже перевалили предприимчивые ватага с Лены на Яну и на Индигирку. Казачьи шитики и кочи,^[2] проконопаченные мохом, плывут «о кромку» льда, вдоль берега Северного океана. Уже открыта Колыма, и мезенский житель, промышленник Исай Игнатъев, подымает парус, чтобы плыть еще далее на восток. Он возвращается, но через два года, в 1648 году, кочи, принадлежащие холмогорцу Федоту Алексееву, приказчику московского купца гостиной сотни Алексея Усова, прошли, со многими приключениями, из устья Колымы на восток и попали в устье реки Анадыря, обогнув, таким образом, северо-восточный край Азии. С Алексеевым плыли казаки под командой Семена Дежнева – «для государева ясачного сбора и для прииску новых неясачных людей и для государевых великих дел». Семен Дежнев решил величайшую географическую задачу – доказал, что Азия и Америка не соединяются сушей, а разделены проливом. Донесение Дежнева попало в канцелярию якутского воеводы и пролежало здесь, никому неизвестное, почти сто лет. Его нашел в 1736 году российский академик Миллер, спутник Витуса Беринга. В поездках своих в Европу царь Петр встречался с учеными географами. Они познакомили его с загадкой, волновавшей просвещенные умы: соединена ли Америка с Азией. О том же писал Петру Лейбниц из Вены в 1713 году. Интерес европейских ученых не был отвлеченным. Европа искала на Севере кратчайшего морского пути в Китай

и Индию, и этот путь был бы возможен, если б оказалось, что между Азией и Америкой существует пролив.

«...Ехать вам до Тобольска, и от Тобольска, взяв провожатых, ехать до Камчатки и далее, куда указано, описать тамошние места, сошлась ли Америка с Азией...» – так предписывал Петр в 1719 году геодезистам Евреинову и Лужину. Эти два офицера, обследовав Камчатку и Курильские острова, всей инструкции не выполнили. Но Петр не оставил своего замысла и незадолго перед смертью, уже в постели, написал новую инструкцию для экспедиции, еще более значительной. Вручая ее адмиралу Апраксину, Петр, по свидетельству Нартова, говорил следующее:

– Худое здоровье заставило меня сидеть дома; я вспомнил на сих днях то, о чем мыслил давно и что другие дела предпринять мешали, то-есть о дороге через Ледовитое море в Китай и Индию. На сей морской карте проложенный путь, называемый Аниан, проложен не напрасно. В последнем путешествии моем в разговорах слышал я от ученых людей, что такое обретение возможно. Оградя отечество безопасностью от неприятеля, надлежит стараться находить славу государству через искусства и науки. Не будем ли мы в исследовании такого пути счастливее голландцев и англичан, которые многократно покушались обыскивать берегов американских?..

Ни Петр, ни Лейбниц, ни те итальянские картографы, которые изобразили на карте мифический *Stretto di Anian* – пролив Анианский, не знали, что истинный пролив между Америкой и Азией уже открыт Семеном Ивановичем Дежневым. Лишь через одиннадцать лет после смерти Петра, когда участники Великой северной экспедиции нашли архив якутского воеводства, донесение Дежнева было обнаружено, и подвиг казака стал предметом вечной славы...

Хорошо бегут сани по зимней дороге. Только похрапывают заиндеветавшие лошади, запряженные в дровни поодиночке, да скрипит укатанный снег под легкими полозьями. Дорога тянется поперек обширной якутской равнины, на северо-восток. Обоз подвигается быстро, снег крепок, и кажется, что зима не уступит весне еще долго, а это только и нужно путешественнику. Дорога бежит от реки Лены к реке Яне, оттуда – на реку Индигирку и дальше на реку Колыму. Это древний переволок, проторенный бесстрашными казацкими отрядами, и весело мчатся с надеждой на удачу по их пути.

На станции Сегенкельской выпрягли лошадей, и обоз дальше пошел на оленях. Здесь началась тайга, лошадиных кормовиц не стало. Хорошее животное олень. По удобной дороге здоровый олень пробежит двадцать

верст в час, и сутки будет идти без кормежки Он тянет безропотно, безостановочно, и только мелькают по сторонам узкой дороги черные стволы сосен и красноватая ель. Местами, как пламя, вспыхивает прошлогодняя медная листва березы.

Все было хорошо до ночевки на станции Билирская. За ночь резко потеплело, и утром Седов увидел черные пятна земли, освободившейся от снега. Однако нарты отправились в путь.

Тяжело нагруженные, они едва ползут по жидкой грязи. Можно сколько угодно кричать на добрых оленей, но все равно – обоз не пойдет скорее, и весна его опередит. Вот уже падает олень и издыхает, вытянув морду с широко раздутыми ноздрями и закушенной губой.

Седов двинулся вперед налегке, с двумя нартами и самыми необходимыми инструментами. На этом участке пути он перевалил через хребет Верхоянский, еще покрытый глубоким снегом, переправился через реки Неру, Моюрах и другие, нередко безыменные. Жители встречных улусов прятали от него оленей, хотя он и платил за них, сколько бы ни запросили, и ему приходилось тащиться по три-четыре перегона, не меняя животных. То и дело они падали, иные из них отлеживались, другие гибли, и снег, которым Седов с ямщиками кормили упавшего, медленно таял в открытом рту оленя. Перед подъемом на гору нарты останавливали, чтобы наносить на дорогу снег из тайги. Потом часть груза с нарт снимали и, впрягаясь рядом с оленями, помогали им выйти на вершину. После этого возвращались за оставленным внизу грузом и тащили его уже на собственных плечах.

Трудно было добывать свежих оленей, особенно трудно потому, что впереди прошли обозы двух других экспедиций, а также партия ссыльных и священник, направленные в Верхоянск. Седов проклинал и якутскую администрацию, так не во-время пославшую священника, которому полагались лучшие олени, и необыкновенно скорую весну, а главное – свое петербургское начальство, задержавшее его на несколько лишних дней в столице.

Но все же за тринадцать дней он проехал девятьсот верст и 20 апреля прибыл в Верхоянск.

Здесь он переночевал и утром следующего дня, произведя астрономическое определение времени и широты, выехал дальше на северо-восток. По тракту текли ручьи. Теперь уже не было силы, которая могла бы тащить возки. Седов бросил сани и навьючил лошадей. Вот хроника двадцатидневного похода в весеннюю распутицу из Верхоянска в Среднеколымск.

Шли по тайге без дороги: летняя еще не очистилась от снега, а зимняя уже пришла в негодность. Ехали наугад, то и дело попадая в глубокую грязь, перемешанную со снегом, и лошади уходили в нее по брюхо. Если хотя бы одна лошадь погружалась в это болото, – останавливать приходилось всю вереницу связанных между собой лошадей. Но остановить удавалось не сразу, и передние продолжали тащить увязшую лошадь, причиняя ей страдания, обрывая поводья и хвосты. Иногда из-за этих несчастий лошади дурели, разбегались в стороны, разбивали вьюки. Их нужно было ловить и водворять на места. В таких случаях особенно приходилось тревожиться за хронометры – драгоценность, от которой зависела вся экспедиция. Хронометры – это время Пулковского меридиана, и Седов должен был это время сохранить в целости, чтобы на далеком! берегу Ледовитого океана, при впадении реки Колымы, произвести астрономические и магнитные измерения. Ящик с этими ценными приборами Седов сам привязал к спине лошади, внушавшей доверие своим мирным и покорным видом.

Иногда ехали по трое суток без перерыва, меняя только лошадей на станциях. Ямщики отказывались идти дальше, проводник-казак садился на корточки, кидал шапку оземь и не то молил, не то требовал отдыха. Но Седов не хотел терять ни часу. Без остановок двигался его караван, оставляя за собой и топи, и горные хребты – Тас-хая-тах и Алазейский, – и множество рек, из которых Индигирка и Алазея были самыми крупными.

Наледь – надледная вода, появляющаяся на реках весной, когда они еще не вскрылись. При переправе через такую наледь некованные лошади скользили, падали, разбивались, груз намокал, лошадей надо было подымать на руках.

Но еще хуже бывало, когда ударял мороз и наледи и дороги замерзали. Приходилось с лошадьми прощаться, искать оленей. Проводники, которых Седов посылал в улусы за оленями, исчезали на день-два, а то и вовсе. Станции Колымского тракта отстояли друг от друга на пятьдесят и на сто верст. Да и на станциях оленей уже не было, так как началась весна, лошадей же еще не пригнали.

Вот жестокий и отчаянный способ, посредством которого переправляются через замерзшую наледь.

Еще на берегу ямщики разгоняют оленей. Животные мчатся по молодому льду, скользят, падают, спешат подняться и снова падают. Разбивают себе ноги и все-таки тащатся вперед, потому что нарты между собою связаны. Если упал олень и не успел подняться, передние тянут его по льду до противоположного берега. Иногда при этом олень оставляет на

льду всю шкуру свою и мясо до кости.

Не меньшая беда, если грузный олень продавливают копытами лед и ноги его проваливаются: он не успевает их вытащить, передние животные тащат неудержимо, и вот – он без ног.

Ямщики ставят вперед самых сильных оленей, от них все зависит. Горе, если караван станет, – замерзшая наледь скользкая, нарты больше не двинутся. Поэтому упавшему пощады нет.

Ночевали на станциях или в чай-поварнях. Станция – юрта, где живут не только люди, но также собаки и олени. Чтобы спать в таком помещении, нужна привычка. Вечером ложился Седов в юрте, соблазненный теплом, но ни разу не выдерживал до утра, – забрав доху и баранье одеяло, среди ночи уходил досыпать на чистом воздухе, в санях. Но станция – дворец, в сравнении с чай-поварней. В заботах об удобстве путников кто-то настроил в промежутках между станциями эти маленькие халупы, лишенные окон, часто даже дверей, с каменным очагом без трубы. В них можно найти спасение от пурги, но не от мороза. Едкий, густой дым, давнишняя грязь и кучи отбросов, глиняный пол и покрытые инеем, а то и льдом стены, – вот что такое чай-поварня на Колымском тракте.

В эту весну 1909 года Седов был единственным человеком, осмелившимся на путешествие из Верхоянска в Среднеколымск. В пору распутицы никто не решается идти по тракту. Но Седову было дорого время, ждать он не мог, да и, кроме того, не любил он выжидать и очень уж крепко надеялся на свои силы.

В ту пору был он уже не молод – тридцать два года, но в его взглядах на жизнь, на препятствия, встречавшиеся на пути, было еще нечто очень молодое, почти юношеское, в нем был задор, толкавший его иногда на такие предприятия, которые другим казались излишне трудными, а потому и ненужными.

Его специальностью была гидрография, а это было связано с плаваниями в мало посещаемых водах, с жизнью в палатке на пустынных берегах моря или океана, с трудами и опасностями. И, может быть, он перестал бы любить свою профессию, если бы она постоянно не предоставляла возможности побороться с природой.

27 мая Седов въехал в Среднеколымск. Едва ли не все пятьсот жителей этого города высыпали из домов встречать нежданного гостя.

Привал на Колымском тракте. Крайний слева: Г. Я. Седов.

Он здесь задержался на девять дней, пока готовили карбасы. ^[3]

Позднее, уже возвращаясь из этой экспедиции в Петербург, он вставил в свой отчет, среди сведений о течениях, очертаниях берегов и температуре, несколько десятков строк о поразивших его чертах среднеколымского быта. Он записал, что колымчане почти каждую весну голодают. У населения своего хлеба нет, только чиновники и казаки получают казенный паек. Купцы же берут за пуд хлеба 10—12 рублей. Садят колымчане на рыбе и чае. «Как сотни лет назад ловили они рыбу,– записал Седов, – так ловят ее и теперь,– тем же примитивным способом: неводом и мордой». ^[4]

Охота на Колыме богатейшая: добывают медведя белого и черного, песца, лисицу, горноста, белку, зайца. Диких оленей бьют на реке, когда они переплывают ее табуном в сто-двести голов. Олень беспомощен в воде, промышленники подплывают к нему в карбасе. Неисчислимы стаи птиц населяют озера и речные протоки. Но все это не может быть заготовлено впрок, потому что у колымчан нет соли. Они голодают среди изобилия.

Среднеколымские наблюдения неожиданно и по-новому осветили для Седова значение его экспедиции. В теплый, ясный день 7 июня на набережной толпилось все население города – стар и мал, богатые и бедные. Над широкой рекой катился, 'не переставая, тяжелый колокольный звон. Карбас, нагруженный сверх меры припасами экспедиции, стоял наготове. На веслах сидели местные казаки. Навзрыд плакали казачки, провожая мужей в Студеное море.

Горожане знали, зачем отправляется Седов в устье их родной реки. Они напутствовали его лучшими пожеланиями и просили обязательно найти «борозду», то-есть фарватер, чтобы могли пароходы с мукой и солью заходить в Колыму, чтобы могли забирать у колымчан предметы их богатого промысла.

Флаги, крики «ура», приветственная стрельба. Казаки дружно налегли на весла, карбас поплыл вниз по реке.

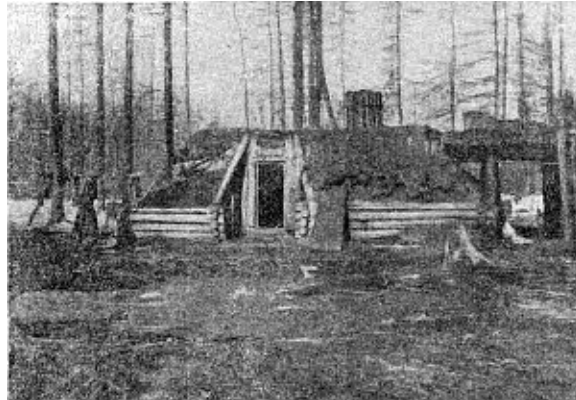
После семидневного путешествия по извилистой реке, образовавшей множество островов из наносного песка, Седов остановился в крепости Нижнеколымск.

Честь основания Нижнеколымского острога принадлежит Михаилу Стадухину. Исторические известия рисуют его как одного из самых настойчивых и бесстрашных искателей новых земель. Он еще в 1630 году перебрался с Енисея на Лену, куда манили соблазнительные слухи о богатом соболином промысле. Через несколько лет Стадухин пускается на новое предприятие – плывет вниз по реке Индигирке, достигает моря и, повернув на восток, счастливо находит устье Колымы. Поставив здесь острог, он два года посвящает промыслу и сбору ясака, а затем возвращается с добычей в Якутск. В Якутске он долго не засиживается. Сделав в 1649 году неудачную попытку пройти морем на восток от Колымы – тем курсом, на котором посчастливилось Дежневу, – этот неугомонный исследователь, раззадоренный известием, что «за Колымою-рекою на море моржа и зубу моржового много», отправляется на восток не водою уже, а по суше. Достигнув реки Анадырь, он встречает здесь Семена Дежнева, враждует с ним, а еще через несколько лет спускается вдоль тихоокеанского побережья вниз, верст за тысячу, сначала на реку Пенжину, а потом на Гижигу и Охоту, что впадает в Охотское море.

Седов застал в древней резиденции Стадухина тридцать семь жилищ – юрт и амбарчиков. В них жили сто пятьдесят человек – все население Нижнеколымска. Жители говорили «съядко» вместо сладко и «сар» вместо шар. Заседатель, священник, псаломщик, два купца и несколько промышленников позажиточней – таково было городское высшее общество. Это все были люди опустившиеся, полудикие. У них существовал обычай: зимой все общество собиралось в так называемом ледяном домике, представлявшем собою избу с ледяными глыбами в окнах вместо стекол, обложенную до крыши снегом и политую водой, и здесь по трое суток кряду они играли в карты и пили спирт, – запретный, но все же доставляемый купцами в обмен на пушнину.

Седов провел в Нижнеколымске четыре дня, которые ушли на то, чтобы подправить карбасы, принанять новых людей в команду, запастись продуктами. Он отметил, между прочим, в своем дневнике одну поразившую его уродливую черту в быте колымских казаков. По существовавшим правилам казенный паек – один-два пуда муки в месяц – полагался только мужчинам-казакам, женщинам он не выдавался. Таким

образом, дочь в семье считалась нахлебницей. Ее старались пораньше сбыть с рук. А так как правительство было заинтересовано в увеличении в этих полупустынных местах мужского населения, то отсюда и своеобразный казенный либерализм – незаконнорожденные мальчики получали паек наравне с остальными юными казаками. Четырнадцатипятнадцати лет девушка с общего одобрения сходилась с мужчиной. Через несколько лет, имея двух-трех сыновей кормильцев, она уже не была нахлебницей, а считалась богатой невестой.

*Станция на Верхоянском тракте.
Фото Г. Седова.*

Поразило Седова также языческое суеверие, равно распространенное среди якутов и русских. «Случилось мне во время путешествия, – рассказывал он впоследствии, – сделать привал со своими казаками у „заколдованного“ дерева. Казаки тут же рассказали мне историю этого дерева. По их словам, под этим деревом жил когда-то шаман и вешал постоянно на него свои доспехи, а перед смертью делал у этого дерева свои заклинания. Так что теперь народ этого дерева боится, как огня. Его не только нельзя рубить, но и подходить к нему близко опасно, и тот, кто станет его рубить, будет немедленно убит громом и молнией. Я, выслушав таинственный рассказ казаков, взял топор и, чтобы рассеять в них глубокое заблуждение, пошел к дереву. Казаки взмолились и просили меня самым искренним образом не рубить дерева, так как-де мы все погибнем. Но когда они увидели, что я стоял на своем, бросились в соседнюю избу, заперли крепко-накрепко двери и попадали на пол, закрыв лицо руками. Я начал рубить дерево. Вместо грома и молнии, полетели, конечно, щепки. Казаки мало помалу начали показываться из избы, а один из них. Николай Дьячков, видя, что никакой опасности нет, даже подбежал ко мне, выпросил топор и dokonчил дерево. Когда дерево валилось, казаки как-то в страхе отступили назад и перекрестились, а мне заметили: „Помните, барин, вас шаман

когда-нибудь за это накажет...”

Широка при впадении в океан река Колыма По раздолью бегут карбасы быстро. Казаки работают дружно, выгребая тяжелыми веслами. Цель близка уже. и ветер дышит в лицо океанской солью. Трехмесячное путешествие приближается к концу.

II

Человек бежит по берегу океана.

Он прыгает с камня на камень, пролетая над маленькими бухтами и проливами, в которых вода недвижима и черна. Он пробегает по отмелям, заваленным мертвым океанским хламом – плавником, рыбьими трупами и коричневыми пучками водорослей. Крупный песок под его сапогами скрежещет.

Человек бежит весело. У него хорошее настроение. Чтобы скоротать время или чтобы придать ритм бегу, а скорее всего – бессознательно, он выкрикивает хриплым голосом припев песенки, которую слышал в Петербурге.

Он очень доволен собой.

В его распоряжении было почти два часа, когда он решил, что можно отказаться от лодки и добежать до лагеря по берегу. Ему жалко было отрывать от работы казаков, строивших вышку – знак, необходимый для измерений, а между тем в лагере его ждали хронометры, имевшие чертовски малый завод – всего одни сутки! – и он должен был во что бы то ни стало завести их не позже, чем через два часа. В противном случае, с омертвевшими хронометрами, ему здесь, в устье Колымы, почти что нечего делать. Дать хронометрам остановиться – все равно, что зарезать всю экспедицию Хронометры – это время, а без него никакие наблюдения невозможны. Но и постройка знаков из невероятно тяжелого выкидного леса, – из тех бревен, которые выбросил на берег океан. – требует времени, с ней надо спешить, потому что лето на исходе.

От знака до лагеря – двенадцать верст. Водой в карбасе с шестью гребцами – дойти не трудно. Но ему казалось обидным бросить знак недостроенным. И он при думал выход: оставил казаков, а сам побежал по берегу.

С томительной медленностью тянулось его путешествие из Петербурга сюда, в устье Колымы. Он спасал время, идя напрямик и без остановок. Весна обогнала его. она развела топь в тайге, пустила по сотне речек

беспорядочную толпу льдин, уничтожила тропы на перевалах. Время бежало быстрее оленей, оно враждовало с путешественником.

Но как только достигли карбасы устья реки, где уже и воздух, и волны, и широко расступившиеся берега свидетельствовали о близости океана, Седов почувствовал, что время здесь движется по-иному. 8 июня, через два дня после выхода из грязного и уродливого Нижнеколымска, прибыли на заимку Сухарную – место, где, может быть, двести лет назад какая-нибудь промысловая ватага оставила, прежде чем выйти в океан, запас сухарей. Здесь увидели несколько древних изб, сложенных 1 из плавника и не имевших ни труб, ни крыш, ни окон. I В нескольких шагах к востоку Садов нашел десяток поваленных и полусгнивших крестов. Кто лежит под ними, давно ли – этого нельзя было определить.

На другой день вышли на карбасе к маяку Лаптева. Неждано налетел шторм. Ветер дул с запада, нес холод и снег. Стружок,^[5] бывший у карбаса на буксире, оторвало и унесло чорт знает куда. Карбас кренило, парус ложился на воду. Людей окатывало волной, а потом в одну минуту облепляло снегом. Казаки молились, едва шевеля мокрыми, синими губами. Один казак вдруг застонал и упал на колени. Седов прикрикнул на него, а потом, обратясь к остальным, крикнул несколько веселых, но, впрочем, достаточно крепких слов.

К маяку подплывали при тихой погоде. Казаки налегали на весла. В извилистой протоке меж островами затянули песню. Седов, не отрываясь, смотрел на маяк. Его построил лейтенант Дмитрий Лаптев без малого двести лет назад из выкидного леса. Маяк Лаптева высится нерушимо на крутом мысе, перед выходом в океан, – гордый памятник, переживший столетия. Может быть, сгниет и обрушится когда-нибудь деревянная четырехгранная пирамида, но память о Лаптеве продержится еще дольше, чем эти бревна, пропитанные океанской солью.

Седов знал своих предшественников, и здесь, на пустынном берегу океана, ему казалось порой, что лишь вчера выходили из колымского устья по приказу царя Петра корабли Великой северной экспедиции, а еще днем раньше поплыл на восток казак Семен Иванович Дежнев.

Переправа через реку Алазею. Фото Г.Седова.

Сначала Дежнев, вчера Лаптев, сегодня Седов. Нет, не тщеславие заставляло его так думать, но лишь новое ощущение времени, возникшее у входа в океан, у этого порога, через который люди до сих пор переступали один или два раза в столетие.

Он, может быть, последний, для кого этот берег – пустыня. Завтра, – он верил, – сюда придут пароходы, и у новых причалов будут скрипеть лебедки...

И вот бежит Седов по берегу. Иногда он должен карабкаться на крутой обрыв, осыпающийся прямо в море, иногда сбегает к воде, однообразный шум которой так постоянен, что неприметен уху.

Половину дороги он уже пробежал, и в его распоряжении жении больше часа. Он позволяет себе небольшие передышки, когда идет шагом и переводит дыхание. Иногда он насвистывает – все тот же привязчивый мотив петербургского романса: «Судьбы полет, судьбы полет!..»

Но его самоуверенность испытывает первый удар, когда, перевалив через крутой мыс, он оказывается перед препятствием: в море впадает речка. После минутного раздумья Седов идет в воду, благо сапоги высокие. Но, пройдя три шага, он убеждается, что сапоги для этой речонки все-таки коротки – вода уже дошла до пояса, а дальше – глубже, и течение может унести в море.

Возвратившись на берег, присаживается. Он видит, что препятствие серьезнее, чем можно было думать. Речка бурлива и глубока. Возвращаться назад? А эти дьяволы – хронометры. Он представил себе красный ящик с пружинами, в котором, заботливо уложенные, покоятся три небольших мерно постукивающих прибора.

И он вскакивает и бежит вверх по течению речки, теперь уже без песни, не на шутку встревоженный. Он пробегает версту, вторую, третью,

но брода не находит. Тут он вспоминает, что удаляется от цели и, повернув, устремляется к морю... Счастливая мысль приходит ему в голову: воспользоваться баром реки, той песчаной насыпью, которую река нанесла в море перед своим устьем. Это возвращает ему уверенность и веселое настроение, он замечает, как красива тундра, местами еще покрытая снегом, а кое-где разукрашенная тысячью маленьких разноцветных цветков.

Вернувшись к устью, он решительно входит в море и пробует перейти на другую сторону реки перед местом ее впадения. Через минуту вода уже по грудь ему, быстрое течение уносит песок из-под ног, и он замечает, что против желания удаляется от берега. Вот ему уже приходится не идти, а плыть. Упрямая сила толкает его в море. Он решает вернуться. Он борется с течением, а главное – с предательской зыбкостью дна. уплывающего в море почти так же стремительно, как вода реки.

Наконец, он снова на берегу. Теперь ему уже приходится сесть не для раздумья, а чтобы передохнуть. Он не только промок, но и замерз. Ему нужно крепко сжать челюсти, чтобы заставить подбородок не дрожать. «Что делать?» – думает он, не забывая о своих хронометрах. Какое-то чувство подсказывает ему, что выход где-то здесь, рядом с ним, он в этом убежден, потому что принадлежит к людям с неиссякаемой, неутомимой энергией. И когда, полубессознательно, он обводит глазами берег, где на песке валяется различный океанский хлам, то замечает несколько бревен, чернеющих под обрывом в тридцати шагах от него. Может быть, сто лет назад, где-нибудь в тайге, у верховьев тысячеверстной сибирской реки, оторвался кусок берега, подмытый медленной разрушительной работой течения, и несколько деревьев, все более чернея и отяжелевая с годами, совершили неторопливое путешествие в океан, чтобы еще через некоторое время быть выброшенными на этот пустынный берег, где из них человек может связать плот. И вот Седов катит бревна к реке и спускает два из них на воду. Затем он расстегивает свою кожаную куртку и достает глубоко запрятанные часы. Взглянув на них, убеждается, что хронометрам осталось жить немногим более получаса. В его руках довольно толстый шнурок от часов – это единственное, чем он может связать бревна.

Через пять минут Седов пускается в свое плавание. Ружье подвязано у самых плеч, сапоги и куртка висят на левой руке, в правой он держит шест. Сидя на бревнах верхом, он отталкивается шестом от дна речки. Насвистывая сквозь зубы, злой и сосредоточенный, он старается сохранить равновесие. Через несколько минут, приблизившись к середине речки, которая здесь особенно бурлива, он уже не может достать шестом дна. Плот не

управляем. Вода спешит в океан, и туда же, повернув их по своей воле, несет бревна. Прежде чем успевают Седов оценить эту беду, он замечает новую: шнурок лопнул, и бревна расплзаются. Теперь нужно плыть. Сейчас будет ясно, кто сильнее: мышцы человека или упрямое течение этой подлой речонки. И Седов плывет поперек течения, он плывет не к близкому берегу, от которого отчалил, а к дальнему – к тому, который ему нужен, чтобы, заведя хронометры, спасти свое время. Он держится левой рукой за бревно, одновременно прижимая к нему свою одежду, а правой выгребает к берегу. Собственно говоря, он борется за жизнь, но это не приходит ему в голову, хотя борьба длится невероятно долго – триста или четыреста секунд. Счет надо вести на секунды, потому что достаточно ослабеть или потерять волю на одно мгновение, чтобы река воспользовалась этим и, опрокинув, унесла тебя в море.

По Колымскому тракту на оленях.

Фото Г. Седова.

Он падает ничком на мокрый и колючий песок в том самом месте, где берег реки, загибаясь, становится берегом океана. Тошнотворная слабость отняла у него силы. В голове тяжесть, в ней что-то стучит. Он не может открыть глаза. Он не пошевелит рукой, как бы ни было это необходимо. Слабость, оцепенение и тошнота. Так должны чувствовать себя люди, умирающие от голода.

Но вот он стоит уже на четвереньках. Ружье свешивается через плечо и стволом почти достигает песка. Потом происходит чудо медленного возвращения сил. Он уже идет, пошатываясь, босой, держа на руке, согнутой в локте, свою одежду и сапоги. Силы притекают к нему непрерывно, потоком таким быстрым, что он ощутит, – и есть ли что-нибудь сладостнее этого возвращения к тебе твоих мускулов, твоего дыхания и твоего верного и нестесненного сердцебиения?

И вместе с силами к нему возвращается мысль о цели, которой он еще не достиг. В одно мгновение он увидел, как бегут стрелки хронометров, как время убегает от него, и еще раз представил себе то, о чем забыл, когда лежал на песке, – провал всего дела, зависящего от трех немудреных приборов, спрятанных в ящике с пружинами.

Может быть, еще не поздно. Бежать!

И снова бежит Седов по берегу океана. Он надел сапоги и бежит, прижав локти к бокам, молча – теперь уже без песни и, кажется, без мыслей. Ветер свистит мимо его ушей, океан провожает его усилившимся гулом прибоя, песок скрежещет ему вдогонку. Сгущаются сумерки, из тундры наплывает ночь. Тоскливое предчувствие приходит к нему вместе с сумерками, но он продолжает бежать и, чтобы не думать, считает: раз, два, три, четыре – свои шаги.

Наконец, когда уже в боку невыносимо колет, а ноги так устают, что их прямотаки вырывать приходится из песка, он достигает лагеря. Это старый сруб, оставшийся на берегу от времен беринговой экспедиции, а рядом с ним палатка, в которой держат припасы.

Седов вбегает в избу, хватая электрический фонарь, оставленный на ящике, и, открыв ящик, вскрикивает. Вслед затем он садится на пол и несколько минут ничего не делает. Это блаженство – не спешить, не тревожиться, просто сидеть, упираясь на руки, и слушать, как стучат хронометры.

– Эх, голубчики, сукины дети, – говорит он ласково и примиренно, неторопливо приступая к заводу приборов..

Через десять минут Седов лежит под сухим одеялом. Он быстро засыпает, сразу забыв, как спасал свое время. Ему снится летний вечер в Петергофе, и невидимый голос поет дурацкий припев к непонятному романсу:

Судьбы полет,
Судьбы полет!
Судьбы полет-лет-лет!

Но в других сновидениях этой ночи он видит маяк Лаптева и свои новые знаки на берегу океана.

Утром он просыпается от звуков песни, с которой подплывают к берегу казаки, окончившие постройку. Полуодетый, он выходит на берег встречать казаков. Солнце поднялось над тундрой и, не стесненное тучами,

светит во всю силу, на весь, может быть, Ледовитый океан.

– Сработали? – спрашивает Седов казака, выскочившего из карбаса, чтобы подтянуть его к берегу.

– Тыщу лет простоят, – отвечает казак.

III

29 августа карбас с остатками провизии, инструментами и другой кладью вышел из бухты Амбарчик и повернул на юго-запад. Карбас вошел в реку и медленно, где под парусом, а где и только на веслах, стал подыматься вверх по течению. Океан остался за кормой.

Экспедиция заканчивала работы. На привалах, в палатке, при свете «летучей мыши» Седов готовил отчет.

Он отметил вначале, что выезд из Петербурга задержался. Больше ни слова об этом. Что бы ни написал штабс-капитан Седов, как бы он ни негодовал, все равно канцелярии, размещенные в корпусах адмиралтейства, останутся нерушимы в своем застенелом равнодушии. Он не написал и о том, сколько раз во время пути из Иркутска в Среднеколымск отгонял он мысль, соблазнительную и вполне даже пристойную с точки зрения петербургских деятелей гидрографии: плюнуть на все, телеграфировать по начальству, что задержался из-за весенней распутицы, и засесть в каком-нибудь Якутске, почитывая романы и поигрывая по маленькой в преферанс в гостеприимном кругу местных администраторов. Можно не сомневаться, что никого такое решение не удивило бы, и не из боязни служебных осложнений он все-таки продолжал двигаться вперед по проклятым трактам – Верхоянскому и Колымскому.

Итак, сделано следующее. Исследован первый, или морской, бар перед устьем Колымы, когда-то фарватер проходил против того места, где Дмитрий Лаптев поставил свой маяк. Но прошло сто семьдесят лет, и река выдвинула песчаную насыпь бара дальше в океан на пятнадцать-двадцать верст. Маяк Лаптева остался в стороне.

Исследован и второй бар, так называемый речной. Между ними найден фарватер. Устье реки промерено и снято на карту.

О промерах многое можно было бы рассказать. Кто не плавал на карбасе юкагирской постройки, тот не рисковал еще жизнью. Эта посудина обшита досками не толще пальца – в полдюйма. Достаточно по неосторожности стать в карбасе прямо на обшивку, чтобы вода хлынула в отверстие, продавленное сапогом. Гвоздей нет – карбас не сбит, а связан

тальником. Пазы законопачены мохом, перемешанным с землей, а поверх залиты серой.

Отплытие из Среднеколымска.

Отправились однажды утром при хорошей погоде искать подход к бару. Отошли верст на восемь-девять в море. Работа ладилась, и гребцы напевали песни. Казалось, что карбасу нипочем легкое волнение.

Но так было недолго. Подул шолонник – юго-восточный ветер. У волн образовались белые гребни, небо заволокло тяжелыми серыми тучами.

Пришлось промер прекратить и торопиться к берегу. Но это оказалось не просто – карбас не выгребал против береговых волн. Как ни налегали казаки на весла, лодку относило назад, в море.

Но опасность увеличилась во сто крат, когда из пазов начал вылетать мок. В щели полилась вода. Нужно было затыкать их. Один сорвал с себя рубаху, разодрал ее на лоскуты, чтобы законопачивать карбас. Скоро потребовалось пустить в ход еще несколько рубах и все платки. Вода лилась в карбас.

Впрочем, пугала даже не течь, а то, что с каждой минутой слабело крепление карбаса. Тальник, которым лодка была связана, начал уже рваться.

Казаки и Седов выбились из сил. Карбас отшвыривало от берега. В любую минуту он мог развалиться, и они оказались бы в воде, рядом с кучей легких досок.

Их отнесло к мели, далеко вытянувшейся в море. К счастью, на мели, как это нередко бывает на Севере, лежала стомуха – огромная ледяная глыба, оставшаяся от зимнего времени. Они укрылись за стомухой, чтобы спрятаться от бури, и отстаивались часа четыре, собираясь с силами и

подправляя, чем можно было, ослабевший карбас.

Отдохнув, поплыли со свежими силами к мысу Малому Баранову. Буря не унималась. Гребли всю ночь и только утром прибились к берегу.

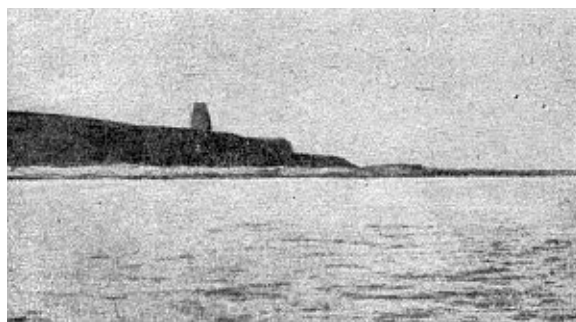
– Ну, ребята, – сказал казакам Седов, – кто-нибудь из нас безгрешный, вот бог и пощадил...

Но казаки не поняли шутки. Они крестились и благодарили бога за спасение от гибели.

А домой, в свой лагерь, двинулись по берегу, таща провинившийся карбас на бечеве.

Вот что иногда бывает во время промера.

Итак, сделаны промер и съемка реки от Шалауровского рейда до самого Нижнеколымска. Съемка еще не закончена. Она не доведена до Нижнеколымска. Но будет доведена. Седов пройдет пешком, считая шаги, все это расстояние.

Маяк Лантева на мысе того же названия в 1909 году.

Карбас тянется по воде, против течения. А по берегу идет Седов и считает: «Раз, два, три...» С ним компас и записная книжка, чтобы записывать число шагов по азимуту.^[6] Попадаются места заболоченные. Попадаются крутые скаты. Встречаются и речонки, вливающиеся в Колыму. Седов считает шаги. Временами у него кружится голова. Он чувствует слабость и принужден опуститься на песок. Это от голода. Он отдыхает, но, помимо воли, в голове тянется все та же ритмичная прерывистая линия: раз... два... три...

И ночью, в палатке, часто Седов просыпается и с досадой обнаруживает, что в голове этот докучливый счет не прекратился.

Сначала у них вышел весь хлеб, потом – сахар. Им повезло: они нашли на берегу реки чей-то склад собачьего корма – старую вяленую рыбу. Некоторое время питались они ею; но и она кончилась. Последние два дня пути уже ничего не было. Лишь время от времени удавалось найти в

кустарнике кислотоватую ягоду – голубицу.

Так, считая шаги и борясь с голодной слабостью, экспедиция идет до Нижнеколымска...

В этом городе, отдохнув, Седов пишет выводы своего отчета. У него широкие планы. Седов касается вопросов, совсем (не подведомственных Гидрографическому управлению.

«...Необходимо сказать, – пишет он, – что исследование устья Колымы и выяснение возможности, таким образом, плавания морских судов через бар в реку до Нижнеколымска могут безусловно сделать переворот в жизни Колымского края.

До сих пор на Колыме не знали ни ремесла, ни мастерства и вообще культуры. Ловили рыбу первобытным способом. Промышляли зверя, как бог на душу положит, без мало-мальски сносного оружия и т. д.

Питание жителей заключалось исключительно в рыбе и отчасти в мясе, при полном почти отсутствии хлеба. Голодовки случались почти каждый год. Привозные продукты первой необходимости так дорого стоили, что бедному населению не было никакой возможности ими пользоваться...

И вот теперь, – пишет далее штабс-капитан Седов, – с выяснением возможности плавания морских судов через бар в реку, открывается возможность все дешево получить, – как жизненные продукты, так и орудия для занятий. Вслед за этим придут и люди культурные и опытные и научат бедное, полуголодное, полудикое население облегченно, но вместе с тем более плодотворно трудиться и жить по-человечески. Поэтому, принимая в соображение возможность, таким образом, улучшения быта Колымского края, надо думать, что русское торговое мореплавание к берегам Колымы не замедлит развиться на общую пользу дела, тем более, что наблюдение за погодой и за льдами в море показали, что плавание в этой части Ледовитого океана для морских судов возможно в течение по крайней мере двух месяцев...» [11](#)

И в конце своего отчета Седов излагает соображения о необходимости перенести столицу края из Среднеколымска поближе к морю, например, в Шалаурово. Еще более важно немедленно завести на Колыме речное судоходство. Тогда край придет к расцвету, все будут сыты, довольны...

ГЛАВА ВТОРАЯ

ГИДРОГРАФ

I

Седов попал в Петербург в разгар сезона, перед рождеством.

После экспедиции на Колыму, после тундры, тайги, наледей и горных перевалов, хорош показался ему Петербург, с его театрами и автомобилями, балами и развлечениями в дружеской компании молодых, склонных к веселью моряков.

Все улыбалось ему в эту зиму. Начальники его хвалили, Андрей Ипполитович Вилькицкий ^[2], глава российской гидрографии, говорил штабс-капитану:

– Исследование устья Колымы произведено вами с отменной тщательностью и полнотой, делающей честь вашей энергии и, так сказать, отваге... Его высокопревосходительство господин министр, по моему докладу, отозвался о вас с большим одобрением.

С соблюдением соответствующей случаю деликатности у него выспрашивали через третьих лиц, что предпочитает он получить за Колыму: орден или чин? Конечно, он предпочитал быть капитаном, если уж ему позволяли выбирать. Чин – это деньги, которых совсем немного у одинокого моряка, а главное – возможность получать работу более самостоятельную.

Газеты печатали заметки об экспедиции штабс-капитана Седова, а конференция Академии наук адресовала ему благодарственное письмо за собранные на Колыме коллекции: за камень из отложений Изосимовского утеса, за растения с мысов Медвежьего и Лаптева, за образцы Булунского и Азданского углей, за чучело редкой птицы – розовой чайки, убитой на взморье Колымского устья, а также и за рог ископаемого животного, найденный в нижнем течении реки Березовки. ^[3]

Астрономическое общество приняло его в число действительных своих членов. Географическое общество поступило точно так же и просило сделать доклад.

Он был доволен всем этим, не предвидя, что очень скоро придется расплачиваться за популярность, которая не предусмотрена обычаем для

рядовых офицеров по адмиралтейству.

Продолжая обрабатывать материалы своей экспедиции, занимаясь в дневные часы дома или в адмиралтействе вычерчиванием карт и составлением таблиц, досуг он отдавал театрам, особенно часто – балету, визитам в такие дома, где собиралась танцующая молодежь и где можно было встретить интересных собеседников.

Свет, в котором он был принят, – это не высшее общество, примыкавшее ко двору, а тот многочисленный слой петербуржцев, который состоял из породнившихся между собой чиновных, военных и купеческих интеллигентных семейств. Здесь молодежь играла в фанты, выдумывала шарады, увлекалась модным тогда скетинг-рингом. Разговоры о политике, споры о новостях науки и искусства не считались в этой среде нарушением этикета. Офицеры, студенты, чиновники, а главным образом – невесты и женихи.

Вера Валерьяновна недавно окончила Патриотический институт, основанный в свое время для дочерей офицеров в память Отечественной войны 1812 года. Отец ее был командиром егерского полка. Потеряв на турецкой войне ногу, он должен был уйти в отставку.

Однажды Вера Валерьяновна была в театре. Давали «Лебединое озеро». Павлова умирала на сцене грациозно и трогательно. Когда зажгли свет, балерине была устроена овация. В партере, столпившись перед просцениумом, шумело несколько моряков. Они хором кричали «браво» и вызывали артистку вновь и вновь. Среди них выделялся особенной живостью поведения моряк с серебряными погонами – высокий, с маленькой светлой эспаньолкой, розовый от воодушевления, а может быть, и от выпитого в антракте вина. Он дирижировал кучкой своих приятелей, оглушительно хлопал в ладоши, чему-то смеялся, что-то кричал на ухо соседу и, когда Павлова выбегала кланяться, встречал ее могучим «браво», покрывающим все голоса в театре, как голос командира покрывает рев шторма и волн.

Вера Валерьяновна, не сводя смеющихся глаз с моряка, командовавшего манифестацией в честь прославленной балерины, шепнула кузине:

– Должно быть, они перед театром хорошо пообедали...

Прошел месяц, и Вера Валерьяновна получила однажды приглашение в дом Мордина, известного золотопромышленника.

– Я вас посажу между двумя женихами, – шутливо сказала хозяйка, вводя Веру Валерьяновну в столовую.

Соседи оказались офицерами: один – артиллерист, другой – моряк.

– Георгий Яковлевич Седов, – произнесла хозяйка, представляя моряка – штабс-капитана.

Взглянув, Вера Валерьяновна едва удержалась от смеха: перед ней был тот моряк, из театра. Сосед с другой стороны, жених-артиллерист, был забыт на весь вечер.

После обеда Георгий Яковлевич отвел свою соседку по столу в гостиную. Он рассказывал ей о своих приключениях на Севере, каждый раз прерывая себя вопросом:

– Простите, вам это, должно быть, скучно?..

Вере Валерьяновне было не скучно слушать этого человека, который так много видел и у которого так весело блестели глаза, когда он вспоминал о самых опасных эпизодах своей богатой событиями жизни.

Вскоре вокруг них уже собрался кружок мужчин и дам. В детстве и юности эти господа читали довольно много романов и поэтому знали кое-что и об Африке, и об Индии, а о других далеких странах. Но о существовании реки Яны, и о том, что в низовьях Колымы живет такой народ – юкагиры, – они не слыхали, хотя и получили воспитание в русских семьях и русских учебных заведениях.

Впрочем, этого нельзя сказать о двух слушателях Седова. Один из них хозяин дома, старик Мордин. Он сибиряк, и прииски его расположены на Дальнем Востоке. Он-то знает отечественную географию, особенно восточных окраин. С Седовым он познакомился несколько лет назад в Николаевске на Амуре. Молодой офицер заинтересовал миллионера, возбудив в нем нечто вроде симпатии своей настойчивой волей. Седов посвятил Мордина в свои заветные планы. Но так как для осуществления планов энергичного моряка нужны были деньги, а деньги Мордин любил вкладывать лишь в такие предприятия, которые были хорошо обеспечены, то между Седовым и золотопромышленником происходили довольно резкие пререкания. Седов напоминал о таких отвлеченных понятиях, как честь, родина, долг перед отечеством, прогресс науки, а Мордин жаловался на какие-то драги, которые съедают всю наличность. Миллионер видел в Седове силу и не мог не сочувствовать его замыслам. Но деньгами он привык распоряжаться под влиянием иных эмоций.

Неподалеку от хозяина, в стороне от молодежи, сидел господин средних лет, известный в Петербурге журналист и музыкант. Он помещал свои фельетоны в «Новом Времени» и касался в них не только музыки, но и самых животрепещущих вопросов науки, промышленности, государственного устройства, а также нравственности. У него был свой стиль: можно было сказать, что он либерал среди черносотенцев. Это

проявлялось в том, что он не валил все на евреев, как делал его собрат по «Новому Времени» всесильный Меньшиков. Он обходился без этого и имел своего читателя. Он ратовал за передовые идеи, подразумевая под этим завоевание Дарданельского пролива («щит на вратах Цареграда»), религиозное воспитание рабочих и тому подобное.

Он слушал Седова с живейшим интересом. У него было чутье, и он предвидел, что этот моряк еще заставит говорить о себе. Так же как и Мордин, он знал о проекте Седова. Его собственное отношение к замыслу штабс-капитана еще не определилось, вернее говоря, он еще не решил, можно ли сострять из него фельетон, да не один, пожалуй, фельетон, а целую газетную кампанию – с письмами в редакцию и ответами на них, с призывом к читателю и с серией коротких сенсационных сообщений, подписываемых скромными, но и откровенными инициалами популярного фельетониста...

После кофе начались, как всегда, танцы. Дочь хозяина пела. Потом составились два кружка: одни удалились в кабинет Мордина для игры в стукалку, другие – молодежь – устраивать шарады.

И в полночь, на тротуаре, перед автомобилем золотопромышленника, в котором дамы и барышни отправлялись по домам, прощаясь с Верой Валерьяновной, Седов вдруг обнаружил, что весь вечер смотрел только в эти глаза – большие, темные, любопытные – и, кажется, влюбленные.

II

Прошло несколько месяцев.

– Я обязан предупредить вас, – говорит Седов и поднимается с кресла.

– Я хочу предупредить вас, Вера Валерьяновна, заранее предупредить о таком обстоятельстве моей жизни, которому свет может придать значение. Прежде чем вы скажете да или нет, прежде чем решите свою и мою судьбу, – выслушайте мое признание. Офицерский мундир может обмануть вас... Вы должны знать, что человек, который любит вас и просит вашей руки, происходит из иного, чем вы, сословия, родители мои – совсем простые люди... [\[4\]](#)

...В Приазовье, в Области войска донского, в многолюдной казацкой станице Новониколаевской, жили люди богато, дома их, крытые розовой фигурной черепицей, выбеленные мелом и разрисованные синькой, стояли среди кудрявых садочков, в которых весной поспевала веселая черешня, а летом – тяжелые груши и яблоки. Разрослась станица на черноземе, среди

пшеничных полей, недалеко от морского берега, песчаного и плоского; на берегу казаки держали флотилию вместительных плоскодонных лодок и сети – каждая длиною в двести-триста сажен.

Поближе к берегу, подальше от чернозема, на сухой, песчаной земле, среди бесплодных акаций, выросших там и сям, вытянулись вдоль кривенькой улицы нескладные хатенки хутора Кривая Коса. Летнее море – белесое, как глаза, выцветшие на солнце; гневное осеннее море, с табунами волн, оставляющих на пологом берегу округлые, как облака, охалки пены; ледяные поля зимой, вечно перемещаемые и вновь образующиеся под влиянием невидимой, но неостановимой работы моря, – вот то, что всегда было видно из окошек кривокосских хат, то, что и ночью напоминало о себе запахом – соленым и чуть гнилостным – и шумом, ласковым или ворчливым.

Здесь Седов родился и жил в детстве.

Его отец был рыбаком, его звали Яков Евтеевич. На этом обрывается генеалогия рода Седовых, потому что в их семье не было ни наследственных имений, которые нужно было бы делить и беречь, ни переходящих к потомству званий, которыми следовало бы гордиться.

Можно лишь догадываться, что Седовы происходили от тех русских мужиков, которые, спасаясь от крепостной неволи, голода и безземелья, бежали из центральных губерний, «шли в хохлы», на юг, в степную Украину и в казацкие области, где ждала их батрацкая неволя или бесправное существование «иногородних».

Когда ребенок впервые узнал необходимость трудиться ради хлеба, – он стал взрослым. От старших он воспринял способность к терпеливой работе от зари до зари, на берегу, под тяжелым солнцем, среди обсыхающих шаланд; с восьми лет он приобрел это умение жить изо дня в день с натруженными пальцами и ноющей спиной.

Беловолосый и круглоголовый, веснучатый, как берег, усыпанный галькой, крепконогий и увертливый, он воюет во главе ватаги кривокосских рыбальчат с юными станичниками, щеголяющими в отцовских форменных картузах и в перешитых шароварах с лампасами. Он подстерегает их у церкви перед выходом из приходской школы. Книжки, которыми они отбивают удары нападающих, и ломти пшеничного хлеба, спрятанные за пазухой, – вот предметы его зависти и цель его набегов.

Его берут в море, и он помогает отцу в промысле, спит на куче снастей на корме в то время, как парус хлопает над ухом и мачта скрипит, а лунная дорога, которой он удивляется, проснувшись, ведет далеко через все море к таинственным и заманчивым странам.

В этих поездках он узнает, что такое опасность и как к ней следует относиться: рабочая деловитость рыбаков, сопротивляющихся гибели, которая в штормовую погоду ежеминутно подкатывается под хрупкое днище лодки, – рабочая эта деловитость в минуту опасности стала и для него единственно возможной формой поведения, и только много позже он узнал, что этому есть название – храбрость.

Виллем Баренц (1550–1597).

Десяти лет Он пережил приключение, едва не стоившее ему жизни. Это было зимой, когда Азовское море покрывается хрупкой и обманчивой коркой льда. Старшие были на подледном промысле, в нескольких верстах от берега. Трех мальчуганов, и в их числе Егорку Седова, послали из дому к рыбакам отнести полдник. Эти краюхи домашнего крутого хлеба и вареные картофелины в казанках только и спасли мальчиков. Ребята прошли большую часть пути, когда наткнулись на полынью, черным зигзагом рассекавшую ледяное поле. Повернули назад, пробежали шагов сто и убедились, что и от берега их отделило водой. То подул береговой ветер, быстро перемешавший, как карты на столе, едва скрепленные между собой ледяные поля. Лыдина, на которой металась три мальчика, была сравнительно велика – пятнадцать-двадцать сажень в поперечнике. Иногда она краями упиралась в соседние льдины, но мальчишки не решались покинуть свое поле, которое казалось им и плотнее и больше других. Лед несло в открытое море. Надвинувшийся вечер скоро запрятал в синем сумраке родные берега. Мальчишки увидели себя среди моря, в темноте, на

одинокой теперь уже льдине, и заплакали, сев в кружок.

Через три дня их нашла шаланда с соседнего хутора. Они были синими от холода и страха. К счастью, им почти не пришлось голодать. В запасе были еще три картофелины и три одинаковых шматка хлеба – остаток тех порций, на которые поделил всю еду Егорка Седов.

Когда их доставили в Кривую Косу, Егорка заметил, что мать его как-то похудела за эти дни, пока он пропадал. Впервые тогда он испытал нежную родительскую ласку и на всю жизнь запомнил ее.

Бедность и обычай, казалось, предопределили его судьбу. На одной стороне – могучие силы нужды, привычек и мужицкого здравого смысла, предписывающего великие законы осторожности и самосохранения. А на другой стороне – одна лишь сила: упорство любознательного подростка, пытливая жадность его сознания. Происходит борьба этих сил, неравная борьба, в которой воля мальчика закаляется и в конце концов побеждает.

Какими-то путями к нему пришло желание учиться в школе. Может быть, вначале это было стремление стать вровень со станичными ребятами, может быть, кто-нибудь из взрослых повлиял на мальчика.

Его не хотели отдавать в школу. Он требовал. Отец колотил его. Он просил у матери поддержки и слезами завоевал себе союзницу. В четырнадцать лет он достиг своего – начал учиться в приходской школе. Он пел на клиросе в церкви и за отличное учение получил от учителя красный кушак. Это ему нравилось: впервые пробудилось его честолюбие.

За два года он закончил трехклассную школу. Дальше учиться было нечему и незачем: ему было уже шестнадцать лет – это возраст работника. Отец сговорился с приказчиком генерала Иловайского, и юный Егор Седов начал батрачить в имении. Оно находилось довольно далеко от Кривой Косы, и родные, провожая Седова, прощались с ним надолго. Через восемь месяцев он возвратился домой – повзрослевший и непокорный: срок договора с Иловайским не окончился, Седов бросил имение и убежал.

– Каторга, – только и сказал он в объяснение своего поступка.

Отец смолчал, зная, какой Егор работник. А нужда в доме была велика.

– В студенты задумал?! – с угрозой спросил Яков Евтеевич, потому что слышал от самого учителя о том, что сыну его надо учиться дальше.

Егор пошел не учиться, а снова в работники, на этот раз не в имение уже, а в торговый склад, принадлежавший помещику Фролову. Беднота целой округи была в кабале у владельца этого склада, в котором продавалась рыболовная снасть, а также соль и другие товары, нужные рыбаку. Егор Седов катал бочки, таскал мешки, чинил сети и паруса, сторожил склад. Молодой работник нравился хозяину: он был не только

силен, ловок, вынослив, а еще и грамотен, что случалось совсем уже редко. Ему положили на второй год службы огромное жалованье – десять рублей в месяц. Судьба юноши, так хорошо начинавшего, по кривокосским взглядам, была хорошо обеспечена. Уже и девушки хуторские заглядывались на Егора, когда в воскресенье он проходил по улице в картузе с лаковым козырьком и с веточкой мяты, лихо заткнутой, по местной моде, за ремешок.

На взгляд родителей, он был хороший работник и заботливый сын, отдававший в семью весь заработок. Соседи считали, что сын Якова Евтеевича вот вот вытянется в женихи и будет добрым хозяином. Сверстники любили Егора за веселый нрав.

Но лишь немногие знали, что жизнь Егора давно уже раздвоилась. Вечером, когда склад закрывали, в чулане молодого работника загоралась тайная свеча. Егор раскрывал книгу. Начиналась вторая жизнь, чудесным образом заключенная в узких строчках, со всеми страстями, на которые способна человеческая душа, и со всеми землями, морями и городами, которые может увидеть или вообразить человек. Так, изо дня в день – обыденное существование для хлеба, для людей и ни с кем не разделенная вторая жизнь, в которой он выступал то Робинзоном, то Суворовым, то Михайлой Ломоносовым, отважным пиратом или вождем дикого племени. Для более слабого характера эта раздвоенность могла бы стать роковой. Но молодой Седов не испытывал тоски или угнетенности духа. В нем поселилась уверенность, неизвестно на чем основанная, что рано или поздно он покинет Кривую Косу для каких-то необыкновенных дел и подвигов. Счастливая убежденность юношеского сознания!

Скоро эти мечты приняли характер более реальный. Егор свел дружбу со стариком – капитаном парусно-моторной шхуны, доставлявшей на склад Фролова соль и другие товары. Капитан видывал на своем веку виды, любил рассказывать всякие морские истории и рад был жадному любопытству молодого работника. Бывало, судно отстаивалось от непогоды по два-три дня, и тогда Егор Седов совсем переезжал в крохотную каюту капитана, пропахшую всеми запахами морского и холостяцкого быта. Посасывая свою коротенькую трубку, с наполовину отгрызенным мундштуком, капитан рассказывал о плаваниях в далекие страны, о стоянках в чужеземных портах, о штормах и кораблекрушениях, о матросских бунтах и контрабандных рейсах, о различных встречах на больших океанских дорогах, в тропиках и за Полярным кругом. Седов сидел на пустом ящике из-под мыла и слушал, не прерывая, не переводя дыхания. Время от времени капитан многозначительным жестом

опрокидывал только что опустошенную бутылку пива, и Егор стрелой мчался на берег за новым запасом.

Однажды, прощаясь перед отплытием, капитан сказал работнику:

– Чтой-то я примечаю, не у своего места живешь ты, хлопец...

Егор ответил, что хочет стать моряком.

Капитан крякнул и веселыми глазами посмотрел на своего юного приятеля.

А в следующий раз, когда прибыл для склада новый груз соли, старик завел разговор, которого с волнением и надеждой ждал Седов. Он сказал, что можно исполнить задуманное, если быть двужильным, – и пытливо посмотрел на Седова. Тот утвердительно кивнул. Голодать, может быть? Седов кивнул. Работать, как сто чертей? Седов сказал:

– Это могу.

Тогда капитан назвал город и место, куда обратиться. Остальное, мол, соображай сам. На том и простились навсегда.

Однажды, в дождливый день ранней весны, в бойкий город Ростов На Дону вступил парень восемнадцати лет отроду. Вошел он в город с доброй палкой, чтобы отбиваться от собак, с хлебом и салом, запрятанными в котомку, где лежала еще запасная рубаша и паспорт, выкраденный у отца. Эти припасы да еще готовность к любым испытаниям – вот все, с чем явился молодой Седов на завоевание своей судьбы.

Ему повезло. Директор мореходного училища понял, что за человек стоит на пороге его кабинета с фуражкой в руках и с котомкой у ног. Седов очень верил тогда людям и поэтому рассказал все: и как добивался у родителей, чтобы пустили в школу, и как читал книги, и что сказал ему старик-капитан, и как бежал он из дому, пробираясь в Ростов от станицы к станице пешком и лишь иногда на тормозе товарного вагона.

– Хорошо, – сказал директор, – ты должен выдержать экзамен. Приходи послезавтра.

Экзамен он выдержал. Кое-чего не знал, но то, чему учили в школе, помнил, как собственное ими. С этого дня он стал не Егором уже, а Георгием.

– Занятия осенью, – сказал директор, – куда же ты теперь?

Седов поступил матросом на пароход «Труд», принадлежавший судовладельцу Кошкину. Капитаном был грек, по фамилии Муссура. «Труд» ходил в азовские и черноморские порты. На этом судне началась его мореходная карьера. Через много лет, вспоминая дни своей юности, он говорил, что родился под счастливой звездой. Работать летом матросом, а зимой на заработанные деньги жить и учиться – вот счастье, которое не

всякому дается!

И он через три года, в 1898 году, окончил мореходное училище и написал первое после разлуки письмо родителям, в котором просил прощения за побег и сообщал с откровенной гордостью, что стоит на верной дороге, потому что имеет диплом штурмана.

Будущее, казалось ему, лежит перед ним привольной морской дорогой. Он уже не был тем мальчуганом, которому в вонючем чулане грезилась океанские просторы и необыкновенные приключения. Но он смутно мечтал о каких-то больших делах, о подвигах – неизвестно где и для чего. И он надеялся, что плавания и звание штурмана откроют перед ним те цели, которых он всей душой ждал. Поэтому он не пал духом в те месяцы, после окончания училища, которые провел в Ростове в ожидании свободной вакансии. Костюм, купленный перед выпуском, пришлось снести на базар. Голодая, он поддерживал себя даровым хлебом надежды и сокрушался о несовершенстве человеческого организма, подобного машине, которую нельзя остановить, – всегда она требует топлива.

Потом он плавал капитаном по Черному и Средиземному морям. Он возил керосин из Батума на пароходе «Султан», потрепаном, как башмак бродяги.

Как раз, когда такая работа начала ему надоедать, случилось нечто, решившее судьбу молодого моряка по-новому.

Хозяин «Султана», турок, не без умысла доверил свою дряхлую посудину новоиспеченному штурману. Ему нужны были деньги, он хотел получить их в виде страховой премии за свой пароход, который годен был только на слом. Выл испытанный способ, оставалось лишь найти сговорчивого капитана. Седов, изголодавшийся в ожидании работы, казался турку подходящим для его целей. Однажды в море хозяин сказал прямо:

– Если посадите судно на камни, – получите десять процентов страховки.

Седов подумал, что хозяин шутит. Но тот достал из бумажника приготовленный вексель и помахал им перед носом капитана.

– «Султан» идет в Новороссийск, – сказал Седов и ушел в свою каюту.

Ночью хозяин пришел на мостик.

– Вы карту хорошо знаете, – сказал он, – кажется, это здесь.

Действительно судно проходило в эти минуты вблизи от подводных камней.

– Мы идем в Новороссийск, – ваш приказ, – отвечал Седов.

Турок снова зашептал так, чтобы рулевой не услышал, о страховой премии.

– Я сказал: на камни судно не поведу! – рявкнул Седов.

Хозяин скатился с мостика и больше уже не являлся.

Но зато в Новороссийске Седов получил расчет. Через месяц он прочитал в газете, что «Султан» сгорел, команда вся спаслась, а хозяину выдали страховые ^{5}.

В это время он готовился к новому решительному шагу, почти столь же значительному в его жизни, как бегство из дому. У него был план. Он не хотел возить керосин или соль по проторенным морским дорогам, и ему Не нравилась зависимость от торгашей-судовладельцев. У него были уже опыт и знания для того, чтобы понять, как далека действительность от его юношеских мечтаний о морокой жизни. Теперь он наметил для себя новую цель. «В этом мое призвание», сказал он себе, и, долго не колеблясь, начал работать, осуществляя задуманное.

Прежде всего он поехал в Севастополь. Явившись к военно-морскому начальству, записался добровольно или, как тогда говорили, – охотником в военный флот. Его зачислили в учебную команду. Диплом мореходного училища был принят во внимание. Седов был назначен на учебное судно «Березань» в качестве штурмана. Через полтора месяца он одолел первую часть своей программы: сдал экзамен на прапорщика запаса флота.

Немедленно после этого он отправился в Петербург. Впереди было самое трудное препятствие. Он хотел сдать экстерном экзамен за морской корпус, чтобы получить чин поручика. Для этого нужны были знания, намного превышавшие те, что он успел приобрести в приходской школе и в мореходном училище. Морокой корпус оканчивали его сверстники, с детства обучавшиеся у десятков учителей; они никогда не чинили сетей, не таскали мешков, не голодали, не тянули матросскую лямку на грузовых пароходах. Впервые ему предстояло встретиться и соревноваться с людьми этой породы, и он не хотел поражения.

Но даже самых больших знаний не было достаточно, если в паспорте у человека было записано: мещанин. Чин поручика – первый офицерский чин – мог быть получен лишь дворянином.

Как случилось, что Седова допустили к экзамену, – почти необъяснимо. Должно быть, помогла протекция, которую Седов нашел, кажется, через одного своего товарища по мореходному училищу, жившего в то время в Петербурге.

В октябре 1901 года он блестяще сдал экзамен за курс морского корпуса и 22-го числа того же месяца был произведен в поручики запаса флота по морской части.^{6} Для полного завершения плана Седову

оставалось сделать еще лишь один шаг. Но для этого потребовалось ровно полгода – шесть зимних месяцев в чужом неприветливом Петербурге, без работы, без денег, в полном одиночестве. Чиновники канцелярий морского министерства имели возможность за эту зиму изучить во всех подробностях внешность настойчивого просителя, молодого человека в штатском, желающего служить по гидрографии.

22 апреля 1902 года поручик запаса флота Седов был «определен в службу с зачислением по адмиралтейству». Свершилось: он стал кадровым офицером, вошел в эту касту и будет носить кортик по будням, а по праздникам – палаш. Он наденет мундир с погонями, и матросы будут величать его: «ваше благородие», имея в виду его происхождение от благородных родителей. Батрак, рыбацкий сын и матрос – отныне он дворянин и находится на первой ступени офицерской иерархии. Но в этом ли была его главная цель?

Через три дня после зачисления «в службу» он уехал из Петербурга. В Архангельске бункеровалось судно «Пахтусов», и там ждали поручика Седова – помощника начальника гидрографической экспедиции.

Началась работа, которая была его призванием, целью его жизни.

На западе – перед государственной столицей, на востоке – вдоль полупустынных лесистых и тундровых земель сибирских окраин, на юге – по обе стороны Кавказского хребта и, наконец, на севере – от Мурмана до Чукотки – от норвежской границы до северо американской – всюду Россия омыта морями и океанами. Нет другой страны с водной границей такого протяжения. Балтийское море, Черное и Каспийское, Тихий океан с Беринговым, Камчатским, Охотским и Японским морями, Северный Ледовитый – с Баренцевым, Белым, Карским, Лаптевых и Восточно-Сибирским морями делают Россию великой морокой страной.

Памятник исследователю Новой Земли П. К. Пахтусову (1799–1835) в Кронштадте.

Седов хотел участвовать в работе, которую начали по собственному почину новгородские ушкуйники в XI веке на Севере и казацкие ватаги в XVII веке на Востоке, а продолжили поколения моряков-гидрографов, – первыми из них были геодезисты, обученные самим Петром. Но этот труд, кропотливый и опасный, требующий от человека и умения быть точным, и умения быть храбрым, требующий и методической постепенности, и творческого дерзновения, – этот труд, казалось, был только начат. Лениво и нехотя отзывалось царское правительство на естественное стремление русских людей к изучению и освоению морских пространств. После Великой северной экспедиции, осуществленной по гениальному замыслу Петра, когда, как писал в прошлом веке историк, «дух великого Петра еще жил с нами, его начертания были свежи в памяти, им образованное поколение было готово действовать», – после этой необыкновенной по масштабу экспедиции, правительство никогда и не пыталось повторить что-либо подобное для изучения русских морей. Одним удавалось склонить

высокое начальство к поддержке, другие обходились без нее, а третьим царские чиновники попросту мешали. Но все же – от Ломоносова, чей проект Северного морского пути пытался осуществить Чичагов ^{7}, до Макарова ^{8}, построившего великолепный ледокольный корабль «Ермак» для исследования Ледовитого океана и писавшего с сарказмом, что «торосы победимы; непобедимо лишь людское суеверие...», – протянулся длинный ряд имен русских путешественников, посвятивших жизнь исследованию морей и берегов России.

Работа гидрографа прельстила Седова, – здесь он надеялся найти и выход для своей энергии, а главное – непрерывную смену обстановки, условий и задач. Кто знает, какие дерзкие замыслы и мечтания бродили в его сознании уже тогда, когда он тащился в медленном и грязном поезде из Петербурга в Архангельск, где ждали на гидрографическом судне «Пахтусов» помощника начальника экспедиции. Во всяком случае, он мог быть доволен собою: план выполнен наперекосяк всем преградам...

III

В мае 1910 года Седов писал в письме к невесте: «Сейчас только что вернулся из Царского Села... Государь улыбнулся и выразил свое удовольствие... Со стороны мне сообщили, что можно надеяться на производство. Я же совершенно равнодушен ко всему этому, ибо есть более веские интересы. Готовлю усиленно новую экспедицию...»^{9}

Это произошло так. Седов читал лекцию о своей экспедиции на Колыму в географическом обществе. Адмирал Нилов, близкий ко двору, присутствовал на лекции. Он рассказал о Седове царю, и через несколько дней Вилькицкому пришлось сопровождать штабс-капитана в царскосельский дворец. Седова предупредили, чтобы он был краток. Он вспомнил все, что видел и обдумал на Колыме, когда входил в кабинет верховного владыки государства, хозяина морей, рек, лесов и тундр. В черном парадном мундире до колен, с серебряным поясом и эполетами, с треуголкой в левой руке, штабс-капитан стоял навытяжку перед его величеством – невзрачным пехотным полковником, с тусклыми глазами, рассеянно перебирающим пуговицы на своем мундире. Штабс-капитан был более чем краток, – он оборвал свой рассказ на середине, пораженный скучающим и почти тоскливым взглядом верховного собеседника. Царь сказал с механической улыбкой:

_ – Спасибо. – И на этом оборвались и беседа, и все утопические надежды пылкого и наивного гидрографа.

Планы состояния льдов, карты и планы мензульных и глазомерных съемок экспедиции на Колыму были пронумерованы аккуратными архивариусами Главного гидрографического управления, они заняли место в указателе картографических материалов, составившемся с 1734 года.

Но все же в 1911 году Седов испытал нечто похожее на гордость и удовлетворение: пароход «Колыма», первый в истории пароход, вошел в исследованное Седовым устье реки. О выполнении решительных преобразований, которые наметил Седов для Колымского края, пришлось пока забыть. Но приятно было, что труд не пропал совсем даром.

В конце июня Седов венчался с Верой Валерьяновной. В тот же день молодые выехали в Архангельск. В этом же поезде в третьем классе ехали семеро спутников-рабочих, а в багажном вагоне были ящики с инструментами для наблюдений и съемок, ящики с консервами и палатки.

Свадебное путешествие было переполнено хлопотами о снаряжении гидрографической экспедиции. За пять дней в Архангельске нужно было закупить провизию, строительные материалы, карбасы и теплую одежду, а также подыскать недостающих трех человек в команду. Кроме того, у астрономического столба на стенке дирекции порта Седов несколько раз определял время, чтобы привести в порядок свои хронометры и на местной метеорологической станции выводил поправки анероидов.

В полночь 21 июля пароход «Великая княгиня Ольга Константиновна» отплыл из Архангельска с участниками экспедиции на борту. Через три дня «Ольга» вошла в губу Крестовую на северном острове Новой Земли и бросила здесь якорь. Неприятливо встретила Новая Земля исследователей. Два дня дул десятибальный «сток» ветер с востока. Выгружаться на берег нельзя было. Седов записал в свою тетрадь, как выглядит губа Крестовая. Это описание сделано сжатым языком навигатора и составителя карт – оно точно, полно и в нем нет ничего лишнего. Стачала о том, что при подходе с моря к губе Крестовой открываются на заднем плане губы остроконечные вершины, покрытые вечным снегом и тесно друг к другу прилегающие, В ясную погоду они видны за пятьдесят с лишним миль. По мере приближения судна к берегу все более вырисовывается обрыв Таран, удивительно похожий на форштевень броненосца, – он обращен на север-восток. «Южный берег губы, – писал Седов, – представляет собой возвышенную холмистую поверхность, спускающуюся отлогими уклонами к морю... Берег изрезан оврагами, по которым стекают в губу ручьи и падают водопады.

Северный берег так же скалист и утесист, но несколько ниже южного... Оба берега усеяны подводными и надводными камнями.

Восточная половина губы окружена со всех сторон цепью высоких остроконечных гор, покрытых вечным снегом и ледниками...» [{10}](#)

Еще в 1902 году на «Пахтусове» Седов ходил вдоль новоземельских берегов, производя съемку и описания.

И в следующее лето он плавал в этих водах и бродил с компасом по этим берегам. Война с Японией прекратила его участие в многолетней экспедиции для съемки берегов Ледовитого океана, предпринятой Главным гидрографическим управлением с целью подготовить навигацию Северным морским путем.

В 1904 году он, по добровольному желанию, был отправлен на Дальний Восток. Его назначили в Амурскую речную флотилию [{11}](#) в соединении так называемых номерных миноносок – устаревших и слабосильных. Сперва он был ревизором миноноски № 17, потом ревизором всего соединения и в конце концов – командиром миноноски № 48. Флотилия охраняла вход в Амур, так как было опасение, что японцы попытаются ввести в реку свои суда. Этого не случилось, и в боевых операциях Седов, можно сказать, не участвовал [{12}](#).

После окончания войны Седов остался на Дальнем Востоке. В течение двух лет он был помощником распорядителя работ по постановке вех и баканов в Тихом океане. При первой возможности он бросил эту работу и возвратился в Петербург. Два плавания на «Пахтусове» навсегда привязали его к Северу. Он полюбил полярную природу и то ощущение, которое знакомо только лишь людям, бросающим якоря в прозрачную воду безыменных бухт, только тем, кто наносит на карту контуры побережий, кто регистрирует для сведения мореплавателей направление течений, характер льдов и расположение подводных камней. Он полюбил Север и его пустынное безмолвие, но не потому, что любил одиночество, – напротив, он был простодушно общителен, – а потому, что по склонностям своим был пионером и всегда мечтал о заселении безлюдных островов, о постройке новых портов, о пароходах, которые пойдут по дорогам, вычерченным на новых картах его рукой.

Он любил полярные страны еще и потому, что с ними связал себя заветной мечтой, целью всей жизни, пока еще далекой.

На Новой Земле Седов провел в 1910 году все лето – до конца сентября. Перед гидрографической экспедицией для исследования губы Крестовой была поставлена непосредственная практическая цель.

Достаточно взглянуть на карту, чтобы понять, какое важное значение для плавания в Арктике имеют два больших вытянувшихся с северо-востока на юго-запад острова Новой Земли. Близ материка к ним примыкает третий остров – Вайгач. Все вместе является продолжением Уральского горного хребта и как бы преграждает путь мореплавателям из Баренцова моря дальше на восток, в Карское. Новоземельские острова промыты узким, извилистым Маточкиным Шаром (слово «шар», по одной версии, происходит от норвежского «skaer» – шхеры, а по другой – от русского «шарить»), от Вайгача Новая Земля отделена более широкими и короткими Карскими воротами и, наконец, между материком и островом Вайгач протекает небольшой пролив – Югорский Шар. Таким образом, проходов из Баренцова моря в Карское всего три, если не считать путь вокруг северовосточной оконечности Новой Земли. Этот последний очень затруднен, и за три столетия известны лишь три случая, когда мореплаватели огибали с севера Новую Землю. Виллем Баренц совершил это в 1596 году, олончанин Савва Лошкин – в 1760 году и норвежец Эдуард Иоганнесен ^[13] – в 1870 году.

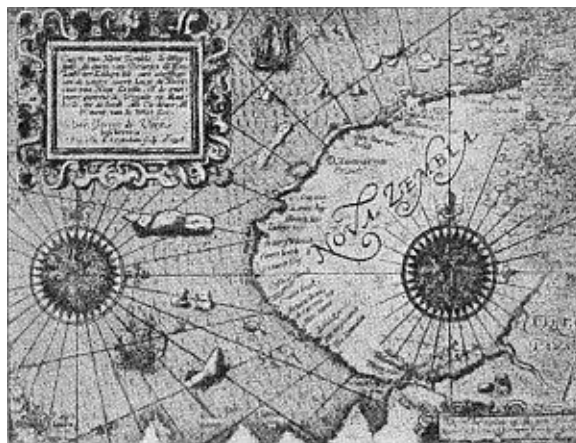
Все попытки пройти из Европы на Дальний Восток Северным морским путем неизменно приводили путешественников к Новой Земле, у берегов которой в течение нескольких веков и оканчивались – иногда трагически – их предприятия. Объясняется это тем, что с запада Новая Земля омывается Баренцовым морем, подверженным влиянию Гольфстрема и потому – в большей части – свободным ото льда, а с востока – Карским морем, которое резко отличается от своего западного соседа суровостью ледового режима. Недаром географы и моряки называли Карское море «мешком льда» и «ледяным погребом».

В конце XIX века и в начале XX русское правительство должно было принять меры для закрепления Новой Земли за Россией. Норвежские промышленники все более часто посещали новоземельские острова, устраивали здесь свои склады и уничтожали промыслового зверя. Между тем Новая Земля – исконно русская территория. Уже в XV веке ходили на Новую Землю за моржовым зубом и рыбой – гольцом – предприимчивые первопоселенцы Печорского края. В следующем столетии русские плавали к этим островам чуть ли не каждый год. Знаменитый англичанин Стефан Борро, один из первых искателей короткого пути в Китай и Индию по северным морям, в 1556 году достиг Новой Земли. Он был первым иностранцем, видевшим Новую Землю. Но русских он здесь уже застал; они рассказали ему о своих плаваниях на восток, в устье Оби. И в XVII и в XVIII веках поморы совершали регулярные плавания к Новой Земле. Один

из них, Савва Лошкин, на своей ладье обошел вокруг всей Новой Земли, чего до него не смогла сделать ни одна экспедиция, а после него было повторено лишь через сто с лишним лет. Другой помор, мезенец Федот Рахманин, двадцать шесть раз зимовал на Новой Земле – рекорд, никем не превзойденный.

По следам поморов в конце XVIII и в первой половине XIX века на Новую Землю идут славные русские моряки-исследователи. Первый из них – «штурман поруческого ранга» Федор Розмыслов. Его экспедиция была организована архангельским губернатором Головцыным совместно с купцом Барминым: первого интересовали сведения о проливе, разделяющем Новую Землю на два острова (тогда Маточкина Шара на картах еще не было), а второго – давнишние известия о том, что на Новой Земле есть серебро. Розмыслов на ветхой и дырявой кочмаре, предоставленной Барминым, прошел Маточкин Шар, составил карту этого пролива и вышел в Карское море. После зимовки он пытался плавать в Карском море, но должен был, «дабы с худым судном не привести всех к напрасной смерти, поворотить по способности ветра к проливу Маточкину Шару».

В 1821 году лейтенант Федор Литке начал серию своих плаваний к Новой Земле. Четырехкратное путешествие Литке в значительной мере обогатило научные знания об арктических островах.

Карта Новой Земли в книге Де-Фера, спутника Баренца (изд. 1598 г.).

Вслед за Литке работал на новоземельских берегах отважный Пахтусов, прапорщик корпуса флотских штурманов, а после него – прапорщики Циволько и Моисеев, окончившие, как и Пахтусов, корпус штурманов в Кронштадте, учиться в котором «шляхетским детям» было не велено еще императрицей Елизаветой. Это были мужественные моряки,

простые люди, преданные отечеству и высоко ставящие чувство долга. Циволько погиб от цынги, Пахтусов умер через два месяца после возвращения из второй своей экспедиции.

За несколько столетий не раз делались попытки – ненцами и русскими – поселиться на Новой Земле. Но без государственной помощи эти поселения были недолговечны. До последнего времени Новая Земля оставалась тем, чем была и в XV веке, – местом для охоты и промысла, случайным пристанищем потерпевших кораблекрушение, а также первой этапной станцией на все еще неосвоенном Великом северном морском пути из Европы в Тихий океан.

К последней трети прошлого века относятся первые мероприятия царского правительства для колонизации Новой Земли, вызванные усилившейся активностью норвежцев. Была построена спасательная станция в Малых Карманкулах, фельдшерский пункт и постоянные промысловые становища на южном острове, состоявшие из нескольких ненецких и русских семейств. Новое становище на северном острове в Крестовой губе было устроено в 1910 году. В связи с этим архангельский губернатор ходатайствовал о гидрографическом исследовании этого залива, в который должны были а дальнейшем регулярно заходить пароходы. Такова практическая цель экспедиции, в которую отправился штабс-капитан Седов летом 1910 года.

Седов составил подробную карту Крестовой губы, измерил ее глубины, определил удобный для пароходов фарватер. В его распоряжении имелась карта, сделанная за год до этого известным исследователем Русановым ^{14} по поручению архангельского губернатора. Он убедился в ее неточности и откровенно написал об этом в своем отчете. Карта Русанова, – писал он, – «грешит против истины. В очертании берега ее нет никакого сходства с действительностью, островов вместо пяти показано четыре, и все они лежат далеко не на своих местах. Высоты гор показаны весьма ошибочно...» По Русанову, ширина губы при входе восемь верст, дальше она суживается. Между тем, в действительности, при входе ширина восемь с половиной верст, а далее на восток еще больше.

Седов познакомился с Ольгинским поселком, детищем архангельской администрации. Здесь жило одиннадцать человек – четыре семейства из Шенкурского уезда и плотники, которые должны были вернуться в Архангельск. Место для становища выбрали неправильно – далеко от звериных лежбищ, дома построили неудобные – их трудно было обогреть. Еще не наступила первая зима, а в этом поселении четверо уже заболели цынгой. Не было топлива. Обещанный пароход с дровами и

продовольствием для поселенцев не приходил, хотя был уже конец сентября, а еще 28 августа выпал снег и начались морозы. Если льды загородят вход в губу, неизбежна зимовка для участников экспедиции и плотников. Несмотря на это, Седов отдал ольгинцам часть экспедиционного продовольствия.

Он узнал от промышленников о драме, происшедшей в прошлом году на Новой Земле. Купец Масленников подрядил трех поморов и оставил их зимовать в Мелкой губе для промысла медведей, моржей, песцов и оленей. Он дал им ружья и капканы, а также немного продовольствия. Еду они должны были добывать главным образом охотой. К несчастью, год выдался для промысла неблагоприятный, и все три охотника к весне умерли в своей избе от цынги и голода.

Наконец, обещанный пароход приходит в Крестовую губу. Участники экспедиции, строительные рабочие, промышленники выбегают на берег. Они не сводят глаз с шлюпки, которая быстро подвигается по заливу к берегу. Все, естественно, ждут писем – за два с половиной месяца это первая оказия, прибывшая с Большой земли. Каждый знает: через минуту он получит ответ на все беспокойные мысли о родных – женах, детях, родителях.

Таков добрый обычай в этих местах – в первую очередь доставлять письма.

Шлюпка подплывает к берегу. Из нее выходит на берег Шидловский – архангельский вице-губернатор. Седов знаком с ним.

– Позвольте письма, – говорит он, торопливо здороваясь с прибывшим.

– Какие? – удивляется вице-губернатор. – А, письма... Но при чем я к письмам?

– Я говорю о письмах из России для нас всех.

– Послушайте, господин штабс-капитан, если вам нужны письма, вы могли сами съездить на пароход! – сердится Шидловский.

– Очень жаль, господин вице-губернатор, – отвечает Седов, – что вы не поняли, что нам гораздо приятнее видеть письма, чем вас!^[15]

4 октября он покинул Крестовую губу. Он возвратился в Петербург, в квартиру в Кирпичном переулке, где все еще радовало новизной. Наступила обычная зима гидрографа, заполненная методической и неторопливой работой – составлением отчетов и подготовкой материалов для новой экспедиции. Вместе с этим пришло время докучливых канцелярских дразг, уколов самолюбия, нервирующих стычек с начальством – словом, все то, чему недобрым предзнаменованием была встреча с вице-губернатором на холодном новоземельском берегу.

1911 год был для Седова одним из самых неприятных в жизни. Зимой он получил приказ составить проект гидрографической экспедиции в восточные моря Арктики. Потратив на это несколько месяцев, Седов сжился с мыслью, что весной он поедет на северо-восток и осуществит свой проект на деле. Так обычно в Гидрографическом управлении делалось: автор проекта экспедиции назначался ее начальником. Но совершенно неожиданно Вилькицкий решил по-иному. Поручения, дававшиеся офицерам Гидрографического управления, были Двух родов: такие, участие в которых сулило награды, и такие, которые ничего не сулили. Экспедиция, спроектированная Седовым, принадлежала к первому роду, и, естественно, были, кроме него, другие претенденты на командование ею. Неизвестно, какие рычаги родственных или дружеских связей были приведены в действие, но, во всяком случае, начальство приняло совершенно нелепое и вредное для дела решение: Седова от экспедиции отстранили, поручив ее офицеру, которого надо было вызывать из Владивостока. Кончилось это тем, что экспедиция вовсе не состоялась, – пока начальник ехал из Владивостока в Петербург и потом назад в Иркутск, началась весна, дороги в тайге уничтожило распутицей.

Седова же, вопреки желанию, отправили не на север, а на юг – картировать побережье Каспия. Прямой начальник Седова – Вилькицкий – считал полезным держать энергичного штабс-капитана некоторое время в тени. Колымская экспедиция сделала Седова слишком популярным для рядового офицера, да к тому же еще лишенного каких бы то ни было высоких связей или привилегий, даваемых происхождением. Седов как бы выходил из ранжира, по которому должны были строиться подчиненные генерал-лейтенанта Вилькицкого. Уже одно то, что о нем писали в газетах, – было невежливостью по отношению к начальству. А тут еще публичные доклады, о которых сообщают через голову начальства государю, в результате чего приходится сопровождать штабс-капитана в Царское.

От Вилькицкого зависело также дальнейшее продвижение Седова в смысле приобретения новых чинов, наград и тому подобного. Седов не был равнодушен к своей служебной карьере, считая, что его энергия и предприимчивость должны быть поощрены. Среди карьеристов – маменькиных сынков, карьеристов-подхалимов и карьеристов всех других разновидностей, которыми битком были набиты канцелярии морского министерства, Седов был одним из немногих, добивавшихся служебного успеха самоотверженным и неустанным трудом.

Он был честолюбив и сознавал свое превосходство над толпой бездельников, получивших морской офицерский мундир благодаря

дворянскому происхождению и продвигающихся по лестнице чинов при помощи влиятельных тетушек.

Но не только честолюбие заставляло его желать служебных успехов. Были другие, более значительные причины, и они, вероятно, главенствовали. Всю жизнь он искал больших, ответственных и важных дел, искал самостоятельности.

Поэтому его серьезно волновал вопрос о награде за колымскую экспедицию. Чин капитана только посулили. Это было тем более обидно, что о предстоящем производстве распустило слух само начальство. Известно было также, что Вилькицкий представлял Седова к производству, но министр Григорович отказал, выразившись в том духе, что Седов может и подождать. Недоуменные расспросы сослуживцев постоянно раздражали Седова.

В письмах к жене с Каспия, после тысячекратных объяснений в любви, после рассказов о каких-то, может быть мифических, незнакомках, за которыми он с товарищами пытался ухаживать, после довольно слабых стихов собственного сочинения, написанных, впрочем, так, как может написать только моряк-полярник (любимая сравнивалась с «льдинкой холодной», она должна была «прилететь с ветром свободным» и она же была – «якорь спасения»), – после всего этого попадались сердитые фразы по адресу начальников и однажды – нечто грустное и неопределенное о будущем. Вера Валерьяновна забеспокоилась. В ответ она получила следующее:

«Твое письмо, – писал Седов, – в котором ты утешаешь меня и даешь наставления, – очень ценно. И благодарю, моя маленькая детка, за добрые, хорошие чувства, которые меня, безусловно, подбадривают. Благодарю, спасибо тебе, родная. Фраза моя, о которой ты спрашиваешь, значит то, что я под давлением несправедливости и обиды могу перестать владеть собой и что-нибудь сделаю такое, что будет неприятно для нас обоих, или, вернее оказать, – тяжело отразится на нашей судьбе. Хотя всеми силами стараюсь дать место в себе благоразумию и парализовать навязчивые мысли об обиде. Как ты сама видишь из письма Варнека^{16}, мне теперь ходу не будет вовсе во флоте, хоть будь я золотой человек, а быть оскорбленным я не привык и обиду никому не спускаю, вот, что хочешь, то и делай!.. Бровцын написал от себя о том, что я глубоко обижен и думаю подать в отставку... Но думаю, что и это не поможет делу, раз на меня так узко, недалеко смотрит министр».

Как всегда, осенью он возвратился в Петербург – обветренный, загорелый, с огрубевшими руками. В декабре ему дали чин капитана.

Близился 1912 год, решающий в его жизни.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

НАЧАЛО

I

Петербуржец, читатель полуправительственной газеты «Новое Время», утром 19 марта 1912 года получил, по обыкновению, десять больших страниц занимательного, разнообразного чтения. Это была ежедневная порция новостей и рассуждений – достаточно черносотенных и в меру порнографических.

На первой странице помещались объявления траурного и увеселительного характера. Вслед за солидными покойниками – протоиереем Иоанном Херсонским, тайным советником Штукенбергом и другими – рекламировалась «любимейшая публикой балетная артистка императорских театров И. Ф. Кшесинская», а также «московская цыганка» Настя Полякова. Извещение об открытии «Русско-французского коммерческого банка», с основным капиталом в 5 миллионов рублей, соседствовало с рекламой кинематографа «Унион»: «Пляска жизни, драма из парижской студенческой жизни. Бешеные ночи на Монмартре». Мельчайшая нонпарель в самом низу страницы доводила до сведения господ акционеров Донского земельного банка, что «выдача дивиденда за 1911 год в размере сорока рублей на каждую акцию» назначена и т. д.

Вторая страница была только лишь обрамлена полоской объявлений о французском шампанском, французском ликере и турецком табаке «Ксанти». Все остальное редакция отвела для отчета о чисто русских делах – для отчета о прениях в Государственной думе по поводу сметы святейшего синода.

На третьей странице – заседание Государственного совета, на котором обсуждался вопрос об отмене выборности мировых судей. Рядом список пожертвований «на увековечение памяти русских воинов сухопутной армии, погибших на войне 1904—5 гг.».

С особым интересом читатель «Нового Времени» остановился в этот день на фельетоне известного М. Меншикова, помещенном, как всегда, на четвертой странице. Уже одно название – «Быть ли России пустыней?» – способно было вызвать мурашки на теле.

«Великая засуха. – вот что предсказывает наш ученый пророк г. Грибоедов на наступающее лето. Великая засуха – это значит новый великий голод на почве уже огромного голода, с которым Россия сейчас борется», – в таком суровом тоне начинал Меньшиков. В чем же спасение от предстоящего бедствия? – В борьбе с евреями, отвечал фельетонист. Кстати, он вспоминал дело Бейлиса, и это давало ему возможность блеснуть яркой метафорой. «Как киевские евреи убили несчастного мальчика Ющинского, выточив у него из сорока колотых ран всю кровь, до последней капли, – так может быть обескровлена великая страна, у которой весь хлеб будет вывезен из сорока портов и хлебных станций», – мрачно вешал Меньшиков. Читатель мог извлечь из фельетона некоторые сведения о мелиорации, но также и ту идею, ради которой фельетон был написан: в случае голода, подстрекай голодающих против евреев, организуй погромы!

И много другого, не менее поучительного, нашел подписчик «Нового Времени» в своей газете 19 марта 1912 года. Из подробного сообщения под заголовком «Второй интендантский процесс» он мог заключить, что господа интенданты брали крупно. Одна лишь фирма Тиль, как выяснилось на суде, израсходовала на взятки за двадцать пять лет около 20 миллионов рублей.

Читатель узнал в этот день об открытии съезда объединенного дворянства, о заупокойной литургии в придворной церкви по поводу полугодовой даты убийства статс-секретаря П. А. Столыпина, а также о том, что за прошедшую неделю, как и обычно, самая высокая смертность по Петербургу была в Нарвской части, где живут рабочие.

Но самыми увлекательными были последние три страницы газеты, заполненные тысячью разнообразных объявлений, рассчитанных на любой вкус и на все потребности почтенного читателя «Нового Времени». Здесь был целый столбец массажисток. Одни рекомендовали себя как «энергичных», другие – как барышень, третьи – как француженок, полек или немок, четвертые намекали на интеллигентность, а иные, не назвав ни нации своей, ни семейного положения, выражали только готовность служить «для мужчин и дам». Затем следовали репетиторы, почти сплошь студенты; бухгалтеры и управляющие; садовники; компаньонки и экономки. Все предлагали свои услуги. Но как умело оживила редакция однообразные просьбы искателей работы пикантными объявлениями! «Молодая симпатичная девица ищет места по хозяйству к одинокому, имеет рекомендации, согласна в отъезд». Или вот другое, еще более короткое: «Молодая девица желает получить место к одинокому господину».

Еще дальше в этом номере газеты были напечатаны объявления

предсказателей, хиромантов, астрологов и оккультистов. После короткого: «Нужен трезвый дворник», звучал лирический голосок «приезжей молодой дворянки, имеющей состояние», очень желающей замуж и поэтому нуждающейся в посреднице для устройства законного брака.

И такое объявление в этот день увидел читатель:

«Сына, 1 год 3 месяца, здорового, совсем отдает безвозмездно и при условии никогда не видеть прислуга Татиана. Б. Пушкарская, 1, кв. 16».

И еще много сотен объявлений, среди которых встречались и предложения принять участие в предприятии с капиталом в 50 тысяч рублей и просьбы «симпатичных молодых дам одолжить 20 рублей (комн. „Лондон“, Невский пр., 78, кв. 8)».

Мудрено ли, что читатель едва обратил внимание на небольшое письмо в редакцию, напечатанное на пятой странице. Оно нашло себе место несколько ниже заметки о голоде в Казанской губернии и было подписано капитаном Г. Седовым.

В этот день началась кампания за первую русскую экспедицию к Северному полюсу.

В 1912 году В. И. Ленин писал: «„Новое Время“ Суворина на много десятилетий закрепило за собой это прозвище „Чего изволите?“. Эта газета стала в России образцом продажных газет. „Нововременство“ стало выражением, однозначным с понятиями: отступничество, ренегатство, подхалимство. „Новое Время“ Суворина – образец бойкой торговли „на вынос и распивочно“. Здесь торгуют всем, начиная от политических убеждений и кончая порнографическими объявлениями» [\[17\]](#).

Как случилось, что призыв Седова к «обществу» – помочь осуществлению его отважного замысла – прозвучал впервые со страниц этой подлой, черносотенной газеты?

II

Еще в 1903 году, будучи в Архангельске. Седов увидел богато оснащенное судно «Америка», принадлежавшее миллионеру Циглеру. «Америка» направлялась на Землю Франца-Иосифа. Отряд американцев должен был совершить поход к Северному полюсу. Краснощекие молодые люди, со спортивной выправкой, весело скалили зубы у борта франтоватого судна, подшучивая по поводу архангельской пристани – захламленной, грязной, наполненной сотнями оборванных и голодных людей. Офицеры «Пахтусова» были приглашены осмотреть корабль и снаряжение для

похода на полюс. Седов навсегда запомнил ощущение, охватившее его на «Америке», трюмы и палуба которой были загружены великолепными продуктами питания, добротной утварью и оборудованием для зимовки, внушающими восхищение приборами для наблюдений, красивыми и надежными полярными костюмами. Все – и собаки, и пони, и нарты, и керосиновые печи, и меховые сапоги, и консервы, и астрономические инструменты – было самое лучшее, первый сорт. Начальник экспедиции Фиала показал русским морякам карту предполагаемого движения к полюсу. Тонким пунктиром на нее были нанесены маршруты других экспедиций – американских, норвежских, английских, австрийской, итальянской. Все крупные государства участвовали в великом соревновании. Не было только России, а между тем при одном взгляде на карту можно было увидеть, что Ледовитый океан, с его островами и архипелагами и с полюсом на вершине, является как бы внутренним русским морем. Фиала провел карандашом прямую линию от северной оконечности Земли Франца-Иосифа к полюсу и, показав на многозвездный американский флаг, поставленный в углу каюты, объяснил, что не позже будущего года этот флаг будет водружен на вершине Мира.

Прошли годы, и об экспедиции Фиала, окончившейся тяжелой неудачей, все забыли, но Седов не забыл того чувства острой зависти и обиды, которое охватило его на «Америке».

Борьба за овладение полюсом, начатая в давние времена, вспыхнула с особенной силой в конце старого и в начале нового века. Изучение полярных стран, бывшее уделом зверобоев и искателей торгового пути из Европы в Тихий океан, перешло в руки людей нового типа – профессиональных полярников, рекордсменов и исследователей, подстрекаемых стремлением достигнуть полюса. Но рядом с великим шагает на полюс сметное и мелкое, самопожертвованию сопутствует корыстолюбие, смелости – чванливая трусость.

В 1897 году покидает Землю Франца-Иосифа мужественный Джексон, проведший на этом архипелаге три зимы и опровергший своими исследованиями представление о больших пространствах суши, из которых якобы состоит Земля Франца-Иосифа, а вслед за ним появляется американский журналист Уэльман, обуреваемый жадной сенсацией и славой. Он возвращается во свояси, не достигнув ничего существенного. Навстречу уже плывет новый претендент на завоевание полюса – герцог Аbruццкий, во главе итальянской экспедиции. Корабль этой экспедиции «Stella Polare» («Полярная звезда») гибнет в бухте Теплиц от напора льдин, экспедиция принуждена жить в палатке, и очень скоро герцог отмораживает себе

пальцы на руке, вследствие чего честь командования походом на полюс достается капитану Каньи. Каньи, с отрядом из трех человек, топором прорубает себе дорогу среди торосов, терпит пятидесятиградусную стужу, упряжных собак кормит собачиной, убивая их одну за другой. Он достигает 86°34 северной широты – и поворачивает назад. Лишь на обратном пути его ждут настоящие испытания. Каждая миля стоит втрое больше усилий. Каньи и его спутники слабеют с часу на час. В Полярном бассейне началась весна – в ледяных полях появляются разводья, льдины мельчают и несутся по течению, унося в сторону от цели четырех путешественников. Провиант иссякает, путники начинают есть собачину, которую варят в котелке. Топливо – собачий жир. В пути Каньи отмораживает палец на руке, он начинает гноиться. Это гангрена, она развивается, нужно отрезать палец. Каньи делает себе операцию сам. Он орудует тупыми ножницами и тратит на это два часа, потому что косточка пальца очень тверда.

На привалах в палатке Каньи старается определить скорость и направление ледяного дрейфа, который уносит их в сторону от земли, и видит, как мало шансов на спасение у отряда, подвигающегося так медленно... В свой дневник он записывает мысли о тех, кто так недавно погиб на Севере: об экспедиции Грили, которая потеряла девятнадцать из двадцати шести человек: восемнадцать умерли от истощения и один был расстрелян товарищами за то, что украл из общего продовольственного запаса несколько ремешков тюленьей кожи; о Де-Лонге и его спутниках, умерших от голода в дельте реки Лены... Призрак голодной смерти витает над льдинами Арктики.

Каньи доходит до Земли Франца-Иосифа. Тысячи раз рискуя погибнуть, отряд Каньи переправляется с одной плавающей льдины на другую и, наконец, достигает лагеря в Теплиц-бае. Здесь – печальное известие: нет Кверини и еще двоих, составлявших вспомогательную партию и два месяца назад проводивших Каньи. Они погибли. И все это ради сомнительного торжества – ради тех двадцати миль, на которые Каньи приблизился к полюсу по сравнению с Нансеном.

Герцог Абрुццкий покидает Землю Франца-Иосифа, и на смену ему является американец Болдуин с целой армией людей и множеством собак, купленных на деньги миллионера Циглера. Участники этого помпезного наступления на полюс – американцы и норвежцы, – перессорившись между собой и благополучно истратив циглеровский миллион, возвращаются в скором времени по домам.

Но господину Циглеру все еще хочется иметь за свои деньги Северный полюс. Он выписывает новые чеки. Фиала обещает водрузить флаг США

на вершине мира. Это ему не удастся; однако научные работники экспедиции успевают за два года сделать хорошую карту архипелага Франца-Иосифа.

В эти же годы борется за завоевание Северного полюса Роберт Пири – человек необыкновенной отваги и упорства.

Роберт Пири, инженер по образованию, впервые перешагнул Полярный круг в 1886 году. Он работал в Гренландии. Однажды, проделав двухтысячекилометровый поход по материковому льду за девятью семью сутками, он установил северную границу Гренландского ледника и протяженность этого полуострова. В 1898 году Пири отправился в свое первое неудачное путешествие к Северному полюсу. Даже после того, как два эскимоса сбежали от него, не выдержав тяжести похода, Пири продолжал двигаться на север, живя с несколькими спутниками в снежных хижинах и питаясь мясом отощавших от голода собак. Он отморозил себе ноги – пришлось ампутировать семь пальцев. Раньше, чем раны зажили, он снова отправился в поход, привязав к нартам костыли. Но когда этот удивительный человек повстречал в заливе Смита путешественника Отто Свердрупа, он согласился принять у него для доставки на материк только частные письма, научных же отчетов не принял ^[18]. Законы конкуренции остаются в силе и в Арктике! Четыре раза Пири шел на полюс и все же достиг центра Полярного бассейна – ценою двадцатитрехлетней работы, в результате физического и волевого напряжения, длившегося несколько тысяч дней, ценою постоянного риска погибнуть. Был час, когда Пири записал в свой дневник: «Игра кончена. Приходит к концу моя шестнадцатилетняя мечта. Я боролся изо всех сил. Думаю, что все, мною сделанное, сделано хорошо. Но я не могу совершить невозможное». Это была лишь мгновенная слабость, и в следующем году он отправился снова.

Пири создал стройную систему организации полярных экспедиций. Он был настоящий деловой американец и умел устраивать свои дела. Поэтому среди полярных исследователей Пири один, кажется, не нуждался в деньгах.

Он не знал страха, его воля не признавала трудностей, но вместе с тем это был буржуа, исполненный специфических предрассудков «белого завоевателя». В последний переход на пути к полюсу он взял с собой только эскимосов и негра. На вершину мира должен был взойти только один человек – Роберт Пири. Что же до цветных – то они не в счет.

Удивительная сила владела Робертом Пири! Имя этой силы – Тщеславие. «Полюс, наконец! Цель трех столетий! Мой, наконец!..» – вот страстный крик, вырвавшийся из груди Пири, когда он добрал до той точки

среди льдин, которую принял за полюс (он ошибся, как потом выяснилось, на 167 километров).

Он был великолепный рекордсмен, и только. Поэтому человечество ничего не получило в результате его победы, – ничего, кроме гордой телеграммы, в которой он извещал мир и президента Соединенных штатов о том, что 6 апреля 1909 года он пришел к финишу.

Но подобно тому, как несколько позже успех Амундсена на Южном полюсе был омрачен драмой капитана Скотта [\[19\]](#), – торжеству Роберта Пири помешала трагикомедия доктора Кука.

Величественная победа человеческой воли – долгожданное открытие Северного полюса – было встречено всемирным скандалом. С того дня, когда Роберт Пири отправил свою телеграмму об открытии полюса, мир разделился на две части: одни защищали первенство Кука, другие смеялись над ним и его претензиями, доказывая, что он и близко к полюсу не подходил. Газетам и миллионам обывателей всех стран этого только и надо было. Кук и Пири долго обливали друг друга грязью разнообразнейших, истинных и вымышленных, обвинений. Проблема – Кук или Пири – стала предметом дискуссий между учеными, зажигательной полемики между газетами, наживавшими деньги на этой сенсации, объектом пари и общественных диспутов.

Доктор Фредерик Кук, пожалуй, одна из самых любопытных фигур в истории полярных исследований. Он принимал участие во многих экспедициях в Арктике и Антарктике, проявив себя при этом, по авторитетному свидетельству таких людей, как Амундсен и Отто Свердруп, вполне достойным доверия, мужественным и серьезным путешественником. Поэтому, когда мошенническая проделка Кука была обнаружена, многие, и в том числе весьма авторитетные люди, продолжали защищать его.

Роберт Пири (1856–1920).

Несколько эскимосов, сопровождавших Кука в его так называемую, экспедицию на Северный полюс, те люди, на невежество которых Кук твердо рассчитывал, оказались не так уж просты: встретившим их Кнуду Расмуссену и Мак-Миллану они рассказали всю несложную историю путешествия изобретательного доктора. Пройдя лишь двенадцать миль по морскому льду, Кук построил снежную хижину, укрепил на ней американский флаг и, сделав несколько снимков, вернулся на материк. Эскимосы узнали этот пейзаж на фотографии в книге Кука, имевшей надпись: «На полюсе».

Но к тому времени, когда окончательно выяснилось, что Кук – мошенник, венок славы, оставшийся в руках Пири, был уже достаточно замаран. Общество, к которому Пири принадлежал, украсило этот венок по собственному вкусу – оно плеснуло на него грязью скандала...

В этой атмосфере ажиотажа замысел Седова, возникший в 1903 году, принимал все более определенные формы.

III

Чтобы совершить задуманное, нужно иметь еще кое-что, кроме

собственного желания и веры в себя.

Свобода – вот первое. Но, пока носишь мундир и кортик, твоя воля подчинена начальству, ограничена субординацией и табелем о рангах; можешь хотеть чего угодно, однако обязан выслушать и исполнить, – тебя же могут и не слушать.

Деньги – второе. Те деньги, которые нужны для осуществления плана, находятся у казны. Как сделать, чтобы те, кто распоряжается казной, выдали деньги безвестному офицеру-гидрографу, лишенному громкого имени и высоких чинов? Деньги есть еще и у богатых людей – ведь финансировал же русский миллионер Сибиряков экспедицию Норденшельда ^{20}, архангельский купец Брандт давал деньги Пахтусову, а еще раньше Бармин снабдил Розмыслова. Их интересовали торговые пути к великим сибирским рекам, а также ископаемые богатства. Но какие выгоды от открытия полюса можно предложить господам коммерсантам или фабрикантам?

Седов пользовался каждым случаем, чтобы заинтересовать людей своим, планом похода на полюс. Золотопромышленник Мордин был одним из тех, через кого он надеялся повлиять на группу богачей – сибирских и дальневосточных магнатов. Из этого ничего не вышло – идея завоевания полюса не имела среди них успеха.

Некий С. Н. Сыромятников, с которым где-то познакомился Седов, заинтересовался замыслом энергичного моряка и решил помочь предприятию. Через третье лицо он сообщил о патриотическом проекте Седова миллионеру Рябушинскому. Меценату предоставлялась возможность теми чернилами, которыми будет написан денежный чек, навсегда вписать свое имя в историю великих открытий. Но Рябушинский уклонился от этой чести.

Между тем годы уходили. В те дни, когда Роберт Пири совершал свою третью попытку достигнуть полюса, Георгий Седов сторожил Амурское устье от японцев. Вернувшись с Колымы, он узнал, что первенство в открытии полюса оспаривают одновременно два американца. Это еще более возбудило его мечты, но нисколько не обескуражило. С полным основанием он высказывал мнение, что проблема центрального бассейна Арктики не решена еще, – даже в том случае, если поверить обоим американцам. Научные – географические, геологические, метеорологические – задачи не решены в Арктике, большая часть Ледовитого океана представляет собой белое пятно неисследованных пространств, и Седов желал, чтобы эта работа была сделана под флагом России. Вот цель жизни, достойная его юношеских мечтаний, великая цель,

которой стоило посвятить все – силы, годы, самую жизнь.

В начале 1912 года пришло известие из далекой Антарктики о том, что Амундсен открыл Южный полюс. Прошел слух, что в будущем году отважный норвежец предпримет поход к Северному полюсу. Это заставило Седова начать осуществление своего плана. Ждать больше было невозможно.

Итак, ему нужны были деньги – в нынешнем году, и свобода действий – сейчас же. Но попрежнему он не имел ни того, ни другого.

В эти дни на счастье или на беду подвернулся Седову давнишний знакомец по дому Мордина – нововременский журналист.

– Вам нужна поддержка всей России, – сказал он, – я это устрою.

Что оставалось делать Седову? Он благодарил. И вскоре в «Новом Времени» появилась статья за подписью М-е, в которой излагался план Седова и выражались всякие сетования по поводу равнодушия современного общества к чести русского флага.

Для тех политических групп, мнение которых выражала обычно газета «Новое Время», замысел водрузить знамя России на Северном полюсе показался весьма актуальным. Не потому, конечно, что так называемая национальная партия или правые октябристы симпатизировали научной деятельности на Севере. Проект русской экспедиции на полюс импонировал этим господам потому, что давал возможность с новым азартом заговорить о таких предметах, которыми они всегда лицемерно козыряли, – о «русской удали», о «чести национального флага», о «чудо-богатырях».

В России был голод. Эпоха реакции приходила к концу, революционное движение готово было подняться с новой силой. Еще не забылось тяжкое поражение в войне на Востоке, но в воздухе опять пахло порохом. На Балканах гремели пушки. «Для того чтобы народное чувство вышло из периода угнетения, тоски и обиды после стольких поражений, нужны великие подвига», писало «Новое Время».

Идея завоевания Северного полюса понадобилась нововременцам единственно лишь для того, чтобы отвлечь внимание народа от насущных его нужд. Дальнейшая история экспедиции Седова покажет, что Суворины и Балашевы заботились меньше всего об успехе предприятия. Они принесли Седова в жертву интересам своей грязной политики.

Народ, завоевавший для России тысячеверстные пространства Севера, русский народ, выдвинувший таких героев, как Дежнев и Лошкин, как Дмитрий и Харитон Лаптевы, как Розмыслов и Пахтусов, – не мог в тот момент поддержать Седова. Народ вел непримиримую войну с

государством помещиков и капиталистов. Все, что могло привести к усилению и славе их правительства, было чуждо народу.

Седов этого не понимал. Его политическая наивность была так велика, что он принимал всерьез архипатриотическую болтовню продажных писак из «Нового Времени». Свою жизнь он посвятил любимой, захватывающей работе исследователя, и теперь добивался права на подвиг ради России. Но он не знал, чем живет и взволнован в эти дни народ, не вникал в смысл готовящихся в стране великих событий.

Вообще нельзя говорить о каких-либо оформленных политических убеждениях Седова. Люди в его наивном сознании делились на хороших и дурных, он презирал белоручек и бездельников, ненавидел карьеристов и мечтал открывать для России неизвестные земли и воды. Для его взглядов характерна выпущенная им в 1908 году брошюра: «Право женщин на море». Это воззвание, удивительное по непосредственному чувству и абсолютной политической слепоте. Седов – морской офицер, штабс-капитан – писал: «Хочу сказать лишь только то, что давно надо было сказать и что сказал бы всякий человек, ищущий истину на пользу и благо всего человечества... Я хочу сказать, что... женщина есть тоже человек, одаренный разумом и добрым сердцем, и что ее не любить и не уважать нельзя, и игнорировать ее труд и мысли – большая несправедливость...» Он возмущался: «Мы не даем им самого простого, самого необходимого для них, – мы не даем им одинаковых с нами прав гражданства человека и светлой, насущной, как пища, свободы». И дальше он предлагал целую программу привлечения женщин к морской службе, путем поощрения их специального образования наравне с мужчинами, и требовал разрешить женщинам командование морскими торговыми судами.

Кому адресовал он свой призыв? Вряд ли Седов знал это. Но он писал и был, должно быть, уверен, что его программа будет немедленно обсуждена и принята. Ведь людям надо только объяснить...

Нет ничего удивительного в том, что Седов доверился нововременцам: для него существовала тогда лишь одна идея – идея русской экспедиции на полюс, – и он не мог пренебречь союзниками, а главное – он очень плохо разбирался в политике и интересовался ею слишком мало.

После того как в «Новом Времени» появилась статья М-е, Седов выступил со своим собственным открытым письмом об экспедиции на полюс. Не пугайтесь, господа, денег потребуется немного – таков смысл этого письма. «Мои плавания в Северном океане убедили меня в том, что более скромные экспедиции всегда имеют более шансов на успех, чем всякие иные... Средств для полярных экспедиций требуется теперь

неизмеримо меньше, чем раньше. Русский народ должен принести на это национальное свое дело небольшие деньги, а я приношу свою жизнь», писал Седов. Должно быть, он очень боялся, как бы жертвователи не испугались, что он потребует какую-нибудь крупную сумму за свою жизнь, и поэтому заранее предупреждал – несомненно кривя душой, – что даже лучше для дела, если денег мало!

Под этим письмом газета поместила несколько откликов на статью М-е, подписанных какими-то неизвестными фамилиями, может быть, придуманными редакцией.

Одновременно Седов действовал в морском министерстве. 22 марта, он подал на имя Вилькицкого докладную записку, в которой подробно изложил не только мотивы, побудившие его выступить с проектом экспедиции на полюс, но и план экспедиции.

«Промысловые и научные интересы Северного Ледовитого океана, – писал он, – начали привлекать к себе всеобщее внимание чуть ли не с X столетия. Первыми пионерами были в Северном Ледовитом океане промышленники, устремившиеся туда за добычей богатого морского зверя, а затем и путешественники с научной целью. Многие из путешественников плавали сюда для отыскания свободного морского пути на восток, многие для открытия новых земель и физического изучения вообще океана и, наконец, многие для открытия Северного полюса, чтобы разьяснить мировую загадку как со стороны научных полезнейших наблюдений, так и со стороны открытий. Человеческий ум до того был поглощен этой нелегкой задачей, что разрешение ее, несмотря на суровую могилу, которую путешественники по большей части там находили, сделалось сплошным национальным состязанием; здесь, помимо человеческого любопытства, главным руководящим стимулом еще безусловно являлись народная гордость и честь страны. В этом состязании участвовали почти все страны света, включительно до Японии (к Южному полюсу), и только не было русских, а между тем горячие порывы у русских людей к открытию Северного полюса проявлялись еще во времена Ломоносова и не угасли до сих пор.

Амундсен желает во что бы то ни стало оставить честь открытия Северного полюса за Норвегией. Он хочет итти в 1913 году, а мы пойдем в этом году и докажем всему миру, что и русские способны на этот подвиг» [{21}](#).

В этой докладной записке отсутствует указание – с какой целью она подана. Обратясь к начальству, Седов только информирует о задачах и плане экспедиции. Нет ни просьбы дать на нее разрешение, ни ходатайства

утвердить проект, не сказано ничего о том, будет ли экспедиция частным или казенным предприятием.

Вероятно, Седов уже знал в это время, что нельзя рассчитывать на прямое участие морского министерства в экспедиции. Но, понимая важность позиции морского начальства для судьбы его замысла, он написал эту докладную записку не как официальный документ, а скорее в целях пропаганды.

Так начал Седов бороться за право осуществить свою заветную цель.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ПЕТЕРБУРГСКИЕ ЛЬДЫ

I

Незадолго перед отплытием в экспедицию, в начале июля 1912 года, Седов получил письмо от одного крупного русского гидрографа, в котором, между прочим, было высказано следующее:

«Трудное дело открыть полюс, но и то, что вы сделали до оих пор, было исключительно трудно; побороть упрямство высшего начальства удастся немногим, и я уверен, что если вам было суждено преодолеть льды, которые вас встретили в самом Петербурге, то и полярные льды вас не остановят, и вы дойдете до полюса...» [{22}](#)

Эта мысль, принадлежащая свидетелю трудов Георгия Седова и человеку, знакомому не только с арктической природой, но и с климатом петербургских правительственных канцелярий, совершенно правильно характеризует тот шестимесячный период жизни Седова, который начался в марте и окончился в августе 1912 года, с отплытием «Святого мученика Фоки» из Архангельска.

Сначала все предвещает успех дела. «Новое Бремя» ежедневно печатает письма, в которых выражается сочувствие идее капитана Седова. Генерал-майор Варнек, под начальством которого Седов плавал на «Пахтусове», пишет в газете от 20 марта: «Одно имя Г. Я. Седова, которого я давно знаю как выносливого и энергичного исследователя, дает право надеяться, что его предприятие, дорогое для русского национального чувства, увенчается успехом... Всегда, когда надо было найти кого-нибудь для исполнения трудного и ответственного дела, сопряженного иногда с немалой опасностью среди полярных льдов, мой выбор падал на него, и он исполнял эти поручения с полной энергией, необходимой осторожностью и знанием дела».

Известный географ Семенов-Тяньшанский [{23}](#), вице-президент Императорского географического общества, с большим сочувствием отзывается о проекте экспедиции. «Чтобы России и русскому человеку, – говорит он, – выпала честь открытия Северного полюса, – к этой мысли нельзя отнестись равнодушно... И кто же, как не Россия, должен

исследовать полярные страны Севера? Взгляните на карту, и увидите, что три четверти Северного полярного круга примыкают к нашей стране. Половина пространства нашего государства находится под постоянным влиянием полярного климата» [\[24\]](#).

В газете появляется постоянная рубрика: «Пожертвования на экспедицию к Северному полюсу».

Десятки людей пишут Седову письма. Одна девочка, Шура Голуб, присылает письмецо: «Я читала у Жюль Верна, что на Северном полюсе есть вулкан. Прошу вас после открытия написать мне об этом». Какие-то незнакомые мичманы и просто молодые люди просят включить их в состав экспедиции. Для этих дней характерно обращение Седова в газету: «Не откажите напечатать мой нижеследующий адрес: Кирпичный пер., дом № 3. тел. 1-28-75 от 10 до 12 и от 6 до 8 ч. В Петербурге есть еще один капитан Г. Я. Седов, которого очень беспокоят...»

30 марта за подписями 51 члена Государственной думы вносится в Думу «Законодательное предположение об отпуске из Государственного казначейства средств на организацию экспедиции к Северному полюсу». Этот пространный документ состоит из двух частей. Вначале доказывается полезность арктических экспедиций и вообще изучения полярных областей. «Именно там, на Крайнем севере, зарождаются циклоны, от которых в значительной степени зависит метеорологическое состояние атмосферы Российской империи, – пишут авторы „предположения“. – Исследование на месте условий зарождения циклонов, быть может, дало бы ключ к разрешению задачи, над которой упорно трудятся в настоящее время наши метеорологи, именно, дать земледельческой России новые указания на пути к правильной разработке теории атмосферических явлений. Важность этой задачи для страны, о которой давно сказано, что ее счастье зависит от трех майских дождей, – не требует доказательств».

Далее приводится смета, составленная Седовым, на сумму в 70 тысяч рублей. Указав на то, что «самый беглый просмотр этой сметы свидетельствует о крайней бережливости, руководившей ее составителем», члены Государственной думы определяют размеры необходимых для экспедиции затрат в 100–150 тысяч. Проявив эту восхитительную деловую щедрость и пожурив даже Седова за преуменьшение сметы, они предлагают отпустить из казны не максимальную сумму и даже не минимальную – не 150 и не 100 тысяч, а только 50. «Остальные же деньги должны пополнить научные учреждения и общества и частные жертвователи» [\[25\]](#).

Но все же Седов мог радоваться. Подобный документ, да еще подписанный такими влиятельными людьми, как Балашов, граф Бобринский, Маклаков, Шинга_рев, Шульгин, Милюков и другими известными деятелями партий, имеющих в Думе большинство, обеспечивал, казалось, немедленный отпуск денег.

В эти же дни возникает так называемый «Седовский комитет», впоследствии переименованный в «Комитет для снаряжения экспедиции к Северному полюсу и по исследованию русских полярных стран» [\[26\]](#).

Бюджетная комиссия Государственной думы, выслушав мнение начальника Гидрографического управления Вилькицкого, выказавшего полное одобрение плану Седова, признает отпуск денег на экспедицию желательным). 27 апреля Коковцев – председатель совета министров – запрашивает мнение по этому вопросу морского министра. Григорович отзывается в самом благоприятном для Седова тоне. «Имею честь довести до сведения вашего высокопревосходительства, – пишет он. – о моем полном сочувствии идее экспедиции лейтенанта Седова, при условии достаточного снабжения этой экспедиции соответственно современным научным и практическим требованиям... Вместе с сим я полагаю, что для надлежащего оборудования экспедиции необходима сумма не менее 150 тысяч рублей» [\[27\]](#).

В этом письме Седова называют уже не капитаном, а лейтенантом. В дни, когда имя Седова было у всех на устах, начальство сочло уместным сделать ему подарок, переведя из адмиралтейства во флот с чином старшего лейтенанта. Это – блестящий служебный успех, потому что флотское офицерство – такая же высшая каста по отношению к офицерам адмиралтейства, как гвардия по отношению к армии. Седов надевает вместо серебряных золотые погоны и формально становится в одну шеренгу с самыми рафинированными представителями дворянства.

Через месяц после одобрительного письма Григоровича собирается совет министров, чтобы установить, между прочим, мнение правительства по законодательному предположению членов Думы. Всем, кто следит за этим делом, кажется, что можно не сомневаться в исходе, – деньги будут даны.

Но происходит нечто, подобное внезапному шквалу. Надежды рушатся, наступает время жестоких разочарований и неудач. Совет министров выносит решение в образцовом стиле самой высокой в империи канцелярии. Нужны были столетия безраздельного господства чиновников, нужна была непрерываемая преемственность канцелярских традиций,

чтобы выработался тот холодный, тягучий, мертвящий язык, которым написано это постановление. Вот оно: «Рассмотрев настоящее дело, в связи с поступившими по оному заключениями министерств... совет министров нашел, что мысль об организации силами русских мореплавателей всестороннего исследования приполярных областей заслуживает, конечно, принципиального сочувствия. Но, по удостоверению заинтересованных ведомств, изложенные в записке 51 члена Государственной думы соображения об условиях практического осуществления обсуждаемого путешествия представляются недостаточно обоснованными, причем вообще намечаемая экспедиция лейт. Седова носит несколько непродуманный характер. Вследствие сего и имея в виду, что при отсутствии уверенности в возможности пополнить необходимые на оборудование экспедиции ассигнования за счет поступлений от частных жертвователей и обществ, Государственному казначейству пришлось бы, по всей вероятности, понести издержки, значительно превышающие 50 000 руб., совет министров признал, что при обсуждении вышеупомянутого законодательного предположения в общем собрании Государственной думы правительству, через представителя морского ведомства, следует высказаться за отклонение сего предположения» [{28}](#).

Что же случилось за этот месяц, прошедший между благоприятным ответом Григоровича и отрицательным решением совета министров? На какие подводные камни наткнулся корабль Седова?

30 апреля в Гидрографическом управлении произошел на вид незначительный, но симптоматический эпизод. При утреннем докладе начальнику управления была подана, по обыкновению, папка газетных вырезок, касающихся ведомства. Рядом с газетным столбцом, аккуратно наклеенным на пронумерованный секретарем листок, легла надпись: «Кто позволил писать в газету?» Затем Седов был вызван к начальнику. Генерал-лейтенант Вилькицкий встретил нового лейтенанта немилостиво.

– Вы должны понимать, господин лейтенант, – говорил он с раздражением, – что ваше звание накладывает известные обязанности. Вы поставили свое имя рядом с какими-то проходимцами... И так уж мне надоел шум «Нового Времени», но в «Русском Слове» писать, извините, – это просто неприлично... [{29}](#)

У Седова осталось впечатление, что заметка в либеральном «Русском Слове» – только повод для Вилькицкого, чтобы осадить подчиненного, о котором слишком уж много говорят и пишут. Но он думал, что этим выпадом все и ограничится.

Однако самое главное было впереди. Ему предстояла решающая схватка с людьми, между которыми лишь по форме он считался своим.

По смыслу записки членов Думы, деньги для экспедиции на полюс предполагалось выдать не Седову непосредственно, а в распоряжение морского министерства. Это обстоятельство делало морское ведомство участником предприятия, хотя с самого начала оно сохраняло позицию строгого нейтралитета. Едва лишь запахло деньгами, чиновники министерства зашевелились. Отпуск денег – отличный предлог для вмешательства в дело Седова. Вилькицкий созвал комиссию под своим председательством. В качестве членов были собраны: доктор А. А. Бунге, старый полярник, бывший еще в 1882 году начальником арктической станции, капитан 2-го ранга А. В. Колчак, А. П. Бялыницкий-Бируля, геолог И. П. Толмачев, статский советник Л. Л. Брейтфус ^[30], капитан 1-го ранга Бухтеев и подполковник Мордови. Седова вызвали для доклада. Он принес свои карты и расчеты, был готов к бою, но не предвидел, что исход его предрешен.

Прежде всего комиссия авторитетно признала желательность и важность достижения Северного полюса русской экспедицией, не забыв, впрочем, присовокупить, чтобы Седов не зазнавался, что речь может идти именно о достижении, но не об открытии полюса, открытого уже в 1909 году Робертом Пири.

Затем Седов был допрошен, как на экзамене, об опыте и результатах всех экспедиций, бывших когда-либо на Земле Франца-Иосифа и пытавшихся достигнуть полюса. Легко удалось установить, что лейтенант Седов не весь арктический опыт учитывает и не все результаты знает.

С нескрываемым удовольствием члены комиссии подробно и всесторонне рассмотрели вопрос о Земле Петермана.

В 1873 году австрийская экспедиция Юлиуса Пайера и Карла Вейпрехта открыла Землю Франца-Иосифа – архипелаг на севере Баренцева моря, предугаданный за несколько лет до этого русским ученым и революционером Кропоткиным. Правительство отклонило просьбу Кропоткина об организации широко задуманной им экспедиции в полярные моря. В своем неосуществившемся проекте Кропоткин писал в 1870 году, что «между Шпицбергенем и Новой Землей находится еще не открытая земля, которая простирается к северу дальше Шпицбергена...» Это предсказание подтвердили своим открытием австрийцы Пайер и Вейпрехт, и они же были авторами версии о существовании к северу от Земли Франца-Иосифа другой суши, которую они якобы видели и назвали Землей Петермана. В течение десятков лет Земля Петермана обозначалась на

картах, правда – в виде бледного пунктира неопределенной формы. И только через тридцать лет Каньи, спутник герцога Абруццкого, пытаясь достигнуть полюса, прошел по дрейфующим льдинам лам, где карты показывали сушу. Земля Петермана оказалась мифом, обманом зрения.

Результаты наблюдений капитана Каньи стали известны не сразу; отчет об экспедиции Абруццкого полностью был издан только в Италии. Поэтому на карте, составленной Седовым, в качестве отправного пункта похода к полюсу была намечена несуществующая Земля Петермана. Либо он не знал еще наблюдений Каньи, либо сомневался в их достоверности. Любопытно, что в докладной записке он упоминал только о Земле Франца-Иосифа, а о Земле Петермана умалчивал.

Но комиссия вписала в свой протокол эту ошибку и указала старшему лейтенанту Седову, что Земля Петермана, от которой он собирается идти на полюс, в натуре не существует и что отправная точка для полюсной партии лежит более чем на два градуса южнее, а именно на Земле кронпринца Рудольфа, отстоящей от полюса на 860 верст, а потому, мол, расстояние в оба конца будет равно 1720 верстам.

Далее комиссия занялась разбором плана самого похода к полюсу, который Седов проектировал совершить на шести нартах при шестидесяти собаках. Седову указали на недостаточность его ресурсов для осуществления намеченной цели. Ему указали на то, что все заграничные экспедиции располагали большими, чем он, средствами. Рассказали о том, что Каньи сопровождали вспомогательные партии, причем первая партия вернулась назад через двенадцать дней пути, оставив часть продовольствия, вторая вспомогательная партия провожала Каньи двадцать четыре дня и тоже повернула назад, оставив продовольствие; сам же Каньи двинулся дальше с тремя спутниками имея тридцать восемь собак и 1028 килограммов груза. Провизия у этой экспедиции была первоклассная, рационально упакованная и дозированная, снаряжение делалось по специальному заказу, к своей базе на Земле Франца-Иосифа судно экспедиции прибыло во-время, в первую же навигацию... и, несмотря на это, поход на полюс успеха не имел. Куда уж нам тягаться с герцогом Абруццким!

И еще более разительный пример заграничного опыта приводили в назидание Седову члены комиссии. Роберт Пири, говорили они, тренировал себя двадцать три года. Он имел двести тридцать пять собак (не шестьдесят, как у Седова!). Направив вперед большую партию с продовольствием, он вышел по ее следам с двадцатью четырьмя спутниками на девятнадцати нартах. Часть людей шла впереди Пири и

проторивала дорогу. По мере продвижения вперед небольшие отряды отправлялись в обратный путь. Последняя подсобная группа капитана Бартлета проторила путь впереди Пири до $87^{\circ}47''$.

Юлиус Пайер (1842–1915).

Члены комиссии вооружились карандашами и тут же произвели расчет, из которого явствовало с полной очевидностью, что шестидесяти собак мало, что намечаемого количества продовольствия мало, что снаряжения нужно было бы больше и людей тоже больше, а следовательно – в итоге – и денег больше!

Все это дало основание авторитетной комиссии провалить проект Седова по всем статьям. Но никто не высказал той простой мысли, что для того, чтобы устранить все найденные в проекте несовершенства, нужно применить одно действительно радикальное средство – дать Седову больше денег!

По поводу денег комиссия высказалась особо. Заключение выглядело примерно так: Седова на полюс пускать нельзя, но деньги выдать надо. Выдать же их не Седову, план которого не продуман, а нам – морскому

ведомству, и не 50 или 70 тысяч рублей, как просил невежественный лейтенант, а тысяч 800 или миллион, чтобы мы, люди опытные, постепенно, планомерно, не торопясь, открывали полюс... [{31}](#)

Таков был маневр Вилькицкого. Он увенчался успехом, поддержанный теми людьми, для которых Седов – молодой человек, неизвестно откуда взявшийся, – был просто выскочкой. Естественно, что совет министров принял эту точку зрения, раз она исходила от морского ведомства.

Надежды Седова на получение государственной помощи рухнули. Любопытную роль сыграло в этом эпизоде «Новое Время». 12 мая, когда еще казалось, что правительство деньги даст, появился в этой газете фельетон М. Меньшикова: «Великие предприятия». Видимо, Меньшиков – самая чуткая собака а нововременской своре – что-то унюхал. И, как всегда, эта газета угодливо твякнула по первому знаку министерских начальников. Меньшиков выступил против проекта Седова. «Как Америку, – острил он, – Северный полюс можно открыть только один раз». Так что непонятно даже, о чем хлопочет Седов, поскольку Пири уже был на полюсе.

Это был первый довод. А второй выглядел так: «Седова я не знаю и никто не знает. Если это частное предприятие – пожелаем успеха, но если национальное, если Государственная дума дает деньги, то надо подыскать других начальников, более солидных... Я полагаю не лишним предостеречь Государственную думу от поспешных решений».

Полное совпадение с позицией того ареопага, который судил Седова под председательством Вилькицкого! Такова была подлинная прочность и ценность поддержки «Нового Времени».

Но еще больше, чем фельетон Меньшикова, огорчила Седова статья путешественника В. Русанова в кадетской газете «Речь». Меньшиков был невежда и холуй, человек просто нечистоплотный – обижаться на него было бессмысленно. Русанов же был известен как предприимчивый и образованный полярник. «Вполне отдавая должное смелости решения молодого исследователя, – писал Русанов, – нельзя в то же время не высказать некоторого сомнения относительно исполнимости и самой полезности задуманного им предприятия». Дальше шли соображения о трудности из-за тумана и туч получить на полюсе точные астрономические определения, а потому и о ничтожности научных результатов подобных экспедиций, о бедности оборудования предполагаемой экспедиции, о том, что после Пири уже и ходить на полюс не стоит... [{32}](#)

Казалось, что плоды трехмесячной работы погибли и вместе с этим навсегда погибла надежда на осуществление задуманного плана. Напрасно, значит, уговаривал он этих холеных господ из национального союза, дежурил в приемных министров, десятки раз объяснял безграмотным и все перевиравшим репортерам, где проходит Полярный круг и что такое нарты... Напрасно давал свою подпись под всякие воззвания и обращения к чуткому обществу и отзывчивому правительству. Не к чему было читать свои лекции, после которых воодушевленная публика осторожно опускала серебряные мотеты в чью-нибудь шляпу. И в Архангельск, в Москву тоже ездить не стоило с лекциями, уговорами и просьбами. Все рухнуло, потому что до августа осталось всего два с половиной месяца, а денег не было.

А что же всероссийский сбор пожертвований, начатый «Новым Временем» и комитетом еще в марте?

Когда подсчитали собранные деньги, то оказалось в наличии всего тысячи три. В кассу экспедиции поступали гроши. Не до Северного полюса, видимо, было и тем, у кого могли найтись свободные тысячи, и тем, кто на хорошее дело не пожалел бы последнего четвертака. 19 апреля петербургские газеты напечатали первые короткие телеграммы о Ленском расстреле. Рабочий класс ответил на преступление царских слуг массовыми политическими забастовками. Начался новый революционный подъем, после нескольких лет реакции и упадка. Настроение народных масс напоминало о пятом годе. Могучие волны революционного приюба расшатывали царскую власть.

В этой обстановке призывы Седова казались чем-то чуждым и оторванным от жизни. К тому же люди, которые лицемерно поддерживали план Седова, сами были враждебны народу, и достаточно было того, что на стороне Седова черносотенное «Новое Время», чтобы отвратить от его замыслов прогрессивные демократические элементы общества.

Через несколько дней после заседания совета министров, на котором правительство отказало Седову в дотации, он прочитал в газете интервью с А. Бунге. Доктор Бунге, известный полярник, был одним из участников комиссии Вилькицкого, провалившей проект Седова. Теперь он писал: «Некоторое время назад, когда я прочитал заметку об экспедиции лейтенанта Седова к Северному полюсу, я отнесся к этой экспедиции отрицательно. Но после того, как я увидел лейтенанта Седова и говорил с ним лично, я пришел к совершенно обратным заключениям. Я увидел в лейтенанте Седове человека, вполне подготовленного к – подобного рода экспедициям и практически и теоретически знающего полярные страны... Экспедиция разработана вполне правильно как по основным положениям,

так и по осторожной предусмотрительности расчетов».

Это был неожиданный и приятный подарок, полученный Седовым в дни, когда казалось, что все от него отвернулись. Ведь он знал, что обыватели и прямые противники его дела перевели постановление совета министров на свой язык, на котором «непродуманность» звучит как «мальчишество» или просто «глупость», а неудовлетворение просьбы о выдаче денег истолковывается как провал аферы. Седов уже тогда чувствовал, что, если ему не удастся делом доказать основательность своего плана и свою готовность на жертву, его имя станет синонимом карьериста-неудачника или пустого самонадеянного невежды. Этому могло только способствовать его невольное сотрудничество с новременской шайкой, в которой было немало уже прославившихся участников всякого рода прибыльных «благотворительных» махинаций.

С удвоенной силой он продолжал борьбу. Ему удалось собрать заседание комитета ^[33], от которого до сих пор никакой пользы не было. Это все были известные и опытные в так называемой общественной деятельности люди. Они предлагали испытанные способы получения денег – благотворительные концерты, уличный сбор наподобие «Дня ромашки», выпуск жетонов и лотерею аллегри с розыгрышем дачи, аэроплана и моторной лодки.

Седов с раздражением напомнил, что деньги нужны уже завтра – для закупки снаряжения и заказов на питание, а если денег завтра не будет – экспедиция в нынешнем году состояться не может.

Тогда поднялся член комитета Р. Вильтон, англичанин, постоянный корреспондент газеты «Таймс» в России, участвовавший в экспедиции Джексона, и заявил, что выход из положения может быть им предложен.

– Когда мой соотечественник лейтенант Шекльтон был в таком же положении, как уважаемый лейтенант Седов, – некоторые состоятельные джентльмены ссудили ему необходимое число фунтов. Потом, когда деньги были собраны у жертвователей, кредит был погашен.

В конце концов М. А. Суворин, владелец и редактор «Нового Времени», согласился выдать свои векселя в распоряжение комитета. Через несколько дней Седов выехал в Архангельск. Он предоставил господам общественным деятелям и облепившим комитет профессионалам благотворительности шуметь вокруг его имени и дела, устраивать платные балы и прибыльные гуляния, выпускать тощие книжечки и писать воодушевленные статейки, пить за его здоровье даровое комитетское шампанское и представлять от имени экспедиции. Дирижером в этой компании был капитан в отставке П. И. Белавенец, человек очень

ловкий и неизвестно почему примазавшийся к делу. Сам Седов приступил к единственной интересующей его работе – он покупал собак, выбирал судно, заказывал консервы и сапоги, формировал экспедиционный состав. 12 июня состоялось заседание комитета, на котором Суворин обещал кредитовать экспедицию, а уже 21 июня Седов писал из Архангельска жене: «...Теплое платье, сухари, солонину, масло заказал. Для изготовления этих запасов необходимо заказывать теперь же. На все – нужны задатки. Вот в этом-то и задержка. Из Тобольска имею телеграмму: „Готовы доставить в Архангельск 30 собак за 3 тысячи. Половину денег высылайте задатку...“ Над этим тоже голову ломаю. Во всяком случае, как-нибудь справлюсь и с этим делом...» {34}

В Архангельске его приглашали на публичные собрания и обеды, на которых местные воротилы произносили выпренные речи и напрашивались в поставщики экспедиции. Правитель канцелярии губернатора Садовский обещал Седову совместно со своим другом Вышемирским поставить ездовых собак, потому что тридцати тобольских было недостаточно. Поставку трески и солонины взял на себя купец Демидов, рекомендованный кем-то из губернаторского окружения. Седову не приходилось особенно привередничать, потому что, если бы он сейчас же не сделал заказов, – экспедиция не могла бы состояться в нынешнем году.

Его познакомили с зверепромышленником Дикиным, владельцем парусно-парового судна «Святой мученик Фока». Дикин соглашался отдать «Фоку» во фрахт экспедиции, он сам за недорогую плату брался вести судно на Землю Франца-Иосифа. Седов испытал счастливое чувство, когда впервые взшел по трапу на будущий корабль экспедиции. Несколько дней он посвятил осмотру «Фоки» и попутно узнал историю этого славного ветерана полярных морей.

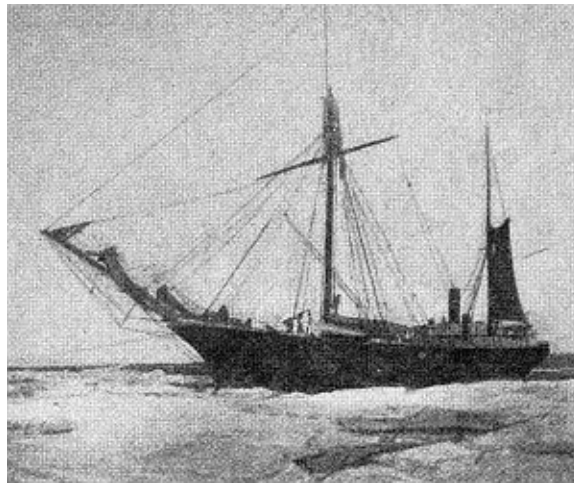
Сорок два года назад в норвежском городке Тенсберге со стапелей судостроительной верфи сошел красивый деревянный барк с тремя крепкими мачтами и могучим парусным вооружением. Двадцать восемь лет под именем «Гейзер» («Geiser») он ходил в Гренландское море, плавал среди льдов и аккуратно возвращался в порт с трюмом, набитым тяжелыми тюленьими шкурами и салом. И еще двенадцать лет плавал он под русским флагом, находясь во владении мезенских зверобоев, водивших «Мученика Фоку» к берегам Новой Земли, в горло Белого моря, в Карское море, а порой и по старым следам – на Грумант, на картах именуемый Шпицбергенем.

А в это время собратья «Фоки», такие же крепкие деревянные суда

норвежской постройки, прославили свой род в знаменитых арктических экспедициях. «Фока» был родным братом и «Вега», на которой Норденшельд прошел по Северному морскому пути, и безвременно погибшей «Stella Polare» герцога Абрюццкого и славной «Заре» русского путешественника Толля.^[7]

Практичные норвежские мореплаватели и судостроители в итоге многовекового опыта полярных походов за тюленем и белухой, моржом и китом создали тип превосходного арктического корабля, способного перенести и многодневный шторм, и титаническое сжатие ледяных полей, и подводные удары айсбергов, и зимовку среди льдов.

Седов любовался «Фоккой» – грязным, провонявшим ворванью судном. Под его неказистой внешностью он узнавал могучие формы полярного ветерана, потрепанного в плаваниях, но еще готового к борьбе и подвигам. Седов радовался увеличенной против обычного толщине корпуса и всех частей корабля – киля, кильсона, форштевня, привальных брусьев, дейдвуда.^[8] Все это было дубовое, тяжелое, надежное. Ему нравилось и то, что «Фока» был оснащен сильным ледяным поясом, а в носовой части – настоящей деревянной броней из 24 толстых дубовых брусьев.

«Святой Фока» в Карском море в 1908 году.

Такой корабль был счастьем для Седова! Надо же было, чтобы Дикий запутался в долгах именно сейчас, когда приспело время снаряжать судно для похода на Северный полюс! О лучшем корабле для экспедиции и мечтать нельзя было. Все: размеры (133,3 фута в длину и 30,2 фута в ширину^[9]), парусное вооружение (после перестройки в 1906 году – двухмачтовое, более удобное, требующее совсем немногочисленной

команды), величина трюмов, рассчитанных на богатый улов рыбы или убой зверя и способных вместить продовольствие для многолетней экспедиции, устройство кубрика на двадцать человек и кают-компании – все удовлетворяло желаниям Седова и казалось специально построенным для плавания, к которому он готовился.

С того дня, когда он получил «Фоку», у него уже не было сомнений в осуществимости его дерзкого замысла. Корабль для моряка – единственная реальность, которая верней всех векселей господина Суворина и лучше самых шумных воззваний, составленных деятелями комитета.

13 июля Седов подал рапорт начальнику Главного гидрографического управления:

«Прошу ваше превосходительство, не признаете ли возможным войти с ходатайством перед его высокопревосходительством морским министром об отпуске меня в первую русскую экспедицию к Северному полюсу, отправляющуюся в настоящем 1912 г.

Не признаете ли также возможным, ваше превосходительство, ввиду того, что экспедиция с материальной стороны обставлена бедно, исходатайствовать мне, в случае разрешения отпуска, и сохранение какого-либо содержания от казны» [\[35\]](#).

Это уже не докладная записка, в которой Седов ни о чем не просил. Здесь все точно и соответствует форме. 30 июля главный морской штаб утвердил отпуск с сохранением содержания на два года. Седов получил свободу действий.

III

Последние дни в Архангельске полны тревог, мучительной мелочной борьбы, дрызг, доводящих до отчаяния.

Седов надеялся вывести «Фоку» в море не позже 14 августа. Лето в Арктике коротко, и, если хочешь в одну навигацию достичь Земли Франца-Иосифа, надо спешить, чтобы льды, сплотившись, не преградили путь.

Но комитет в Петербурге, должно быть, не понимал этого и не торопился с высылкой заказанных консервов, измерительных приборов, аппаратуры для научных наблюдений. Морское министерство обещало прислать радиотелеграфиста с аппаратом, но почему-то задержало исполнение обещанного. Сообщили, что встретилось затруднение с устройством отпуска телеграфисту.

Наконец, Седов назначил день выхода – 21 августа. Все, казалось,

было готово. В двухэтажном свежестроенном домике жили в ожидании отплытия участники экспедиции и матросы – некоторые с женами, приехавшими проводить «Фоку». На дворе, в загородке, отчаянно лаяли и грызлись сибирские лайки и архангельские собаки неизвестной породы. С ними возился матрос Григорий Линник ^[36], опытный каюр^[10] с Дальнего Востока, явившийся к Седову в Петербурге, когда в газетах появились первые заметки об экспедиции на Северный полюс.

В просторной проходной комнате первого этажа на большом столе ожидали перенесения на судно хрупкие и капризные приборы – целая гора блестящего металла и стекла. Здесь были тяжелые барометры, термометры для глубинных измерений, ветромеры, секстанты.^[11] В этой же комнате, среди стружек и упаковочной бумаги, стояли заколоченные ящики с гидрографическим инструментом.

В соседней комнате было тесно от наваленной меховой одежды и огромных спальных мешков – тяжелых, четырехместных.

Напротив домика у причалов стоял, уже полюбившийся, готовый к трудам и славе, старик «Фока». Закончили погрузку продовольствия – муки, сахара, трески в бочках, солонины, консервов в ящиках. На палубе уложили разобранные по брейкам строения – баню, амбар, жилой домик... Недалеко от пристани белела еще свежая стружка – здесь только что ставили срубы и вновь их разбирали.

Еще два месяца назад не было ничего. Не было денег, корабля, спутников; не было, собственно говоря, и оснований, чтобы рассчитывать на успех задуманного. Нужна была энергия человека, одержимого своей идеей, чтобы собрать все это и приготовить к сроку.

Но теперь надо было торопиться, как никогда. Чорт с ним, с радиотелеграфом, только бы не опоздать с отплытием и – что страшнее всего – не откладывать на будущий год.

19 августа, утром, когда Седов еще не успел начать свою ежедневную беготню по пристаням, вокзалам, портовым и губернаторским канцеляриям, к нему является судовладелец и шкипер Дикин.

– Извиняюсь, – говорит он. – Имею для вас уведомление.

– Что хорошего скажете, капитан? – спрашивает Седов.

– Не извольте гневаться, – отвечает, пряча вороватые глаза, Дикин, – выход в море придется отменить...

Он объясняет пораженному Седову, что «Фока» сильно перегружен и поэтому он его из порта не выведет. Через час приходит посыльный от нотариуса и под расписку вручает Седову официальное уведомление об

отказе Дикина вести судно.

Седов спешит в управление порта. В 12 часов на борту «Фоки» находится уже комиссия из двух портовых инженеров. Выясняется, что судно действительно перегружено в сравнении с нормой, которой, правда, никто не придерживается. Чтобы обнажить ватерлинию, надо удалить часть груза. Но что можно выбросить – бочки с солониной или уголь, которого и так взято мало, – всего на 23–25 ходовых дней? Нужно решать, и поскорее. Седов предлагает уменьшить запас воды. Инженеры подсчитывают и заявляют, что на «Фоке» воды больше, чем нужно для питания котлов на всем пути до Земли Франца-Иосифа. Седов приказывает Дикину откачать излишек воды.

– Будет исполнено-с, – говорит Дикин и ставит на эту работу двух матросов с ручным насосом.

Ясно: этот негодяй хочет проволочить до 28 августа – предельного срока отплытия по договору, – чтобы получить с Седова деньги даром, не отправляясь в плавание. Седов мчится в управление порта и хлопчет о присылке речного парохода для откачивания воды. Пароход присылают, воду откачивают за три часа. Но мытарства только начинаются. После уменьшения запаса воды «Фока» задрал носовую часть. Нужно вновь распределить груз по трюмам и палубе, чтобы достигнуть равновесия.

Три дня уходит на перегрузку. Бревна построек перетаскивают с кормы на полубак. Тогда Дикин говорит, что воды оставлено мало, плыть невозможно. Седов приказывает сбросить на пристань часть экспедиционных запасов. Он жертвует несколькими банками керосина, ящиками с продовольствием и, уже разъяренный, соглашается оставить на берегу ящик с примусами – драгоценными на севере нансеновскими примусами. После этого запасы воды увеличивают.

Это было 21 августа. Седов в этот день написал в новой книге с тяжелым переплетом свой приказ номер один, «Сегодня отплывает первая русская экспедиция к Северному полюсу...» – написал он [1371](#). Отплытие не состоялось, и на следующий день утром Седова встречает у ворот экспедиционного домика знакомый уже посыльный от нотариуса. На этот раз уведомление гласит, что отплытие невозможно по новой причине: страховое общество не берет «Фоку» на страх, – слишком далекий ему назначен путь, и, так как судно заложено, его не выпускают кредиторы.

Седов бежит на телеграф. Он посылает телеграмму в комитет, требуя принятия немедленных мер через петербургское начальство. Через несколько часов прибывает ответ, и все кажется улаженным. Но 23-го в третий раз в домик экспедиции является посыльный от нотариуса. Его все

уже знают, и даже упряжные собаки не лают на этого человека, приносящего в своей сумке несчастья.

Нотариус сообщает, что на «Фоку» наложен арест в обеспечение иска в 1500 рублей, предъявленного судовладельцу Дикину матросом, получившим на работе увечье. Седов, не теряя времени, отправляется в банк и вносит за Дикина деньги.

Кажется, что больше ничего нельзя придумать, чтобы задержать выход «Фоки». Но Дикин еще не успокоился. Сам он больше не показывается на глаза и как будто притих. Но вечером в комнату, в которой живет Седов с Верой Валерьяновной, стучатся штурман, механик, помощник механика и боцман «Святого Фоки» – все служащие Дикина.

– Так что, господин начальник, – говорят они по очереди, – от рейса отказуюсь... Не могу, значит, итти на полюс, – жена, значит, дети...

Седов понимает – это козни Дикина. Наутро он прибегает к способу, подсказанному шкипером, – уведомляет Дикина через нотариуса, что выход «Фоки» назначен на 25 августа текущего 1912 года.

Но это не действует на судовладельца. Ясно, что он не пойдет в плавание. Между тем дни уходят. Собственно говоря, экспедиция уже опаздывает – лето на исходе. Седова спрашивают, не сочтет ли он за благо остаться до следующего года. Но у него на этот счет колебаний нет. Через некоторое время, уже на Новой Земле, он скажет в письме на родину: «... рвался в рейс потому, чтобы скорее избавиться от тех мучений, которые я переносил от окружающих. Для меня было бы уже пыткой остаться дома до 1913 года, кроме того, кто знает, мои враги сумели бы за это время победить меня и отнять у меня родное мое, мною созданное дело...» [\[38\]](#)

Седов решает освободиться от Дикина, оставив себе «Фоку». Снова происходит обмен срочных телеграмм с Петербургом. С Дикиным подписывают новый договор – об аренде на один месяц. С оставшейся частью старой команды, заключают контракт. Весь экспедиционный состав переходит на судно и размещается в каютах и в кубрике. Седов объявляет, что «Святой Фока» – судно экспедиции к Северному полюсу – покинет Архангельский порт 27 августа. На «Фоке» еще нет капитана, штурмана, механика и помощника механика, не полон матросский состав. Но теперь уже Седов знает, что судно отправится. Либо он найдет людей за один день, либо двинется в путь с теми, кто есть, – ждать больше нельзя ни часу.

И вот 26 августа утром, при большом стечении народа, буксирный пароходишко тащит «Святого Фоку» из Соломбалы по реке к парадной, так называемой соборной, пристани. В три часа дня, при криках «ура» собравшейся публики, «Фока» останавливается на виду у города. Назавтра

назначено торжество отплытия.

Какие-то никому неведомые люди приходят и предлагают свои услуги Седову. Кто из них окажется настоящим работником? Но раздумывать некогда, и Седов набирает судовую команду из первых попавшихся людей. Он ли не знает, какая человеческая дрянь болтается порой в портах? У него нет выхода. Вот выбор: отложить экспедицию, а значит и отменить ее, либо итти завтра с теми людьми, какие есть. Он рискует, потому что давно уже без экспедиции для него нет жизни.

Полдень 27-го. На пристани негде упасть яблоку. В центре толпы – золоченые ризы, блестящие мундиры, цилиндры и светлые платья дам. Над головами колышутся тяжелые хоругви. Льются плавные напутственные речи. Гремит военный оркестр.

Духовенство поднимается по трапу, устланному ковром, на судно. За ним губернатор, чиновники. Городской голова в бекеше, с медалями на груди и с лысиной до красной шеи, вносит на «Фоку» икону спасителя.

Так, с молебствием и речами, с иконой и духовым оркестром, провожают первую русскую экспедицию к Северному полюсу. Отплытие «Фоки» празднуют в губернском городе Архангельске пышно и истово, как будто день 27 августа освящен тезоименитством или рождением какой-нибудь из особ царствующего дома. Не радиотелеграф, а икону внесли на судно в последний час перед отплытием. Не о посылке вспомогательного парохода с углем и продовольствием заверяли Седова духовные, штатские и военные чиновники на палубе «Фоки», а о том, что будут они усердно молиться за плавающих и путешествующих. Прошел еще один день, и вот в открытом море буксирный пароход подает сигналы гудком, чтобы провожающие поскорей оставляли «Фоку».

Проводы «Святого Фоки» в 1912 году на архангельской пристани. В центре: Г. Я. Седов и В. В. Седова.

Седов обнимает жену в последний раз. Когда они увидятся? Через год,

через два?.. Кто знает? С другим человеком, дорогим его сердцу, с матерью, простился он еще весной – нарочно для этого ездил из Петербурга на родину, в Кривую Косу.

Все. Речной пароходик уплывает обратно в Архангельск. У борта стоят и машут на прощание женщины. Он смотрит, смотрит до боли в глазах. Ему нужно запомнить навсегда этот дымок над трубой и то крохотное белое пятно, в котором уже не узнает он, а лишь угадывает родную, любимую...

«Фока» гудит во всю свою сирену. Матросы бегают по палубе, приготавливая корабль к первой встрече с настоящим морем – закрывают трюмы тяжелыми люковницами, ^[12] увязывают бревна и бочки цепями.

Седов подходит к спутникам. На глазах его слезы.

– Что ж вы, братцы, приуныли? – спрашивает он и улыбается.

«Фока» плывет по тихому морю при добром попутном ветре на север. Седов на мостике. То, чего он желал, исполнилось. Флаг русской экспедиции к Северному полюсу поднят.

Чтобы понять то, что случится в его жизни в дальнейшем, надо знать: Седов покидает родину как человек, обремененный долгами, как должник, отправляющийся в далекие страны добывать богатства для расплаты с кредиторами. Он слишком много обещал в последние полгода. Десятки раз он утверждал то, о чем следовало говорить лишь предположительно. Он не говорил: я сделаю попытку и, может быть, при благоприятном стечении обстоятельств, мне удастся достигнуть полюса. Нет, он заявлял вполне уверенно: я пойду и завуюю полюс. Он уверял, что нет никаких сомнений в победе. Почему он так делал?

Жизнь вымогала у него эти слова в обмен на свободу действий и деньги, которые нужны были для его высокой цели. Под сомнения, хотя бы и мудрые, денег ему не дали бы. Он добивался права на свой подвиг, борясь с признанными авторитетами, с людьми, имеющими власть, с равнодушными чиновниками и враждебным морским начальством. И, чтобы добиться своего, ему пришлось представиться убежденным в легкости исполнения намеченного плана. Как будто он не знал сам, что очень мало шансов на успех у человека, отправляющегося в Арктику с таким снаряжением, как у него. Он повсюду твердил, что обязательно водрузит флаг России на Северном полюсе, что дело это легко исполнимое – только пустите, только дайте судно, собак, денег...

Он раздавал свои обязательства направо и налево с азартом игрока, рассчитывающего на последнюю крупную ставку. Да, он рассчитывал на решающую ставку, которой в крайнем случае готов был отплатить все долги. Этой его ставкой была собственная жизнь.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ТРУДНЫЙ РЕЙС

I

Приказы начальника экспедиции от номера 7 до номера 19. датированные 3 октября 1912 года ^[39], содержат распоряжения об организации зимовки. Механику – «потушить в топках огонь» и «уголь отнюдь не расходовать на нужды отопления», командиру «Фоки» «озаботиться выморозкой судна», врачу экспедиции, приняв обязанности заведующего продовольственной частью, «выработать порядок и порцию расхода, сообразуясь с тем, чтобы человек был здоров и крепок», географу Визе ^[40] – заведующему гидро метеорологическим отделом – «озаботиться устройством гидро-метеостанции II разряда с производством ежедневных наблюдений: в 7 ч. утра, в 1 ч. дня и в 9 ч. вечера...» Ходовые – четырехчасовые – вахты офицерского состава отменить за ненадобностью и вместо них ввести суточные дежурства. В 12 часов ночи все лампы гасить. Музыкальное время назначается от 2 часов дня до 10 часов вечера.

Местоположение судна отмечено перед каждым приказом: «Бухта „Святого Фоки“». Новое географическое название родилось против желания путешественников, оно должно впредь означать пункт невольной стоянки корабля, место его пленения.

Таков грустный итог первого плавания экспедиции: «Фока» вмерз во льды у новоземельского берега. Арктика опрокинула план Седова – корабль экспедиции в 1912 году Земли Франца-Иосифа не достиг.

То, что экспедиция вышла в плавание так поздно – не 14(1) июля, как было определено по плану, и не 14(1) августа; как намечалось впоследствии, а только лишь 27-го, сыграло в ее судьбе роковую роль. Арктические моря не прощают таких промедлений.

Уже в горле Белого моря «Фоку» начало трепать волнение. Дул встречный ветер с севера, и тяжело нагруженному «Фоке», с его слабой машиной и четырьмя узлами хода, приходилось трудно. Утром 30-го волнение достигло силы шторма – рулевого привязали к штурвалу. Ветер с севера толкал «Фоку» назад, в Белое моря Паруса были убраны, судно черпало правым бортом воду. В корпусе «Фоки» оказались щели – вода

проникла в трюм и достигла угрожающего уровня – 42 дюймов. Она подбиралась к котлам и топке. Бочка с маслом разорвала концы, которыми ее привязали, и покатила по палубам, потом стукнулась обо что-то и разбилась: масло потекло за борт.

Этот шторм отнял у экспедиции три дня. Седов пытался пройти горло Белого моря ломаным курсом, но вскоре принужден был укрыть корабль под берегом, близ «Трех Островов». Далее «Фока» перешел к маяку Городецкому. Здесь исправили вышедшую из строя паровую помпу, возобновили конопатку в корпусе, откачали из трюма воду, а также восстановили запас машинного масла.

Затем – переход к Новой Земле, сравнительно благополучный, при спокойном море и благоприятном ветре. Недалеко от Гусиного берега вновь наткнулись на встречный ветер штормовой силы. «Фока» скрипел, кряхтел и в конце концов повернул по ветру – на юг, искать убежища в каком-нибудь заливе. Нельзя было тратить уголь и время на борьбу с противным ветром. Приют нашел «Фока» в Белушьей губе, узкой, хорошо защищенной от ветра и волн. И завтра, когда погода стихла, корабль опять вышел в свой рейс. Распустив все паруса, бежал он прямо на север, работал и машиной и снастью – нагонял упущенное. «Фока» плыл вдоль новоземельского берега – низменного в начале, а потом все более гористого; остроконечные вершины сторожили Землю у самой воды, они были похожи на недвижимый строй воинов, одетых в ледяные латы и шишаки.

Но уже перед заходом солнца появились грозные предзнаменования. Новоземельский хребет был освещен в лоб солнечными лучами: каждая расщелина казалась нарисованной старательным и наивным художником – четко, резко, без пропусков. И тени лежали необыкновенные на горных склонах – густые, ровные, будто бы вырезанные из коленкора.

– Видите? – спросил Седов штурмана.

Тот молчал – моряки понимают друг друга без слов.

Они спустились с мостика. Вскоре боцман вызвал команду из кубрика наверх. Собачьи клетки и бочки с солониной, шлюпки и строительный лес – все, что нес на себе «Фока», закрепляли, задраивали, сцепляли.

На юте собрались члены экспедиции. Смотрели в бинокли, любовались берегом.

Начальник сказал:

– Вот эти куски ваты на верхушке горы, видите, – они стоят недвижимо, разодранные какой-то силой в клочья. Они как будто застыли на перевале. Их принесло с той стороны, с востока, с Карского моря. Там – буря. Скоро она будет здесь...

Через месяц в письме к жене Георгий Яковлевич рассказал об этом шторме, который не погубил «Фоку» вместе со всей экспедицией только благодаря мужеству и дерзости начальника.

«Это был шторм жестокий, даже больше – страшный, – писал Седов. – Находились мы в 15 милях от берега, к нему приблизиться не могли, так как ветер дул встречный, а наша машина против сильного ветра не выгребает. Таким образом нас мало-помалу отбрасывало все дальше и дальше от берега в открытое море, где волна делалась все больше и больше... Накрыла темная ночь, что делать? Мысли мои работали со страшной быстротой. Команда наполовину укачалась, и мне пришлось это учитывать. Судно дает большую течь, часть воды попадает в трюм через палубу, и все это стоит, как привидение, перед моими глазами. Сначала хотел было пуститься по ветру к Шпицбергену, но потом, подумав, решил бороться со штормом, чтобы пробиться к берегу. Поставили все паруса и легли в лавировку. „Фоку“ буквально всего покрывало водой, не было рубца сухого. Я, весь мокрый, на мостике. Холод адский, снег бьет в лицо. Но я тверд и решил не сдаваться, пока не прибьюсь к берегу. „Фока“ геройски себя вел. Как он чудно борется с волной! Если бы он был более крепкий, то лучшего судна едва ли нужно было пожелать. Лежит на боку и черпает правым бортом воду. Нос весь зарывается в волны. Брызги без конца летят через мостик. Паруса сильно натянуты. Снасти и рангоут трещат, писк, визг и собачий лай (от холода, они все мокрые). Все это делает обстановку адской, хаотической. Вокруг море кипит прямотаки белой пеной. Боремся, но вот удар-другой волны, и шлюпка судовая летит за борт и пропадает в пучине морской. Через час срывает другую шлюпку и разбивает о борт судна. Но здесь мы сами прикончили с ней, скорей обрубали фален и пустили ее в море, чтобы она борт не рассадил корабля. Веруша, вероятно, ты не поверишь, мне стало в эту минуту жутко, но я не потерял присутствия духа и продолжал с бешенством орать на команду, отдавая приказания. Но вот новая беда – разорвало парус бизань, надо его спускать. Сколько было муки и опасности, меня в жар бросило. Спустился я на минуту в каюту, посмотрел на твой портрет и сильно, сильно подумал о тебе. Хотел, чтобы ты вспомнила меня в эту минуту...

На мостике „Святого Фоки“ в Баренцевом море Слева направо: Седов, штурман Сахаров. Павлов, капитан Захаров, Кушаков, Пинегин, Визе.

...Я снова на мостике и снова, как безумный, кричу на команду и приказываю. Ты можешь себе представить? Ветер дул 10 баллов, и мы шли под всеми парусами в бейдевинд^[13] без рифов,^[14] моряки этому прямотаки не поверят, а на самом деле это было так. Случилось это потому, что, во-первых, с моей командой совершенно не было возможности взять эти рифы, а во-вторых, их и не было у парусов. Это показывает, насколько все исправно у Дикина. Снасти одна за другой лопались, и это приводило судно всякий раз к опасности. Дикина мало суду предать, его надо четвертовать за такое злоумышленное к нам отношение...

Делаем поворот, самое страшное в море во время шторма. Крик, гвалт, шум, треск – светопреставление! Сильно жарко! Слава богу, поворот удался, идем другим галсом, наискосок к берегу. Ход быстрый, но одно страшно: боюсь, как бы судно окончательно не закрыло водой, тем более, что из трюма нельзя откачивать во время шторма воду, она там все скопится и скопится, а судно от этого все ниже и ниже садится.

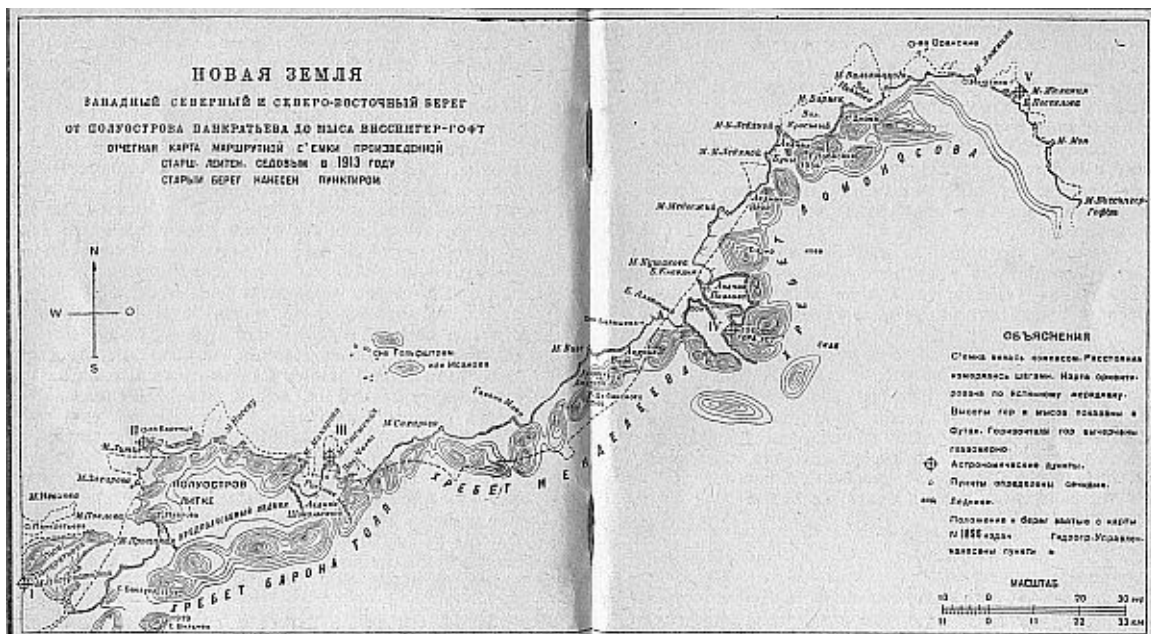
Лопнул стаксель-шкот, новая беда! Привожу судно к ветру, заводим новый шкот, идем дальше. Все идет как будто нормальным путем, но нам каждая сажень этого пути стоила жизни. Сколько ужаса, сколько нравственных страданий за людей, наконец, сколько физических страданий...

...Помолился богу, вспомнил тебя, моя родная, прикинул счисления пути, и пустился в темную ночь прямо к берегу под всеми парусами!.. В результате, все благополучно: в 2 часа ночи полным ходом прошли в 1½ милях камни у Сухого носа, которые удалось разглядеть, так как на них белая пена горой стояла. В это время у меня душа в пятки улетела – ты

знаешь, что такое налететь на камни в шторм? Один удар, и нас не стало бы.

Начал уменьшать паруса и ход, несколько отвернул в сторону и по лоту, с самой тщательной осторожностью, подошли на расстояние одной мили к берегу, на десятисаженную глубину. Берег увидели, волна меньше, судно уже не заливаает, хотя ветер рвет с такой же силой. Привожу быстро к ветру. Отдать якорь! Эта команда так легко сорвалась у меня с языка, как будто я вошел в царство небесное...» [\[41\]](#)

**НОВАЯ ЗЕМЛЯ
ЗАПАДНЫЙ СЕВЕРНЫЙ И СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ БЕРЕГ
ОТ ПОЛУОСТРОВА ПАНКРАТЬЕВА ДО МЫСА ВИССИНГЕР-
ГОФТ
ОТЧЕТНАЯ КАРТА МАРШРУТНОЙ С'ЕМКИ
ПРОИЗВЕДЕННОЙ СТАРШ. ЛЕЙТЕН. СЕДОВЫМ В 1913 ГОДУ
СТАРЫЙ БЕРЕГ НАНЕСЕН ПУНКТИРОМ**

С'емка велась компасом. Расстояния измерялись шагами. Карта ориентирована по истинному меридиану. Высоты гор и мысов показаны в футах. Горизонталы гор вычерчены глазомерно.

Шторм этот в другом описании, сделанном в дневнике доктора Кушакова ^[42] выглядит еще страшней. Клетку с собаками оторвало волной, и она носилась по палубе со своими обезумевшими обитателями. Среди гула, треска, собачьего воя раздался вдруг отчаянный стон механика:

– Господи, что будем делать! Машина не работает, мы идем назад! Вода в трюме прибывает!.. Погибнем!

Почти всех укачало, лежали на койках. Несколько матросов с бледными лицами едва передвигались по палубе.

Кушаков лежал в каюте, в которой все было разбросано и разбито. Вбежал матрос:

– Мы идем на камни! Сейчас нас разобьет!..

Кушаков приподнялся, чтобы заглянуть в иллюминатор, но в это мгновение необычайной силы удар потряс судно. Кушаков упал... Показалось – конец. Лежал в забытьи. И через час снова прибежал матрос:

– Мы спаслись! Стоим в бухте, на якоре!

II

«Фоке» необходимо было возобновить запас воды. Он зашел в губу Крестовую, где еще только два года назад Седов делал промеры и определения. Первая остановка у креста – астрономического пункта, поставленного Седовым в 1910 году. Здесь он сверил хронометры – было опасение, что их растрясло во время шторма.

Ольгинский поселок – последний населенный пункт на пути «Фоки». Можно было оставить письма и официальные донесения в комитет экспедиции и по начальству – в управление гидрографии. Пароход «Ольга», который два раза в год посещал Новую Землю, вскоре должен был прибыть. А самое главное – здесь, в Ольгинском поселке, можно было высадить тех людей из команды, которые оказались бесполезны на «Фоке». Таких было пятеро. Это боцман, три матроса и повар – все люди, нанятые в Архангельске перед самым отплытием.

Им дали провизии на двадцать дней, и Седов сам свез их в шлюпке на берег.

Рапорт начальнику Гидрографического управления, оставленный в губе Крестовой, свидетельствует, что Седов в это время еще надеялся достичь Земли Франца-Иосифа в текущем году. «Наливаюсь водой и иду дальше на север к восточному берегу Земли Франца-Иосифа и, в случае не встречу здесь льдов, пройду в Теплиц-бай, где базировался Абруццкий; в

крайнем случае высажусь где-либо в другом месте, в зависимости от состояния льдов», пишет он в рапорте. И далее – о своих планах: «К полюсу направлюсь на 60 собаках с двумя рабочими и географом Визе. Около 1 марта 1913 года экспедицию поручу командиру судна Захарову».

В конце рапорта – самое существенное: «Просил комитет на будущий год прислать пароход навестить нас и привезти уголь, а также трех человек для метеорологической станции, которых мы оставим после себя на Земле Франца-Иосифа, чтобы не прерывать наблюдений...» [\[43\]](#)

«Фоке» не повезло в Крестовой губе. Судно село на мель. Это задержало экспедицию по крайней мере на сутки. На берег губы завезли стальной трос и закрепили его в камнях. Потом дали машине полный ход, стали выбирать трос лебедкой. Это окончилось небольшой аварией – трос лопнул, а судно осталось на мели недвижимо. Седов принял новое решение: отклепать якорь, завести его с кормы. Спустили баркас, подвесили к нему семидесятипудовый якорь. Баркас склонился под тяжестью на одну сторону, едва не зачерпывая бортом воду. Матросы и с ними Седов навалились тяжестью собственного тела на противоположный борт, и баркас постепенно передвинулся на 50 сажен за корму... Тяжелая и рискованная работа!

Только 12 сентября, на рассвете, снявшись с якоря и подняв все паруса, «Фока» направился к выходу из Крестовой губы. И уже через день вахтенный усмотрел впереди прямо по курсу массы плавающего льда. Издалека море казалось покрытым почти гладкой и сплошной белой корой. Но это были разрозненные ледяные поля, частая сеть перемещающихся плоских островов, омываемых широкими проливами изменчивой формы. А поблизости от берега совершали свои одиночные плавания высокие айсберга – голубые, крутобокие скалы, отломившиеся от ледников, которые на северном острове Новой Земли спускаются прямо в море, где и обрываются отвесной стеной льда.

Матросы в кубрике «Святого Фоки».

Начинался шторм ледяного барьера, поиски прохода на Землю Франца-Иосифа. Эта борьба продолжалась более двух недель, она потребовала от Седова напряжения всех умственных и физических сил, потому что в дни плавания выяснилось, что в составе экипажа и экспедиции нет никого, с кем мог бы Седов разделить трудности командования «Фокой». Выяснилось, что капитан Захаров не умеет вести судно среди льдов. Оказалось, что штурман Сахаров – алкоголик; еще в том письме, которое Седов оставил для жены на Городецком маяке, было сказано о Сахарове: «Штурман – неважный, как-то уже успел стащить спирт, напиться и пырнуть ножом матроса...» ^[44] Боцмана пришлось списать в Крестовой губе из-за болезненной привязанности к наркотикам. Что же до экспедиционного состава, то это были не моряки, навигации они не обучались. Географ Визе и геолог Павлов на море попали впервые. Пинегин, художник, хотя и бывал на Севере, но самостоятельно вести судно не мог. Наконец, доктор Кушаков: этот ни моря, ни Севера не нюхал, постоянно укачивался, а помимо всего был весьма антипатичен. О нем в письме сказано было довольно резко: «Надоел ой мне своей разнузданностью, хвастливостью и вообще фамильярностью...» ^[45]

«Фока» свернул на запад от Новой Земли. Он шел некоторое время вдоль границы ледяных полей. По свидетельству мореплавателей, путь среди льдов на Землю Франца-Иосифа легче найти на западе.

После ночи движения вдоль кромки льда пришлось изменить курс.

Граница льдов заворачивала все более к югу. «Фока» взял курс на север. Он шел под парусами и довольно легко разрезал хрупкую кору молодого льда. Но с каждой милей крепость и толщина ледяных полей увеличивались. Нужно было лавировать, отыскивая удобные протоки и полыньи. Иногда «Фока» брал препятствие силой – тяжестью корпуса и разгоном машины. Седов то подымался в бочку, которая была укреплена на грот-мачте,^[15] то карабкался на ванты^[16] – сверху видней, куда ведет полынья и нет ли впереди больших пространств чистой воды. В трудные минуты он сам брался за штурвал. Встречались льдины, которые удавалось пробить лишь несколькими последовательными ударами. Тогда «Фока» пятился назад – на самом малом ходу, чтобы не повредить винт при столкновении с какой-нибудь шальной льдиной, – брал разгон и несся вперед, наваливаясь на лед всей тяжестью своего носа. Он входил в лед, как клин, вдавливался в сопротивляющуюся массу на несколько десятков футов, машина его работала полным ходом, корпус дрожал и поскрипывал. Постепенно движение вперед замедлялось, и, наконец, корабль бессильно замирал среди наторошенных обломков... Тогда начиналось все сызнова. Седов командовал: «Малый, назад!» – и «Фока» отходил. Еще удар – и новые несколько десятков футов во льду.

Старик «Фока» здесь только и обнаружил свою удачу. Он великолепно слушался руля и вьюном вертелся по извилистым протокам, а когда надо было, исправно долбил лед своим тяжелым дубовым корпусом.

Но с каждым Днем и часом и эта работа становилась все более трудной для «Фоки». Однажды он натолкнулся на такие льды, которые навряд ли пробило бы судно и втрое более сильное. Север был закрыт плотными льдами, в которых не видно было ни одной «водушки», как говорят полярники. И небо на горизонте сплошь было «ледяное» – белесого, отраженного цвета ледяных полей.

Теперь приходилось расплачиваться за вынужденное опоздание с отплытием из Архангельска. Седов знал, что никогда еще ни одна экспедиция не достигала Земли Франца-Иосифа в такое позднее время года. Джексон совершил свой рейс в начале августа, Уэльман – в конце июля, Абруццкий – в середине июля. Выходя из Архангельска 27 августа, Седов рассчитывал все же на удачу своего предприятия при одном условии – при благоприятной ледовой обстановке. Но в двенадцатом году зима пришла необычайно рано.

У него еще была надежда. Он видел несколько дней назад большую полынью вдоль берега Новой Земли. Может быть, она еще не исчезла. Кто

знает, не ведет ли она к чистой воде? Если не на Землю Франца-Иосифа он попадет в этом году, то хотя бы заберется так далеко на север, как только можно.

Ночью, при тихой погоде. «Фока» вошел в Архангельскую губу и бросил якорь у берега. Наутро корабль экспедиции двинулся снова на север, на этот раз по чистой воде, лавируя между многочисленными островами. Пришлось пользоваться узким и малоисследованным фарватером. Другого же пути не было – все к западу от берега было заполнено льдом. В районе островов Панкратьева «Фока» счастливо избежал опасности. Обозначенный на карте ближайший к берегу остров оказался полуостровом: «Фока» ткнулся было между островом и Новой Землей, но нашел не пролив, а перешеек.

Близилась ночь, и Седов поставил «Фоку» на якорь. В темноте плыть по этому фарватеру было слишком опасно.

– Спать, – сказал Седов, медленно сходя по трапу с мостика.

Он очень устал за последние дни. Для отдыха ему оставались только те часы, когда «Фока» почему-либо не мог двигаться, – когда его зажимало во льдах или нужно было дожидаться попутного ветра. Осунувшийся, с рыжеватой щетиной на щеках, Седов по двадцать часов нес вахту. Голосом, охрипшим на ветре, подавал он откуда-нибудь с мачты свои команды рулевому: «Право руля!» – «Так держи!» – или же, когда надо было долбить лед, часами терпеливо перекликался с машинным отделением, руководя отступлениями и атаками «Святого Фоки». При солнечном свете, когда тени резко вырисовывались на голубой поверхности льда и рядом с «Фокой» скользил по ледяным полям другой корабль, с таким же вогнутым форштевнем, с двумя мачтами, одной трубой и надстройкой на корме, – в эти часы на льдинах всегда можно было различить – среди вант или на мостике – силуэт начальника; иногда тень была так хороша, что виден был даже козырек его форменной фуражки, надетой слегка набок и наполовину закрывающей высокий крутой лоб.

Седов спускался по трапу, и в эту минуту кто-то выкрикнул магическое слово:

– Медведи!

Куда исчезла усталость! Все забыто – и желание спать, и мрачные мысли, все, кроме одного – плана охоты, который был выработан в нескольких шумных и горячих беседах за столом кают-компаний. Это уже третья встреча с могучим жителем льдов, – надо надеяться, что она будет более удачной для охотников, чем две другие. Первый медведь был огромный зверь, разглядывавший «Фоку» с верхушки высокого тороса с

каким-то величественным равнодушием. В него палили из нескольких ружей прямо с борта корабля, но у стрелков от возбуждения дрожали руки, и только после продолжительной канонады медведь свалился. Седов первый спрыгнул на лед и побежал к зверю безоружный, с одной веревкой. Потом были неприятные минуты, когда медведь вдруг ожил... Словом, первая охота была безрезультатной: медведь ушел с несколькими пулями под шкурой.

И вторая охота окончилась ничем, потому что стрелки слишком горячились. Во время преследования зверя Седов оказался впереди всех. Он бежал, не разбирая дороги, весь поглощенный охотничьим азартом. Он попал в полынью и погрузился по пояс в воду, но мгновенно выкарабкался и не переводя дыхания побежал дальше. Еще через двадцать шагов он оказался на молодом льду, который был присыпан снегом и ничем не отличался по внешности от старого. Лед подломился, Седов ушел в воду. В ту секунду, когда он падал, мелькнула мысль – надо спасти ружье, и он сильным взмахом отбросил его далеко от себя, на старый лед. Осторожно, избегая резких движений, он стал выкарабкиваться на хрупкий лед, а потом пополз по льдине, наклонившейся в воду, и, чтобы не погрузиться вновь, широко раскинул руки и ноги. Это заняло не более минуты, а затем Седов вскочил, схватил спасенное ружье и побежал дальше – к медведю. Но зверь на этот раз уплыл по протоке, наполненной мелко битым льдом.

И вот в третий раз в этом плавании раздался страстный и восторженный крик: «Медведи!» Через минуту в шлюпке, спущенной в полынью, плывут Седов и Пинегин.

Другие охотники пробираются на берег. Вскоре начинается пальба – в сгустившемся сумраке видны розовые и желтые огни выстрелов. Шлюпка с Седовым и Пинегиным не сразу пристает к береговому припаю – лед хрупкий, ступить на него нельзя. Наконец, по колению в воде, охотники выходят на лед. Но где медведи? В темноте их не видно. Начинается переключка с теми, кто на берегу. Оттуда перестают стрелять, и тогда Седов с Пинегиным отправляются на поиски. Большая медведица с медвежонком оказывается в опасной близости – в тридцати шагах. Подойдя еще ближе, охотники стреляют. Удача! Через час доктор Кушаков получает в свое распоряжение свежее мясо. Медвежьи котлеты – первые в экспедиции – удаются на славу.

Охотничий успех подымает настроение в кают-компании. Все представляется в розовом свете, все трудности кажутся преодолимыми, все льды – нипочем. Лишь поздно ночью расходятся собеседники по каютам. Остается всего лишь несколько часов до нового дня, и кажется, что он

принесет путешественникам только хорошую, только добрую дорогу на север. А между тем именно завтра ожидает экспедицию тяжелое несчастье.

19 сентября, идя по узкому проливу, после того как лотовой крикнул: «Тридцать пронесло!», «Фока» совершенно неожиданно сел на мель.

Это казалось только досадной, но легко устранимой помехой – грунт был твердый, ровный. Седов поручил капитану снимать судно с мели, а сам, с Визе и матросом Томиссаром, отправился в шлюпке на берег острова, находящегося в нескольких верстах, для того чтобы сделать астрономические определения.

Через несколько часов, побродив по острову, Седов со спутниками двинулись в шлюпке к «Фоке». На полпути их встретил внезапный и все усиливающийся ветер. Выгребать становилось трудно. Шлюпка едва поддавалась усилиям, она еле ползла против ветра, и расстояние до «Фоки» начинало казаться бесконечным.

На корабле увидели шлюпку. Собравшимся у борта было ясно, что гребцы теряют силы в неравной борьбе. Надо было помочь.

Но «Фока» оставался недвижим. Сняться с мели не удалось.

Седов, Визе и Томиссар из последних сил налегали на весла. Шлюпка не скользила, она разрезала волны с таким усилием, как будто они были свинцовыми. Но все же шлюпка двигалась и приближалась к «Фоке», к нему уже рукой подать, какая-нибудь сотня сажен.

И вдруг стоящие на борту корабля видят, что шлюпка остановилась. Она неподвижна, хотя три гребца попрежнему работают веслами. Словно каменная стена выросла между «Фокой» и шлюпкой.

Но, в действительности, это ветер, который в одну минуту приобрел силу шторма. Он дует в пролив, как в трубу, и несет не только волны, но и ледяные поля, грозно приближающиеся к «Фоке».

Капитан приказывает спустить большой баркас. Девять гребцов по ветру быстро пригоняют баркас к шлюпке, берут ее на буксир. Но и этих сил мало, чтобы выгребсти против шторма. Баркас и с ним шлюпка постепенно удаляются от корабля.

И почти мгновенно обстановка делается еще более грозной. Тысячепудовые ледяные глыбы обкладывают со всех сторон «Фоку», который и без того прикован к мели. Лавина льда подхватывает баркас с шлюпкой и уносит их, вместе с двенадцатью путешественниками, в неизвестном направлении. Наступает ночь на 20 сентября: шторм, напор льдов, снежная метель; одна часть команды унесена льдинами, а другая – без начальника – на «Фоке», который все еще на мели и которому приходится нелегко в ледяных объятиях.

Ночью Седов и все остальные, кто был с ним, возвратились на корабль. Пользуясь веслами и скамьями с баркаса в качестве мостков, они добрались по двигающимся льдинам до «Фоки». Все замерзли, измучились, голодны.

На рассвете Седов поднял всех на работу. За борт выбросили стальной трос. «Фока» стал на ледяной якорь. Если переменится ветер, льдины стащут корабль с мели. Но на одно это рассчитывать нельзя. Седов приказал дать машине полный задний ход. Корпус «Фоки» дрогнул, за кормой забурлила вода, но усилия эти были бесполезны.

Между тем промедление могло погубить корабль: льдины, которыми ветер заполнил пролив, сжимались вокруг «Фоки», и неизвестно было, где предел его выносливости.

Седов прибегнул к новому средству, он решился на жертву, чтобы облегчить судно, – велел выбросить за борт бревна и доски, предназначенные для зимовочных построек. Этого мало. Началась изнурительная перегрузка тяжестей из носового трюма на корму. Эта работа заняла почти весь день, но осталась безрезультатной. Наступил вечер. Работы прекратились. В кубрике и в кают-компани было мрачно. Ничего хорошего не принес прошедший день: «Фока» все так же на мели, вокруг него льды, они бьются о борт с жутким гулом, который слышен даже в каютах сквозь обшивку. А шлюпки, на которые можно было надеяться в случае катастрофы, где-то далеко, сохранившаяся же на судне – ветха и рассчитана только на восемь человек.

Буфет кают-компании Сидит Н. Кизино, буфетчик.

Спутники Седова – члены экспедиции – обсуждали до полуночи положение дел, которое представлялось им отчаянным. Когда Седов вошел в кают-компанию, доктор Кушаков спросил: где же предполагает он устроить зимовку, когда ясно, что на Землю Франца-Иосифа экспедиция не попадет и что он, Седов, думает о дальнейшем, если дома для зимовки погибли, а судно непригодно для жизни в нем во льдах... Седов ответил раздраженно:

– У нас есть палатки... Если придется, будем жить и в палатках. В случае, не доберемся до Земли Франца-Иосифа, – я пойду пешком на полюс отсюда... [\[46\]](#)

Ночью – сжатие льдин. Огромные глыбы ворочаются вокруг «Фоки», ползут на него, давят со всех сторон. Бревна, которые команда подвешивает у борта, со скрежетом и треском раздавливаются в щепы. Но «Фока» не поддается. Его старый корпус стойко выдерживает все удары. Ухо уже привыкло к монотонному скрипу, с которым лед трется о борт корабля, и даже к тому гулу, подобному взрывам, что время от времени прокатывается по всем внутренним помещениям судна.

Но с некоторых пор эти удары повторяются слишком часто. Кажется, что гигантский молот работает поблизости. Удары следуют через равные промежутки времени. С ужасом видят путешественники, что к «Фоке» подплыла ледяная скала, превосходящая своими размерами все другие,

стала у борта и, методически, плавно раскачиваясь, таранит корабль. Ее величина, а также и то, с какой легкостью она раздавливает тяжелые брусья подвесы. – все это слишком выразительно, чтобы люди на «Фоке» не подумали о грозящей им гибели.

А в четвертом часу ночи происходит необыкновенное чудо: «Фока», так крепко стоявший на мели, что никакими ухищрениями не удавалось его сдвинуть, вдруг плавно качнулся и пошел! Это сделала льдина, на которую все смотрели с ужасом, – она столкнула корабль с места.

Нежданная радость. Но теперь надо приниматься за новую работу. Нужно убрать якорь, подобрать тросы, заброшенные на лед, Нужно делать промеры глубины, чтобы снова не сесть на мель.

Команда валится с ног от усталости. Седов приказывает всем итти спать, даже вахтенным. Он приглашает членов экспедиции заменить матросов. «Фока» медленно отходит от рокового места, подвигаясь в сторону баркаса. На глубине пяти сажен бросают якорь. Но без команды тяжелого баркаса не поднять. Жизнь на корабле затихает до утра.

На следующий день, 21 сентября, доктор Кушаков устроил в кают-компании концерт граммофонных пластинок духовного содержания. Он заводил их одну за другой со строгим лицом – это целое богослужение по случаю двенадцатого праздника рождества богородицы. Члены экспедиции выходили из своих кают к завтраку и молча слушали музыку Кушакова. После завтрака Седов собрал команду и в шлюпке отправился выручать баркас. Но только он отплыл от судна, как снова в проливе началось скопление льда. Вместо того чтобы стаскивать баркас в воду, пришлось собственную шлюпку подымать на лед. Полыньи исчезали одна за другой, и вскоре между «Фокой» и баркасом остался только лед – неровный, местами рыхлый, а кое-где покрытый грядами торосов. По такому льду Седов с матросами возвращались на судно. Они толкали и тащили по льду свою шлюпку. Несколько человек – в их числе Седов – приняли сомнительной приятности ванну, провалившись под лед. На «Фоке» развели машину и двинулись навстречу команде Седова. Когда путники подымались на борт, уже наступил вечер.

На следующий день Седов оставил на судне только самых необходимых людей, а с остальными пошел к баркасу. Приглашены были и члены экспедиции. Судно еще утром удалось подвести к баркасу на расстояние полутора километров. Сейчас команда тащила тяжелые тросы, бревна и доски. Только в три часа, построив для баркаса специальные сани, зацепили его тросом, который другим концом был укреплен на судовой лебедке. Лебедка одна не справлялась с тяжестью, люди тащили за веревки

и подталкивали баркас плечом. Быстро наступила ночь. Работа была изнурительная и рискованная – местами приходилось скалывать нагромождения льда, а местами он сам подламывался под тяжестью, и в воду могли уйти и лодка и люди. Тросы то и дело рвались. Их надо было заново связывать, теряя время и силы. В темноте, исправив тросы и раскачав баркас, подавали сигналы фонарем – тогда начинала работать лебедка, и сани медленно подвигались к судну.

В два часа ночи оставалась лишь четверть того расстояния, которое отделяло «Фоку» от баркаса. Седов, исчерпавший все силы, охрипший, мокрый, посиневший от холода, ушел спать и приказал разбудить себя через три часа. С рассветом он должен был встать на мостик. «Фока» пойдет вперед. Не здесь же ему зимовать, – глубина у берегов слишком мала, чтобы подойти близко, – может и на берег выбросить. Лишь под утро баркас, а за ним и шлюпка доставлены были на борт.

Но за весь следующий день удалось пройти только 40 сажен. Пролив был, как погреб, набит льдом.

24 сентября в 4 часа утра Седов возобновил борьбу со льдами. Она была безрезультатна.

Он пытался пробиться 25 сентября, но так же безуспешно. Все эти дни свирепствовал шторм.

Только 26-го утром открылся канал чистой водой – льды разбило штормом и унесло в море. «Фока», наконец, поплыл. Многие надежды возрождались в эти часы, когда корабль экспедиции полным ходом, под парусами бежал по узкой полынье в сторону полуострова Панкратьева.

Но очень скоро пришел конец и полынье и надеждам, с ней связанным. Вечер застал «Фоку» на якоре в бухточке близ панкратьевского берега. Всю ночь падал снег, гудел сердитый ветер. Утром путешественники увидели высокий и обрывистый берег, окутанный пушистым снегом, из-под которого лишь кое где чернели скалистые выступы, увидели сплошную зимнюю равнину вокруг «Фоки» – старик был недвижим, и снасти его присыпало снегом, как сединой.

Зима. Ровно месяц назад экспедиция покинула Архангельск.

Миновал еще день, и Седов объявил в кают-компании:

– Здесь экспедиция будет зимовать.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

НЕ НА ЮГ, А НА СЕВЕР

I

Мыс Желания надо подвинуть приблизительно на семь верст к югу и на две версты к востоку, – теперь уже не его, а мыс Карлсена следует считать самой северной оконечностью Новой Земли. Почти на двенадцать верст к югу надо переместить мыс Большой Ледяной. Новое место займет и мыс Утешения – он отойдет к западу на две с половиной версты и к югу на три с половиной. Мыса Литке вообще не будет – теперь это уже не мыс, а остров, и находится ему надлежит на десять верст восточнее и на одну версту севернее пункта, где до сих пор был обозначен мыс. Наконец, мыс Обсерватория: его истинное место на семь верст севернее и на девять с половиной верст восточнее... [\[47\]](#)

Таковы в грубых чертах изменения, нанесенные Седовым на карту в результате его санного похода вокруг северо-западной оконечности Новой Земли.

Потерпев тяжкое поражение на пути к Земле Франца Иосифа и, будучи вынужденным зимовать, вопреки первоначальным планам, на северо-западном берегу Новой Земли, на несколько градусов южнее пункта, намеченного для старта полюсной партии, – Седов объявил в одном из своих приказов, что «нет худа без добра», и немедленно приступил к планомерной и энергичной исследовательской работе. Он помнил о конечной цели своей экспедиции и в начале зимы как-то высказал мысль о возможности пешего похода на полюс непосредственно с Новой Земли. Практически такую задачу он перед собой, конечно, и не ставил, однако сознавал, что вынужденная зимовка означает потерю не только времени, но и ресурсов – физических и моральных, продовольственных запасов, снаряжения и собак. Это волновало его, и он невольно искал возможных способов избежать задержки на Новой Земле. Итти без промедления на север – это очень соблазнительное, но, несомненно, бессмысленное предприятие. Он очень скоро освободился от этой промелькнувшей в сознании мечты и приступил к осуществлению целей, лежавших в пределах практической досягаемости.

Установив с точностью до нескольких секунд астрономическое положение бухты Святого Фоки, произведя в первые же дни зимовки мензурную съемку^[17] окрестных берегов, Седов убедился, что существующие карты этой части Новой Земли грубо ошибочны. «Фока» стоял у самого берега, а по картам выходило, что он в открытом море. Нужно было выяснить, насколько действительные очертания берегов не сходятся с картой. Для этого уже 17 октября 1912 года Визе, Павлов и матрос Шестаков отправились в первый санный поход – к полуострову Адмиралтейства.

Седов издал по этому поводу приказ и снабдил начальника партии Визе подробной инструкцией. «Сегодня партия географа Визе, – писал он, – отправляется в отдельную экспедицию к полуострову Адмиралтейства в составе геолога Павлова и матроса Шестакова. Это первая наша серьезная и далекая экскурсия, связанная с большими трудами и лишениями... Пожелаем счастливого пути и скорого благополучного возвращения дорогим товарищам и отважным путешественникам. Уверены видеть их здоровыми, бодрыми и с успехом дела...»

Метеорологическая станция в бухте Святого Фоки.

В инструкции Седов излагал во всех подробностях задачи похода, перечислял, какое снаряжение и продовольствие должно быть взято, указывал количество упряжных собак, намечал места, в которых следовало сделать астрономические пункты, где начать опись. «В случае, если вам не полагается погода и из-за этого затормозится работа, то не огорчайтесь этим обстоятельством и скорее возвращайтесь обратно домой, хотя бы программа и не была выполнена. Позднее время и суровые зимние погоды послужат оправданием ваших действий... Забота о личном здоровье и о здоровье ваших спутников составляет один из главнейших пунктов программы путешествия» ^[48].

Такие и еще более подробные инструкции вручал он и впоследствии всем участникам экспедиции, когда они покидали базу.

Экскурсия Визе к полуострову Адмиралтейства не была удачной. Дорога в это время года оказалась непроходимой.

Наступила полярная ночь. Еще никто после Баренца не зимовал так далеко на севере Новой Земли. Седов со своими спутниками наметил план исследовательских работ, который мог быть осуществлен только весной. В зимнем сумраке нельзя предпринимать далеких путешествий на собаках.

Обширная программа открывала перед экспедицией заманчивую перспективу осветить темные места в существующих представлениях о Новой Земле, добыть точные научные сведения о таких районах, которые никогда никем не посещались, а также исправить ошибки славных предшественников Седова – Литке, Пахтусова и других.

В декабре Седов решился на опасное предприятие. Ему не сиделось на месте, он нетерпеливо искал случая действовать. Ждать весны было долго. Предвидя, что во время похода к мысу Желания много времени придется затратить на определение астрономических пунктов, он решил сделать предварительную экскурсию к мысу Литке и установить его точное положение, чтобы весной от этого пункта сразу же начать хронометрический рейс.

Седова сопровождали Григорий Линник и Иоганн Томиссар. В первый же день путники ощутили все приятные свойства зимнего похода. Началась метель, ветер валил с ног, залеплял лицо снегом. С трудом поставили палатку, легли выжидать. Только в полдень следующего дня ветер стих. Собрали нарты, двинулись дальше. Шли весь вечер и ночь при лунном свете. Удалось пройти около 25 верст. Лагерь разбили близ оконечности какого-то мыса, который приняли сначала за мыс Литке. Отдохнув, убедились в своей ошибке и только через три часа пришли к цели похода. Ночь была звездная, видимость на редкость хорошая; поэтому, не откладывая, сейчас же соорудили знак, и Седов произвел астрономические определения. Только тогда занялись палаткой, согрели; на примусе обед и легли спать. Собаки, как всегда, устроились возле палатки, с подветренной стороны. Они спали, зарывшись в снег, друг на друге. Только Варнак – умный пес с длинной золотистой шерстью – приобрел себе привилегию спать в палатке. За это он платил людям собственным теплом – лежа он согревал им ноги. Варнак, пожалуй, лучшая собака в своре. Никто усердней его не тянул нарты. Ленивых собак ставили в упряжке рядом с ним – он их воспитывал собственными клыками. В частых драках он принимал своеобразное участие. Когда две собаки грызлись, он сидел в стороне с

видом полного равнодушия. Но стоило одной какой-нибудь одержать в драке победу, как Варнак стремглав налетал на нее, сбивал ее с ног и начинал трепать. Тогда вся свора устремлялась на лежащую, но в дальнейшей расправе Варнак уже не принимал участия – он отходил в сторону и снова был как будто равнодушен.

Седов проснулся от неистового лая, который подняли собаки. Пришлось встать. Погода переменилась – бешено ревели снежная вьюга. Трудно было разглядеть, что происходит в десяти шагах от палатки, в темноте, откуда доносился визг и лай собак. Ружье было только у Седова, у Линника – нож, у Томиссара – топор. Матросы не отступали от начальника. Седов приблизился и разглядел огромного медведя, вступившего в драку с собаками. Седов выстрелил. Медведь зарычал, повалился, но снова встал и побежал. Седов, Линник и Томиссар помчались за ним. Разъяренные собаки вскоре окружили медведя, заставили его остановиться. Седов опять выстрелил. Зверь упал, собаки бросились его рвать. Но в медведе еще была жизнь. Он поднялся, стряхнул собак и заковылял дальше. Только третьей пулей он был убит. Тогда путешественники притащили нарты, впрягли, в них собак и поволокли тушу медведя к палатке.

Седов намеревался пройти еще дальше к северу. Поэтому, разделав медведя, задние окорока погрузили на нарты, а все остальное спрятали в снежную избушку, которую тут же и соорудили.

Надеясь на свет луны, вечером тронулись в путь. Но очень скоро разразилась буря невиданной силы. Не решаясь в темноте выбрать новое место для палатки, вернулись назад, к старому лагерю. Палатку рвало ветром, невыносимый холод заставлял Седова и матросов прижиматься друг к другу. Нескольких собак пустили в палатку – они мерзли, их визг вызывал жалость. В такую погоду лучше всего спать. Но судьба судила иначе.

Казалось, что все медведи Новой Земли собрались сюда на какой-то свой праздник. Только Седов заснул, собаки начали лаять. Выскочив с ружьем, Седов не мог решить, в какую сторону идти, – он был окружен непроницаемым мраком. Даже по слуху нельзя было определить, откуда доносится визг собак, – все перемешалось в завываниях метели. Выручил Варнак. Поняв, что темнота мешает людям разглядеть медведя, он стал им указывать дорогу, двигаясь впереди и подавая сигналы призывным лаем. Медведь оказался возле снежной избушки, к которой, должно быть, его привлек запах спрятанного мяса. Седов увидел рядом с избушкой другой, более крупный холм. И когда эта гора зашевелилась, Седов выстрелил. Медведь, рыча, свалился. Повторилась обычная история. Собаки ринулись

на раненого, он вскочил, побежал. Началось преследование во мраке. Седов шел на лай собак. Так он оказался вплотную перед самым зверем. Медведь двинулся на Седова. Спасли собаки – они вцепились ему в бока, а Варнак, по обыкновению своему, вскочил медведю на спину. Седов еще раз выстрелил, но опять только ранил зверя – тот умчался, собаки его задержать не смогли.

Участники экспедиции Седова на охоте.

Через час, когда путешественники только улеглись, поправив снежную избушку, испорченную косолапым гостем, – явился третий медведь. И он был ранен, но ушел в полынью.

Четвертый прибыл сразу после третьего. Надоело, решили не преследовать. Всю ночь не заснули Седов, Томиссар и Линник. Выла пурга, собаки то и дело заливались яростным лаем. У путешественников зуб на зуб не попадал от мороза.

Утром Седов поднял товарищей, велел собирать упряжку. Вьюга не унималась, и не было надежды, что погода скоро улучшится. Ждать, однако, не имело смысла – луна была на ущербе.

Возвращение на «Фоку» было тяжелым. Шли необычайно долго – трое с половиной суток. Быстрее идти мешал ветер, да и свет луны делался с каждым днем все более скудным. В последние часы пришлось особенно туго – вышел керосин, нечем было обогреться и не на чем сварить мясо. Питались сухарями, заедая их снегом [\[49\]](#).

По случаю возвращения Седова в кают-компания был сервирован праздничный ужин. Седов, против обыкновения, выпил три рюмки водки и опьянел с непривычки. Он рассказывал увлекательную для всякого охотника, – а в кают-компания страстными охотниками были все, – историю «медвежьей ночи». Даже о мучительном обратном переходе с мыса Литке можно рассказывать весело, когда сидишь в чистой рубахе с открытым воротом, в теплой, уютной кают-компания, близ жарко

натопленной печки, перед столом с вкусной едой, освещенным мягким светом большой керосиновой лампы.

Но все же санные экспедиции возобновились после попытки Седова только весной.

18 марта 1913 года Визе и Павлов отправились в глубь Новой Земли, на разведку ледяного покрова, а Седов с Пинегиным сделали шестидневный поход на Южно-Крестовые острова, лежащие к западу от бухты Святого Фоки.

В 1594 году корабли Виллема Баренца, идя вдоль западного берега Новой Земли на север, миновали под 76° северной широты остров, на котором голландские моряки увидели два креста – знаки, поставленные теми, кто плывал в этих водах задолго до Баренца. От этих русских крестов произошло и название острова – по-голландски *Het Eyland mette Cruysen*, по-русски – Крестовый.

Почти через двести пятьдесят лет русский исследователь, корпуса флотских штурманов поручик Пахтусов в этих местах производил гидрографическую съемку. И он нашел на одном острове из группы Крестовых следы древних русских путешественников – могилу и два опрокинутых карбаса.

В 1872 году возле Крестовых островов льды зажали судно норвежского промышленника Тобиссена. Команда направилась в шлюпках на юг – искать спасения, а на корабле остался сам Тобиссен, его сын и два матроса. Тобиссен до последних дней жизни не прекращал метеорологических наблюдений. Он умер от цынги весной 1873 года, летом скончался его сын. Матросов спасли русские промышленники.

Тобиссен дал науке первые систематические сведения о климате северо-западной части Новой Земли. Только метеостанция Седова в бухте Святого Фоки через 40 лет продолжила и значительно приумножила работу Тобиссена.

Дерзкие предприятия русских мореходов, пускавшихся пять столетий назад на своих карбасах и ладьях в плавания к ледяным берегам Новой Земли и Груманта, три путешествия отважного Баренца «к царствам Китайскому и Синскому», подвиги скромного Пахтусова, труд упорного Тобиссена. Обо всем этом не раз вспоминал Седов, бродя с компасом и неизменной записной книжкой по берегам Крестовых островов. Пустынные острова были густо населены предметами, вызывавшими мысли о прошлом, о безыменных и знаменитых предшественниках. Здесь находили Седов и Пинегин полусгнившие доски, и бревна от построек, и куски ржавого железа, могилы и кресты.

Вернувшись на «Фоку», Седов начал усиленно готовить свой собственный поход к мысу Желания и экспедицию Визе и Павлова на Карский берег Новой Земли.

Время бежало быстро, заполненное заботами о снаряжении трех партий, о составлении упряжек, подсчетом, взвешиванием и упаковкой продовольствия, топлива, одежды.

30 марта 1913 года вышли Визе и Павлов. 1 апреля отправился Седов с матросом Андреем Инютиным. Никто до него не делал маршрутной съемки этих берегов, а самой достоверной считались карта Виллема Баренца. Седов прошел с матросом Андреем Инютиным 700 верст – от бухты Святого Фоки на северо-запад к мысу Желания, и оттуда на юг по Карской стороне до Флиссингергоф, а затем – обратно. В двух местах он видел древние русские кресты, поставленные неизвестно кем, когда и с какой целью. Может быть, это были следы Саввы Лошкина, может быть, могилы, а еще вернее – маяки, сооруженные отважными мореплавателями в незапамятные времена.

В кают-компании. Слева направо: Кушаков, Зандер, Седов, Сахаров, Визе, Пинегин, Павлов.

Ему пришлось карабкаться на ледники, в расщелине одного из них погибла упряжная собака Черный Медведь. Но еще опаснее было движение по береговому припаю, у подножья ледников. Однажды за спиной путников рухнула ледяная гора. Там, где только что прошли их нарты, теперь бурлило море, и огромные глыбы, свалившиеся с ледника, с плеском подымались на поверхность кипящей воды.

Молодой прибрежный лед трескался и колебался под тяжестью нарты. Один раз он провалился – нарты, упряжка, а затем и оба путешественника оказались в воде. Был двенадцатиградусный мороз, дул ветер со снегом.

Едва лишь Седов или Инютин выбирались из воды, как лед снова проваливался под ними. Несколько раз Седов дотягивался до нарт, на верхушке которых были привязаны хронометры, – он хотел снять их и спасти во что бы то ни стало в первую очередь. Но нарты погружались в воду все глубже. Это продолжалось больше часа. И люди, и собаки изнемогали. Инютин вовсе обессилел и уже не мог карабкаться на лед. Повезло – подвернулась крепкая льдина. Седов выполз на нее, потом помог выбраться Инютину. Вслед затем и собаки с воем вытянули нарты. Все промокло – сухари, снаряжение, одежда. К счастью, остались сухими драгоценные хронометры.

Возвращение с мыса Желания. Слева: Инютин; справа: Седов.

На обратном пути продовольствие, взятое с базы, окончилось. Не стало и керосина. Нечем было кормить собак. Жизнь шутников спасли медведи – охота приносила и еду и топливо.

Седов и Инютин вернулись 27 мая.

Седов обморозил руки и лицо и похудел в этом походе на тридцать шесть фунтов.

Приближалось арктическое, лето. Время санных экспедиций прошло. Вскоре Седов написал приказ о результатах зимней и весенней исследовательской работы, проделанной участниками экспедиции – самим начальником, географом Визе, который совершил поход поперек северного острова Новой Земли, геологом Павловым и Пинегиным. «Подвести итог произведенной нами работе тем более приятно, – писал Седов, – что в ней сделаны некоторые открытия несогласия с существующими картами, и нам, участникам первой русской экспедиции к Северному полюсу, таким образом, достался счастливый жребий – внести исправления в существующую веками неверную карту Новой Земли...» ^{50}

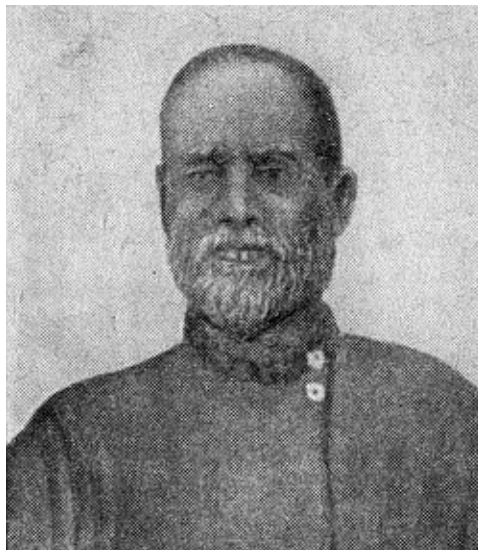
Пересечение Новой Земли под 76° северной широты, произведенное

Визе и Павловым в сопровождении матросов Линника и Коноплева, дало обширный научный материал и первые достоверные сведения о внутренней части острова. На Карской стороне Визе сделал карту части морского берега.

Так была использована вынужденная зимовка на Новой Земле. Если бы экспедиция Седова снаряжалась с исключительной целью исследования северного острова Новой Земли, – она не могла бы сделать больше для науки, чем было сделано ею за одиннадцать месяцев ледяного плена.

II

В ночь на 2 сентября в районе островов Панкратьева дул свежий ветер с вест-зюйд-веста, шел дождь, и льдины, одиннадцать месяцев сковывавшие «Фоку», пришли в движение, распались на тысячи кусков. 3 сентября лед превратился в кашу. «Фока» освободился от тисков без помощи людей, которые, по приказу Седова, две недели безуспешно и изнурительно работали, пытаясь раздробить пешнями^[18] и распилить ледяные поля. В кают-компани откровенно высказывали скептическое отношение к этим попыткам высвободить «Фоку». Называли работу на льду напрасной тратой сил. Лед толщиной в два с половиной метра не легко поддавался пиле и лому. Это бессмысленно, говорили в кают-компани, надеяться прорубить канал для «Фоки».

Седов по возвращении из экспедиции на мыс Желания.

Сидеть ли и ждать благоприятного ветра, который может и не скоро явиться, или же вступить в борьбу с очень небольшими шансами на успех, делать попытки, почти безнадежные?

Если положение кажется безвыходным, – складывай руки. Вот принцип, представлявшийся благоразумным.

Если положение кажется безвыходным, – действуй: таково было основание многих поступков Седова.

Теперь, когда льды, державшие «Фоку» в тисках почти год, разбило штормом и когда, таким образом, экспедиция вновь получила возможность двигаться на корабле, – Седов считал абсолютно бесспорной необходимость плыть к Земле Франца-Иосифа по давно намеченному маршруту, чтобы осуществить главную цель экспедиции.

Но в этом своем убеждении Седов был одинок. Никто из членов экспедиции не разделял его стремлений.

«Фока», покинув место своего пленения, направился на запад. Затем он своротил на север и поплыл к Земле Франца-Иосифа, курсом на мыс Флора. Лед, как и в прошлом году, препятствовал плаванию. Снова Седов дни и ночи нес вахту. С бочки, подвешенной к грот-мачте, он рассматривал сложный и затуманенный рисунок ледяного моря, испещренного бледными полосами и пятнами проталин. Снова он терпеливо и настойчиво направлял удары своего верного «Фоки» на ледяные барьеры. Казалось, что целая вечность прошла с того времени, когда он впервые приказал поднять на этом корабле флаг экспедиции к полюсу. Сколько надежд и как много разочарований! Он считал переход к Земле Франца-Иосифа на дни, но вот прошел год, и перед ним то же препятствие, что и в самом начале борьбы, и много ли прибавилось шансов на успех в сравнении с первым рейсом? Нет, пожалуй, теперь надежд еще меньше.

Увеличились, по сравнению с прошлогодним рейсом, только опасности. Топливо на «Фоке» иссякало. Немногим более ста пудов угля, – это все, с чем он покинул зимовку.

Но если в трюме нет угля, итти во льды достаточно рискованно. Зажмет посреди моря и понесет ледяным дрейфом чорт знает куда! Под парусами из льдов не выскочишь. А дрейфовать во льдах не то же, что зимовать у берега. Каков еще окажется в дрейфе старик «Фока»?

Время за полночь. Седов на мостике. Ровным, глухим голосом подает он команды рулевому и в машину. «Фока» едва подвигается по назначенному курсу. Туман, ни зги не видно. Только скрежет и хруст ломаемых льдин и плачевное скрипение корпуса. Подходит Кизино, буфетчик.

- Георгий Яковлевич! – зовет он жалобным голосом.
- Что скажете? – спрашивает Седов не оборачиваясь.
- Пошли бы в кают-компанию, чаю выпили б, что ли...
- Ладно, – отвечает Седов.

Он стоит еще несколько минут, навалившись на перильца, потом посылает Кизино за штурманом.

– Давно бы так, нельзя же – три дня почти не спавши... – укоризненно басит штурман, усатый архангельский «трескоед» из поморов.

В кают-компанию Седову идти тяжело. Неизбежное объяснение ему неприятно. Но без этого нельзя обойтись.

В салоне все в сборе. Он садится к столу, снимает шапку, бросает ее вместе с рукавицами на колено печной трубы, греет влажные руки у печки. Кизино подает чай. Он пьет не торопясь. Он ждет, и все знают, что он ждет, и поэтому смущены. Видит и он их смущение, но молчит.

Ага, вот оно!

– Георгий Яковлевич, офицерский состав обсудил положение... Здесь, в вахтенном журнале, мы записали...

Он берет журнал, начинает читать. «Что-то очень уж длинно и рассудительно», думает он про себя. Перевернув страницу, едва сдерживает улыбку: подписи проставлены по старшинству лет, чтобы, не дай бог, никого не заподозрили в зачине...

«Офицерский состав экспедиции покорнейше просит Вас, – читает Седов. – сообщить ему о Ваших дальнейших планах касательно следования экспедиции на Cape Flora,^[19] а именно: имеются ли какие-нибудь данные или расчеты, что судно дойдет до Земли Франца-Иосифа; если нет, то предполагаете ли Вы, покинув судно, дойти пешком или местами водой до этой земли и перезимовать там? В последнем случае, офицерский состав просит разъяснить, на какой запас теплой одежды экспедиция может рассчитывать, а также на какой запас провианта она может рассчитывать во время зимовки на Земле Франца-Иосифа?»

Он читает дальше:

«Со своей стороны, офицерский состав экспедиции позволяет себе выразить следующее единогласное мнение: экспедиция в данное время располагает топливом в лучшем случае на двое суток хода судна, если будет сожжено все, что можно... Офицерский состав экспедиции считает достижение Земли Франца-Иосифа этим рейсом судна очень мало вероятным. Судно, вернее всего, будет затерто льдами... Лишь меньшая часть экспедиции снабжена подходящей теплой одеждой... удачный исход зимовки является очень сомнительным, так как охотой может пропитаться

З человека, но не 17... Тем паче, должна отпасть всякая мысль о прямой цели экспедиции: достижении Северного полюса...»

И, наконец, вот чего они хотят: «взять курс на зюйд и, выйдя из льдов, перезимовать где-нибудь в арктической стране, сделать ряд научных работ, а в следующем году, подновив запас провианта, угля и снаряжения, направиться снова на Землю Франца-Иосифа и далее...»

Он отодвигает книгу, стакан. Молча встает, берет с печки подсохшие рукавицы и шапку, выходит из кают-компания.

«Фока» снова застрял. Льды не пускают его на север.

На палубе стоит кучка матросов, вышедших покурить. Седов подходит к ним.

– Плохо, ребята? – спрашивает он.

Матросы деликатно зажимают папиросы в кулаках.

– Выходит, назад поворачивать надо? – допытывается Седов.

Матросы молчат.

– Домой? – еще раз спрашивает он.

– Зачем же домой, Георгий Яковлевич, – говорит один.

– Пока судно на плаву, можно биться...

– А если раздавит?

– Тогда уж – в шлюпки и в Архангельск...

– То-то, – весело говорит Седов [{51}](#).

Ночью он записывает в дневник: «Сегодня офицеры мне поднесли хороший подарок: заявили через вахтенного начальника, чтобы вернуться обратно».

Он задумывается, пожимает плечами и последние два слова подчеркивает. Потом дописывает: «Меня это сперва очень удивило, а потом и огорчило, именно то, что пришлось им отказать в этом...» [{52}](#)

Его огорчает разлад в экспедиционном составе. Напрасно он рассердился, но с этим ничего не поделаешь: поступить так, как хочется им, повернуть на юг, когда еще не исчерпаны все возможности, когда есть еще и корабль, и продовольствие, и здоровье! Нет, сделать это он не в силах. Может быть, благоразумно даже – отступить. Один год потерян уже на Новой Земле. Согласиться на вторую такую же зимовку, отложить еще на год исполнение главной задачи. А дальше что? Удастся ли возобновить экспедицию?.. Они говорят: пополнить запасы! Может ли он надеяться на это? Нет, конечно. Отступить – значит отказаться навсегда от своей цели, от самого себя... А вот они, спутники, по-своему правы. Они могут вернуться в Петербург хоть сегодня – никто не обвинит их ни в трусости, ни в обмане.

Полюс обещал открыть он один.

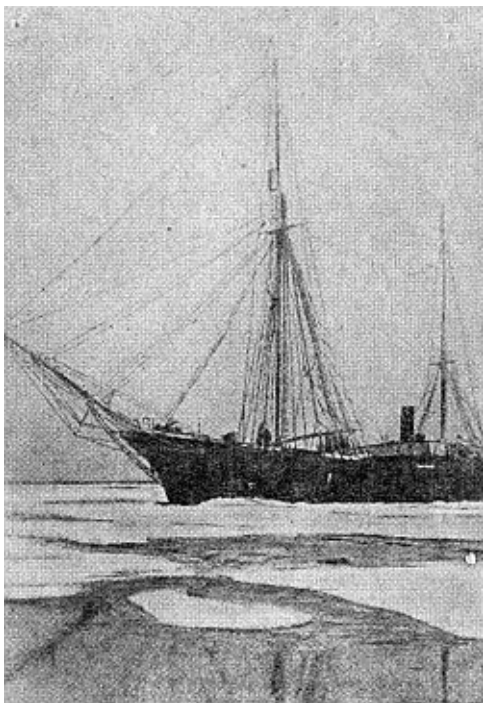
Поэтому он пойдет дальше на север.

Угля мало, но можно жечь в топке бревна, из которых была построена баня, и доски, и полуистлевшие бунты веревок, и старые ящики, и сало тюленей, и, в крайнем случае, кое-какие переборки самого судна...

Продовольствия мало, а главное – оно почти наполовину не годится для еды, потому что архангельские поставщики подсунули тухлую солонину, порченую треску и варенье, справедливо названное матросами «карбасной замазкой», – столько в нем глицерина... Но можно прожить и с тем, что есть, если энергично промыслить медведя, тюленя и птицу, которая не преминет явиться весной...

Плохо с теплой одеждой – при необходимости экономить каждый рубль экспедиция закупила полярное обмундирование только для четырнадцати человек, с расчетом на один год...

И совсем дурно дело обстоит с собаками. Управляющий губернаторской канцелярией – просто жулик. Где он собрал этих собак, которых продал экспедиции, неизвестно, – может быть, по дворам и пустырям Архангельска. Собаки никуда не годятся – в упряжке ходить не умеют, холода не переносят. Другое дело те тридцать собак, что были доставлены из Восточной Сибири, – это великолепные лайки, умные, выносливые, способные перенести испытания любого похода. Часть дворняжек пришлось теревить за полной непригодностью, другая часть сама передохла, а десятка два из них еще живут – вперемежку с лайками они с грехом пополам тянут нарты.

«Святой Фока» во льдах.

На «Фоке» сейчас осталось семнадцать человек [\[53\]](#). Было, когда выходили из Архангельска, двадцать семь. Первую партию бесполезных для экспедиции людей Седов ссадил еще в прошлом году в губе Крестовой, вторую отправил недавно под начальством капитана Захарова. Капитан получил приказ спешить в Крестовую губу, чтобы попасть на первый пароход, который должен прибыть из Архангельска. Это нужно было, чтобы поторопить присылку вспомогательного судна с углем. Седов написал комитету: «Повторяю просьбу прислать судно на Землю Франца-Иосифа с углем (5000 пудов)...» [\[54\]](#). Но Захаров, по свойственной ему нерадивости, к первому пароходу опоздал и, следовательно, прибудет в Архангельск слишком поздно, – если уголь до сих пор не прислали, то уже и не успеют послать, так как льды помешают.

Все это он должен принять во внимание, потому что только он один отвечает и за судно и за жизнь людей. Не слишком ли велик риск?

Ночь. «Фока» стоит во льдах недвижимо. Седов – в своей маленькой каюте, в которой едва уместаются койка и столик. Ему следовало бы спать. С рассветом он подыметесь на мостик. На корабле ждут его решения. Он ничего не обещал, но люди надеются, что он все-таки повернет на юг. Седову не спится.

Жизнь на «Фоке» сложилась не так, как следовало бы. Уходя из Архангельска, он отдал приказ об установлении воинской дисциплины. В

соответствии с этим появился термин – офицерский состав. На этом основании Кушаков требует соблюдения всех правил субординации. Матросы его ненавидят. Он очень груб и неуживчив. Пользуясь положением заведующего хозяйством, он вмешивается во всю жизнь кубрика и кают-компании, раздражает матросов мелкими придирадками и ссорится с другими членами экспедиции. Неудержимо активен и очень в этом смысле отличается от других участников экспедиции, которые предпочитают заниматься только лишь своими специальными делами – метеорологией, геологией, фотографией. Ветеринар по образованию, невежда во всех других областях знания и черносотенец по политическим убеждениям. Чорт его знает, зачем он напросился в экспедицию, – должно быть, рассчитывает на награды и славу. Положением врача его честолюбие не удовлетворяется. В нем более шести пудов веса, он очень вынослив, и энергии в нем на троих. Он злой, мелочный и завистливый человек, поэтому его неутомимая деятельность вызывает в людях только раздражение и в конце концов приносит вред. Почему-то все приказы Седова читает матросам Кушаков. Вероятно, это способ внушить команде взгляд на себя, как на помощника начальника экспедиции.

Но самое худшее то, что он каждый раз ставит Седова в тяжелое положение, докладывая о своих стычках и требуя официального вмешательства. По существу, это шантаж. «Вот ваш приказ, вот морской устав, – говорит он, – действуйте, а иначе выходит, что вы сами, господин начальник, расстраиваете дисциплину» [\[55\]](#). В десяти случаях удается замять дело, но в одиннадцатом приходится все-таки вмешиваться. Отстранить его от должности нельзя, потому что заменить некем.

В то утро, когда Седов должен был отправиться в поход к мысу Желания, в кают-компании происходил прощальный завтрак. Седов счел естественным вызвать из кубрика и пригласить к столу матроса Инютина – своего верного спутника, Кушаков воспринял присутствие матроса в кают компании, как оскорбление, демонстративно встал из-за стола и удалился [\[56\]](#).

В юмористическом журнале «Кают-компания» время от времени появлялись стихи, двусмысленного характера объявления, шуточные загадки и карикатуры. Это помогало не скучать в длинные зимние вечера. Но однажды художник Пинегин, выведенный из себя многочисленными придирадками Кушакова, изобразил его в журнале глядящим в перевернутый секстант на небо, по которому были разбросаны в виде звезд ордена и медали; даже на ущербной луне было написано: «За усердие». Карикатура,

намекавшая на всем известные качества Кушакова – невежество и тщеславие, привела доктора в бешенство. Через два часа Кушаков вышел из своей каюты с видом славно поработавшего человека. Торжественно возложив журнал на общий стол, он стал ждать знаков одобрения. Седов прочитал грубую галиматью, сочиненную Кушаковым, а потом вырвал из журнала листы с произведениями обоих авторов и бросил все в печь.

К счастью, такие столкновения Седову до сих пор удавалось прекращать в самом начале. Он заботился о том, чтобы среди членов кают-компании сохранялись мир и дружба. Его влияние сдерживало даже Кушакова.

Беседуя в зимние вечера о покинутой родине или празднуя чье-нибудь возвращение из санного похода, путешественники забывали о тяготах зимовки. Славно веселились 19 декабря – в морской праздник. Те, кто в первый раз переплыл Полярный круг, получали «крещение» от самого «морского царя», которого играл Линник. И 9 февраля – в честь впервые появившегося солнца – было шумное празднование. Один из «поэтов» с «Фоки» сочинил большую поэму; в ней перечислялись болезни, которыми грозила долгая зима, и было сказано:

...Но лук, чеснок и кислый квас
От сих гостей хранили нас.
Минула ночь, и все ликует,
Горит зарница за горой,
А там, за ней, там царь кочует,

Спеша на пир наш дорогой.
Привет тебе, святое солнце,
Спеши же к нам, скорей иди,
Взгляни к нам в темное оконце
И к новой жизни пробуди.

Взошла желанная заря,
Быть пиру, значит, тут должно,
Все ждали праздника давно,
В бокалах пенится вино,
Ура!.. Нам счастье суждено!

Однажды напомнил о себе путешественникам судовладелец Дикин.

Вот как Седов написал по этому поводу в приказе: «...в освободившемся от груза фор-трюме, в обеих сторонах его баргоута,^[20] под второй палубой, значительно ниже ватер-линии обнаружены механиком Иваном Зандером и врачом Павлом Кушаковым совершенно неожиданные и небезопасные для плавания вырезы борта вместе с шпангоутами вплоть до наружной обшивки. Таких вырезов обнаружено три: один по правому борту, другой по левому и третий в левом канатном ящике.

Происхождение этих вырезов остается весьма загадочным и совершенно непонятным?!

Посему назначаю комиссию для подробного осмотра этих вырезов и выяснения, насколько представится возможным, причины их происхождения...»^[57]

Дыры были обмерены и сфотографированы. Одна была шириной в 12 дюймов и длиной в 2 фута 4 дюйма. Остальные приблизительно таких же размеров. Глубина всех дыр – 1 фут 2 дюйма. По следам топора и пилы можно было вывести заключение, что эти дыры сделаны незадолго перед отплытием «Фоки». Должно быть, это была работа негодяя Дикина. Возможно, он рассчитывал на получение страховки, пусть даже ценой гибели экипажа и участников экспедиции. Достаточно было бы одного крепкого удара по обшивке, чтобы дыры открылись и «Фока» погиб. Понятно стало, почему Дикин увильнул от участия в рейсе. Когда на «Фоке» обсуждали этот случай и удивлялись счастливой случайности, уберегшей корабль от гибели, – Седов вспомнил Черное море и владельца парохода «Султан».

III

«Фока» шел на север. Седов неуклонно вел его прямо на мыс Флора. Попадались чистая вода, встречался молодой, блинчатый лед, иногда путь преграждали матерые, толстые ледяные поля. Все равно курс норд, потому что слишком мало на корабле пригодного для сожжения в топках, чтобы позволить себе роскошь лавирования и поисков.

В кают-компании господствовало мрачное настроение. Седов не внял доводам рассудка, не послушался благоразумных советов. Куда он ведет корабль? Он думает только о себе, о своей безумной цели. Это ли не эгоизм?

Поздно вечером 13 сентября «Фока» бросил два якоря в виду мыса

Флора. Здесь ожидало Седова решение тревожного вопроса: был ли послан вспомогательный пароход с углем? Ночью «Фоку» трепал шторм, к утру он стих, и тогда чуть ли не все население «Фоки» отправилось на берег.

Мыс Флора на острове Нордбрук – о скольких славных делах и печальных событиях напоминает он путешественнику! Здесь стоит изба Джексона, в которой он приютил Нансена, когда великий норвежец в 1896 году возвращался пешком из своего неудавшегося похода на полюс. В феврале 1895 года вдвоем с Иогансеном он покинул «Фрам», дрейфовавший во льдах, и двинулся к полюсу. Пройдя некоторое расстояние, полярники вынуждены были повернуть назад. После неимоверно тяжелого перехода они достигли Земли Франца-Иосифа. Здесь, на одном из северных островов архипелага, Нансен и Иогансен построили себе хижину из камней. Моржовый клык был использован в качестве кирки, плечевая кость моржа – как лопата, а металлический полоз служил чем-то вроде рычага для выворачивания тяжелых камней. На крышу хижины пошла моржовая шкура. Нансен и Иогансен провели зиму в этом доме. Продовольственных запасов у них не было, но зато имелись ружье и патроны.

Весной они двинулись дальше к югу. На острове Нордбрук Нансен услышал лай собаки и подумал, что это галлюцинация. Через несколько минут показался человек, он махал шляпой, – можно было не сомневаться в реальности такого жеста. Это был Джексон. Встреча с человеком у восьмидесятой параллели, на крохотном островке, затеряншемся среди пустынного океана, – это было счастье, пришедшее в награду за многие подвиги.

Здесь, на мысе Флора, – могила матроса Мюатта и недалеко от нее – памятник трем итальянцам, которые составляли вспомогательную партию во время похода Каньи.

Здесь жили участники экспедиций Ли-Смита, Уэльмана, Болдуина и Фиала.

И, наконец, стоит здесь избушка, поставленная Макаровым, а также знак с надписью: «Ермак passed here. 1901».^[21]

В 1901 году «Ермак» совершал второе свое плавание в Арктике. Оно было так же мало успешно, как и первое. Ледокол не сумел сразу же завоевать признание своей пригодности для полярных экспедиций. Враги Макарова торжествовали. И все же «Ермак» был первым русским судном, посетившим Землю Франца-Иосифа, и маленькая хижина на мысе Флора, среди реликвий американского, английского, норвежского и итальянского происхождения, напоминает о могучей воле русского мореплавателя

Макарова.

Славный мыс Флора будит в Седове мысли о судьбе путешественников, страдающих порой под ударами стихий меньше, чем от равнодушия и враждебности людей, которым принадлежит власть и деньги. У него был основательный повод для таких горьких размышлений: уголь для «Фоки» на мысе Флора отсутствовал – обещанный комитетом пароход не заходил сюда.

17 сентября, погрузив на палубу туши убитых на мысе моржей – пищу для топок, корабль экспедиции тронулся дальше на север. Прощаясь с мысом Флора, Седов приказал команде выстроиться на палубе.

– Приспустить кормовой! – скомандовал он.

Флаг медленно опустился. Маленькая пушка «Фоки» выстрелила два раза. Все обнажили головы. Мыс Флора с памятником погибших полярников остался за кормой.

Для Седова эти минуты полны были волнующего значения. После года мытарств он достиг этих островов, о которых мечтал десять лет. Были трудны петербургские льды – он преодолел их. Казалось невозможным плыть к Земле Франца-Иосифа без топлива – он поплыл, и невозможное свершилось. Теперь ему хотелось верить в исполнимость того, что стало единственной целью его жизни. Предстоял решающий штурм. Помощи ждать было больше неоткуда. С шапкой в руке он стоял на мостике своего старенького корабля, смотрел на уплывающий за корму мыс, и на его глазах матрос-рулевой заметил слезы.

«Фока» снова пошел на север, тратя последние пуды топлива, чтобы пробиться по возможности дальше, но очень скоро встретились льды, которые не под силу были кораблю.

19 сентября «Фока» зашел в маленькую безымянную бухту острова Гукера. Был бы в трюмах уголь, «Фока» еще поборолся бы, и, может быть, маршрут будущего похода к полюсу оказался бы короче на сотню-другую верст.

Но топлива не было. Седов поставил корабль на грунт близ берега. С борта на берег перебросили трап. Бухта получила название Тихой. Этим новым географическим именем помечен был приказ Седова № 21. В нем он фиксировал координаты зимовки – $80 \frac{1}{3}^{\circ}$ северной широты и 53° восточной долготы, поздравлял команду с успешным завершением плавания, в котором «встретилось столько льду, сколько ни одна экспедиция, кажется, не встречала его (пояс шириною в $3\frac{1}{2}^{\circ}$)», и, между прочим, отмечал, что члены экспедиции «отбросили свои личные интересы в сторону» и сплотились «в одно единодушное целое на пользу дела

экспедиции и на радость родине».

В конце приказа Седов говорил своим спутникам: «Желаю счастливой, тихой зимовки» [{58}](#).

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

МЫС АУК

I

Седов в конце своего пути: 82° северной широты, Земля Франца-Иосифа, палатка, которую ветер, неугомонный норд-норд-вест, рвет и хлещет с пьяной, бешеной силой.

Холодно... Справа спит Линник, слева Пустотный. Матросы придумали такой порядок, чтобы ему было теплее. Он не ошибся, выбирая себе спутников.

Приступ кашля. Кашель сухой. В сознании возникает детство: Кривая Коса, высушенная жарким солнцем, белесое, гладкое море, и он бежит, рыженький рыбацкий мальчишка, босиком по сухому, размолотому временем, колючему песку. Ракушки, словно истолченные в ступе.

Горячий, сухой песок в горле. Кашель, болит грудь.

А мороз все крепче. Плохо болеть бронхитом, когда Цельсий показывает минус 35. Или это не бронхит?

А что с ногами – ревматизм? Может быть, и то и другое. Но если – цынга... Все равно – это смерть!

Ему тридцать семь лет. Почему смерть? Когда он решил это? Может быть, когда лежал на снегу, поджидая с ножом медведя.

... Стали на ночлег, разбили палатку. Уже темно. Грелись у примуса. Вдруг сразу остервенело залаяли собаки. Так собаки встречают только лишь медведя.

Седов вышел с ружьем. Медведь, огромный, убежал: в сумерках казалось, что катится сугроб, а за ним снежками летят собаки.

Голова кружилась у Седова, ноги двигались с трудом. Он пошел за медведем.

– Господин начальник, вам не дойти... Ну его, медведя! – уговаривал Линник.

А сам подставил начальнику плечо. Тот положил на плечо руку, – так шел, опираясь на матроса.

Уже едва был слышен собачий лай. Трудно было итти среди ропаков. [\[22\]](#) Ноги скользили, проваливались в снег и натыкались на острые ребра

льдин.

Седов шел медленно.

– Убег, наверное, – говорил Линник, – куда вам, больному...

Седов не отвечал.

Наконец, увидели медведя. Он сидел в лунке, только морду выставил из воды, подозрительно поглядывал на собак. А те кружились вокруг, охрипли уже лаять, повизгивали от злости. И впереди, конечно, Фрам – отчаянный головорез, прирожденный воин.

Седов оставил Линника, заспешил вперед. Медведь плавал в воде посапывая. Теперь только подойти, спокойно нацелиться в голову, не промахнуться.

Подошел на два шага к медведю. Поднял ружье.

– Стреляй, Георгий Яковлевич! – крикнул Линник.

Но Седов не стрелял. Отказало ружье: замерз затвор. Еще раз и два подергал затвор – не поддается. Отошел от лунки, сказал Линнику:

– Не судьба мне убить медведя, – и опустил, обессиленный, на снег.

Линник ушел за нартами. Седов один лежал на сугробе. Ночь сгустилась, поднялась пурга. В руке держал финский нож – против медведя. Время тянулось бесконечно долго. Он чувствовал себя слабым и беспомощным. Ему горько было сознавать это. Он был сильным человеком и всегда радовался своей силе.

Медведь, должно быть, ушел. Собаки утихли. Одни бродили поблизости, другие свернулись в снегу – спать.

К Седову подошел Фрам. Он постоял над головой, тявкнул, прислушался. Потом лизнул теплым языком лоб Седова и сел рядом. Седов собрал силы, поднял руку, погладил пса.

Как его нашел Линник, притащивший нарты, как его везли к палатке, – этого он не помнит, был без сознания...

Не тогда ли, на снегу, он впервые подумал о смерти?

Или в тот день, когда они шли к острову Марии-Елизаветы?

Ночью была вьюга, пришлось нескольких собак забрать в палатку. Спальный мешок обледенел, а простыня сперва промокла от испарины, а потом замерзла. Днем ветер дул в лицо, было трудно идти. Едва дотащился к ночлегу. Он записал тогда в тетради: «Я окончательно простудил себе грудь. Бронхит меня давит, не могу отдышаться, под вечер страшно лихорадит, едва отогрелся на примусе. Ах, дорогой, дорогой спаситель наш примус!»

Нет, это пришло еще раньше. Уже тогда, на корабле, когда приказывал шить одежду для полюсной партии, когда прощался с «Фокой»...

«Святой мученик Фока» стоял во льдах бухты Тихой. Медленно и тяжело, как нарты в гору, тянулось время. Безмолвие и неподвижность в природе, томительная, как одурь, тяжесть вечных сумерок, скучная пища из запаса полуторагодичной давности, неизвестность, почти безнадежность впереди... Бесшумно, на мягких лапах, проникали на корабль душенная усталость и отчаяние. Так сквозь незаметные щели просачивается в трюм губительная вода – постепенно и непобедимо.

Уже появились роковые вестники цынги. У одних кровоточили десны, другие едва передвигались на опухших ногах, а третьи, приложив руку к груди, удивленно жаловались на одышку. И в эти дни начальник экспедиции приказывал готовить снаряжение для похода на полюс. В кают-компании об этом избегали говорить. Две тысячи верст в оба конца намерен был пройти Седов. Между тем все знали: он болен.

Он рад был бы скрыть это от своих товарищей, затаить болезнь, как не раз таил от них свои опасения, тревоги, боязнь. Так было в сентябре 1912 года, в ту штормовую ночь, в Баренцевом море, около Сухого носа, когда «Фока» едва не погиб.

Обняв стойку на мостике, насквозь мокрый, сотый раз облитый волной, охрипший, ослепший, Седов кричал на матросов, глотая летящий вихрем колючий снег, вертел штурвал, посылал приказы в машину, а потом скатывался вниз и, скользя на палубе, неугомонно, как Ванька-Встанька, тянул какие-то обледеневшие концы, ругался, подставлял волне спину, отплевывался от соленой воды, хватал кого-то за плечи или сам, падая, цеплялся за чью-нибудь куртку...

Все ниже и ниже садился «Фока» в воду. Корпус его трещал, скрипел, покрхтывал, – и эти тихие звуки имели жуткое свойство: они протискивались в уши начальника сквозь грохот и рев шторма. Спаситься тогда можно было, только смертельно рискнув. Седов направил корабль на камни у Сухого носа и в ночной мгле, при ураганном ветре, провел «Фоку» перед самыми рифами.

Корабль и все люди спаслись. Но никто, кроме Седова, не знал, как близок был к гибели «Фока», никто не знал, что в эту ночь начальник мысленно прощался с жизнью.

Так точно хотел бы он скрыть и свою болезнь.

В те д!ни, перед уходом с «Фоки», он часто перелистывал тетради своих записей. Он прощался с тетрадями, прежде чем зашить их в парусину и вручить остающимся на корабле для передачи Вере Валерьяновне.

Его дневник не был систематичным. Время от времени Седов заносил

в тетрадь свои мысли по поводу положения экспедиции, порой обращался с длинными посланиями к любимой жене, часто записывал то, что казалось ему важным из прочитанных книг.

Вот несколько характерных заметок, сделанных в 1913 году:

«Я прочел всего Байрона, Шекспира, Дюма...»

«Крузенштерн во время крушения в Карском море 2 сентября 1862 года все-таки праздновал тысячелетие России».

«Люррик (Margulus alle)... Кайра свистун (Vria Grille)».

По поводу того, что офицерские помещения «Фоки» оборудованы для полярных плаваний хорошо, меж тем как матросский кубрик – в отвратительном состоянии. Помещения отделялись казенной мурманской научно-промысловой экспедицией. «Удивляюсь, почему на командные помещения не было обращено такого же внимания...»

«Венецианец Кабот, впоследствии британец, первый путешествовал к Северному полюсу и является основателем этих экспедиций. В 1497 году первый открыл Северную Америку и первый подал мысль о NW^[23] „проходе“».

«Нансен говорит: „Мы не к полюсу идем, а идем исследовать его окрестности“».

«Северное сияние: катодные лучи, которые идут из солнца и притягиваются землей, как магнитом, в полюсных областях».

В бухте Тихой Седов начал изучать английский язык. В дневнике встречаются столбцы английских и русских слов.

6 октября 1913 года он сделал такую выписку из книги:

«Жизни только тот достоин,
Кто на смерть всегда готов».

Да, уже тогда, в бухте Тихой, в часы этой бесконечной ночи, подкрадывалась к нему безжалостная и жестокая мысль о неизбежном конце. Запершись в маленькой своей каюте, он подолгу сидел перед столиком, на котором рядом с чернильницей, в полированной рамке, стояла фотография молодой женщины с вопросительным взглядом черных глаз. Или лежал, когда боль в ногах становилась нестерпимой, на койке, лицом вверх, соединив под головой большие свои руки. Иногда такая воцарялась на корабле тишина, что слышно было через дверь, как тикают висящие в кают-компании часы. Даже по вечерам, когда собирались вокруг общего стола члены экспедиции – географ, художник, врач, геолог, штурман, –

голоса их звучали приглушенно, все помнили: начальник болен.

23 декабря Седов записал: «Среди команды и офицеров началась какая-то общая слабость и уныние. Я тоже это чувствую, имею на деснах несколько красноватых пятен: не зачатки ли цынги? Доктор смазал иодом. Я приказал давать офицерам и команде моржа в пищу из собачьего запаса».

«Святая Фока» на зимовке.

На следующий день он сделал такую запись: «Скорее бы уже итти к полюсу, пока здоровы, а то, чего доброго, еще заболеешь серьезно. Что-то плохо самочувствие...»

25 декабря: «...Сегодня просил Владимира Юльевича Визе примириться с тем, что ему нельзя итти вместе со мной к полюсу, так как он нужен очень на судне для научных работ экспедиции. Он для пользы дела охотно согласился».

31 декабря: «В полдень я почувствовал сильную боль в ноге, едва могу наступать...»

«Совсем разбиты ноги ревматизмом. По определению врача – простуда. Слегка повышена температура и кашель», записал он 2 января 1914 года.

Через несколько дней в его тетради появились следующие строки: «Грустно на душе, а на дворе еще грустнее: ветер то наметет, то затихнет. Темно, беспросветно. Читаю Гюго „Отверженные“. Переживаю страдания Жан-Вальжана. Здоровье мое ухудшилось. Сажу и лежу, запершись у себя в каюте...»

12 января он спрашивал: «Неужели я не выздоровею к походу на полюс?! Выступить надо 1(14) февраля, т. е. через месяц. Лучше бы уже потом заболеть. Все к походу, хотя бедно, но, приблизительно, готово»^[59].

Ни разу ни одним словом он не обмолвился в дневнике о

необходимости отменить поход к полюсу из-за своей болезни.

Как-то матросы Линник и Пустошный высказали перед Кушаковым как заведующим хозяйством некоторые свои претензии. Собираясь участвовать в походе на полюс, матросы требовали улучшить для них питание, освободить их от участия в авралах, а также обеспечить на случай увечья. Кушаков ответил им площадной руганью. Потом он отправился к Седову.

– Наглость этих разбойников не знает границ, – начал он, задыхаясь от злости.

Седов выслушал Кушакова.

– Что ж, – ответил он, – мы напрасно об этом не подумали заблаговременно...

Кушаков вскипел и бросился из каюты вон. Вслед ему послышался голос Седова, отдававшего приказание буфетчику Кизино:

– Прислать ко мне Линника и Пустошного. Полтора часа Седов разговаривал с матросами [{60}](#).

Кушаков многое отдал бы за право послушать эту беседу. Наутро дежурный, по просьбе Седова, прочитал в кубрике приказ № 23:

«Матросы Григорий Линник и Александр Пустошный на мое предложение: принять участие в полюсной партии, с своей стороны изъявили полное согласие и готовность. Поздравляю означенных молодцов с лихим решением, уверен, что они честно исполнят свой долг на пользу родине и науке...»

Матросы зачислялись на усиленное питание, освобождались от всех судовых работ и т. п. [{61}](#).

Кушаков был готов ко всему, но этот поступок Седова взбесил его окончательно. В кают-компании он шипел о слабых характеристиках Седова, о том, что начальник унижается перед матросами и разваливает дисциплину.

За две недели до отправления Седова, Линника и Пустошного в поход Кушаков подал Седову такой, почти ультимативный, рапорт:

«Сего числа во время дежурства я услышал сильный шум и крик в командной столовой. Подходя к последней, я услышал голос матроса Линника, ругавшегося бранными и непристойными словами, кричавшего: „Я иду к полюсу, рискую жизнью, а потому не буду есть всякой дряни“.

...Несмотря на вторичное приказание замолчать, матрос Линник в присутствии всей команды, все больше и больше повышая голос, начал наносить мне оскорбления словами, упрекая в том, что я являюсь злом экспедиции, мешаюсь не в свое дело, обманываю всех и т. д.

...Находя настоящий поступок матроса Линника, а также и ряд других его поступков с тенденцией возмутить всю команду, постоянные порицания и сквернословие по адресу всех начальствующих лиц экспедиции, не исключая и Вас, а также полное нежелание подчиняться не только основным требованиям закона, но и требованиям Ваших приказов, – в высшей степени недисциплинарными, губящими дело экспедиции, связанное с достоинством всей страны, честью русского имени и русского флага, – прошу Вас о предании матроса Линника суду.

Дежурный вахтенный начальник
П. Кушаков».

Рапорт был подан по форме, ему следовало дать ход. Седов поручил Н. Пинегину произвести дознание. Все свидетели стычки показали, что виновным в деле был сам Кушаков. Он кричал Линнику:

– Сволочь, морду разобью!

На это матрос отвечал:

– Сейчас вы меня ругаете, а у медвежьей берлоги кричали: «Линник, спаси!» И ноги я вам оттирал, когда мы сидели в палатке...

Седов оставил рапорт без последствий. Кушаков явился к Седову и демонстративно потребовал дать ему для ознакомления книгу свода морских постановлений.

– Ни один из основных законов у нас не выполняется! – грозно заявил он за ужином ^[62].

Седов был строг с командой. Он накладывал на матросов суровые дисциплинарные взыскания, требуя от них безусловного соблюдения всех правил распорядка и беспрекословного подчинения начальникам. Иногда он налагал на провинившегося денежный штраф, иногда объявлял выговор, а однажды издал такой приказ по поводу того, что матрос Шестаков обругал «непристойными словами» боцмана: «Удивляюсь, где и как воспитывался Шестаков, чтобы вести себя так дико и безобразно, недостойно звания порядочного человека. Предписываю арестовать строгим арестом означенного матроса на трое суток, за неимением же на судне карцера заменить арест выдержкой на баке под ружьем» ^[63].

Даже при том случайном составе команды, который был на «Фоке», Седову удавалось поддерживать дисциплину.

Каюта Седова.

Седова слушались беспрекословно. Иногда он бывал резок с матросами, но никогда не оскорблял их достоинства. Он требовал самоотверженной работы от подчиненных. Они видели, что и сам начальник трудится самозабвенно.

Матросы понимали его даже тогда, когда, выведенный чем-нибудь из терпения, он кричал на них.

11 февраля больному Седову доложили, что кочегар Кузнецов пойман в кладовой с украденной кружкой спирта. Проверка продуктов показала, что это не первая кража. Нехватало спирта, сгущенного молока, какао.

Вечером Седов приказал команде не расходиться после молитвы. Он начал говорить о случившемся – сначала спокойно, а потом все более волнуясь. Голос его сорвался в крик, он сжал кулаки и поднял их над головой. Губы его побелели, он задыхался.

– В следующий раз, – кричал он, – пойманного вора убью на месте!

Все стояли молча, понутив головы. Таким Седова никто еще не видел {64}.

Он ушел в каюту и захлопнул за собою дверь. Команда тихо разошлась по койкам.

Среди участников экспедиции всю зиму шла почти неслышная, но упорная борьба, шел спор о здоровье начальника. Седов видел это по вахтенному журналу, на страницах которого велась изо дня в день сдержанная, но злая полемика. С одной стороны выступал доктор Кушаков. Он претендовал на роль начальника экспедиции после ухода Седова к полюсу.

В вахтенном журнале, дежуря по кораблю, он неизменно отмечал то улучшение здоровья начальника, то полное выздоровление. 1 января вахтенный начальник Визе отметил: «У начальника экспедиции сегодня утром внезапно обнаружались в резкой форме признаки сильного

ревматизма в ногах». На другой день это же подтвердил геолог Павлов, а на третий – дежурил Кушаков. Его запись была коротка и оптимистична: «У начальника экспедиции боли в ногах уменьшились».

7 января Павлов снова отметил: «Недомогание и упадок сил». Очередной вахтенный – Кушаков, и он поспешил рассеять тревогу: «Чувствует себя гораздо лучше...»

Так продолжалось всю зиму, до отправления в роковой поход. Если Визе и Павлов два дня подряд записывали, что начальник в постели и здоровье его все хуже, то Кушаков в полном сознании своего авторитета как врача, хотя и ветеринара, фиксировал: «Он с каждым днем поправляется».

Седов видел эту полемику в вахтенном журнале. До него доходили и отголоски ропота, который возбуждало поведение Кушакова. Не только не верили диагнозу, установленному Кушаковым (он отрицал цыngu, утверждая, что у Седова, как и у других, – ревматизм, простуда или эпидемическое заболевание из-за плохого качества питьевой воды), – но даже бескорыстие доктора ставили под сомнение. Прямо об этом не говорили, но в самом воздухе кают-компания носился дух подозрения: «Что-то очень уж старается наш Павел Григорьевич спровадить Седова на полюс, не жажда ли власти одолевает его?..»

Седов догадывался обо всем, но не придавал значения этой борьбе, ибо в сознании своем видел лишь одну необходимость – итти к полюсу. А что до врачебной практики Кушакова, то она, хоть и внушала подозрение, но была ему отчасти на руку. Кушаков, осердясь на своих оппонентов по вахтенному журналу, записал решительно и грубо: «Он совершенно здоров» ^{65}. Это помогло Седову в дружеском споре со спутниками, который возник накануне отправления полюсной партии.

Они убеждали его отменить поход. Очень много благоразумных доводов, логика осторожности, против которой нечего возразить.

Однажды он записал в своем дневнике:

«Пишу приказы и письма домой. Все это, может быть, посмертное...» ^{66}

Но спутников своих он убеждал, ссылаясь на Кушакова, что болезнь у него несерьезная, что на вольном воздухе, в движении здоровье к нему вернется.

Действительно, ему и самому хотелось верить в удачу. Девятьсот с лишним верст от бухты Тихой до полюса и столько же до земли. Пожалуй, вырваться из Петербурга и добраться до бухты Тихой было труднее, а он ведь добрался. В глубине сознания теплился слабый, колеблющийся огонек надежды.

15 февраля утром Седов сделал получасовую прогулку, чтобы разведать, хорош ли путь для нарт. Когда он вернулся на судно, все увидели, что он бледен, задыхается. Поднимаясь по трапу, он пожаловался на боль в ногах.

Все собрались в кают-компани. Кушаков начал богослужение. Потом дежурный – В. Ю. Визе – стал читать приказы начальника. Одним из них командование экспедицией передавалось Павлу Кушакову. К этому приказу была приложена инструкция. Первый пункт гласил: «Я хотел бы прежде всего просить вас, чтобы мною заведенный порядок в экспедиции, по возможности, не менялся...» Далее следовали, подробно и заботливо составленные, указания о продолжении научных работ, о необходимости соблюдать осторожность во время санных походов, о заготовке звериных шкур и сала для топки, о том, какие части судна можно сжечь на обратном пути в Архангельск. «По приходе в Россию не беспокойтесь ходатайствовать о посылке за нами судна, так как это будет напрасная трата средств, ибо если нам суждено будет уцелеть, то мы и самостоятельно доберемся домой», говорилось в десятом пункте. Заключительные слова инструкции напоминали Кушакову: «Одной из главных ваших задач является внимательная забота о здоровье и сохранности жизни людей экспедиции, благополучный исход чего послужит большой пользой для дела и высокой наградой для вас» [\[67\]](#).

Второй приказ был прощанием Седова с остающимися на «Фоке».

Г. Я. Седов 15 февраля 1914 года, в час отправления в поход к

Северному полюсу.

«В Петербурге мы предполагали попасть в первый же год на Землю Франца-Иосифа, а на следующий год итти к полюсу, причем итти на 5–6 нартах при 50–60 собаках, с сильным снаряжением и большим запасом свежих сил у людей, а попали лишь на второй год и то с большим трудом. Итти на полюс принуждены не на 6 нартах, а лишь на трех, и то неполных, при 24 уцелевших собаках, и, следовательно, в силу необходимости, при сокращенном комплекте людей, в которых, к большому нашему общему горю, нельзя не заметить некоторого упадка сил, как нравственных, так и физических».

Невесело было в кают-компании, когда дежурный читал последний приказ Седова. Многие понимали – это прощание навсегда.

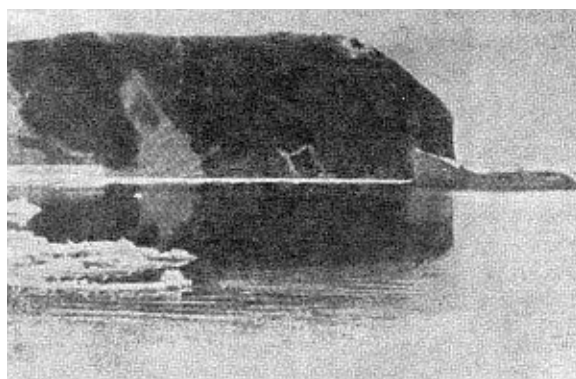
«Итак, сегодняшней день, – гласил приказ, – мы выступаем к полюсу; это – событие и для нас, и для нашей родины. Об этом дне мечтали уже давно великие русские люди – Ломоносов, Менделеев и другие. На долю же нас, маленьких людей, выпала большая честь осуществить их мечту и сделать посильное научное и идейное завоевание в полярном исследовании на гордость и пользу нашего отечества...

Пусть же этот приказ, пусть это, быть может, последнее мое слово послужит вам памятью взаимной дружбы и любви.

До свидания, дорогие друзья!..» [168](#)

Минуту длилось молчание, когда умолк голос дежурного. Потом заговорил Седов. Говорить ему было трудно.

– Пришло время: сейчас мы начнем первую попытку русских достичь Северного полюса... На нас лежит ответственность продолжить труды людей, которыми Россия может гордиться. Я прошу: не беспокойтесь о нашей участи...

Бухта Тихая. Скала Рубини-Рок.

Он умолк, уронив голову на грудь и закрыв глаза. На его впалых щеках блестели слезы. Все ждали. Он заговорил снова.

– Разве с таким снаряжением нужно идти к полюсу? И сами мы не так крепки здоровьем, как нужно... Долг мы исполним.

В заключение он просил остающихся не унывать, не падать духом и надеяться на скорое возвращение на родину.

– Мне хочется сказать вам не «прощайте», а «до свидания!»

Так прошел последний час на «Фоке». Седов внушал людям надежду и сам хотел надеяться. Как соблазнительно бывает иногда принять желаемое за возможное!

Но теперь и крохотной надежды нет. Он знает – силы приходят к концу.

Закусив губу, он делает усилие и перекладывает больную ногу. Хорошо было бы снова растереть ноги спиртом.

Но эта ночь бесконечна. Спят Линник и Пустошный. У Линника вчера шла горлом кровь. Хорошие ребята, бедные ребята...

Он вздрагивает после минуты забытья. Линник что-то сказал во сне. Тишина. Какое-то беспокойство охватывает его. Он видит слишком много в одно мгновение. Себя, палатку, далеко-далеко простершиеся снеговые равнины, холмы, над которыми белая пыль, и в то же, время – Петербург, кто-то не спит в их квартире... Бухту, которую он назвал так хорошо: Тихая, дымок над палубой. А здесь, рядом, он видит, как лежат в снегу, свернувшись в комочек, собаки. Нельзя в одно время видеть так много. Лучше, когда что-нибудь одно. Не так тревожно.

Две или три минуты его душит новый взрыв кашля. Он приподнимается, мех сползает с него. Он забывает все: больные ноги, холод, то, о чем думал... Воздуха, воздуха!.. Неимоверным усилием он разрывает одеревяневшими пальцами ворот рубахи. Сидит с открытыми глазами. Как хорошо, приступ окончился, – дыхание, жизнь...

Просыпается Пустошный и молча, в полусне, складывает больного начальника на меховую постель, укрывает ему грудь, плечи.

– Зажги примус, холодно, – говорит Седов.

Он ощущает страшную усталость. Спать, спать...

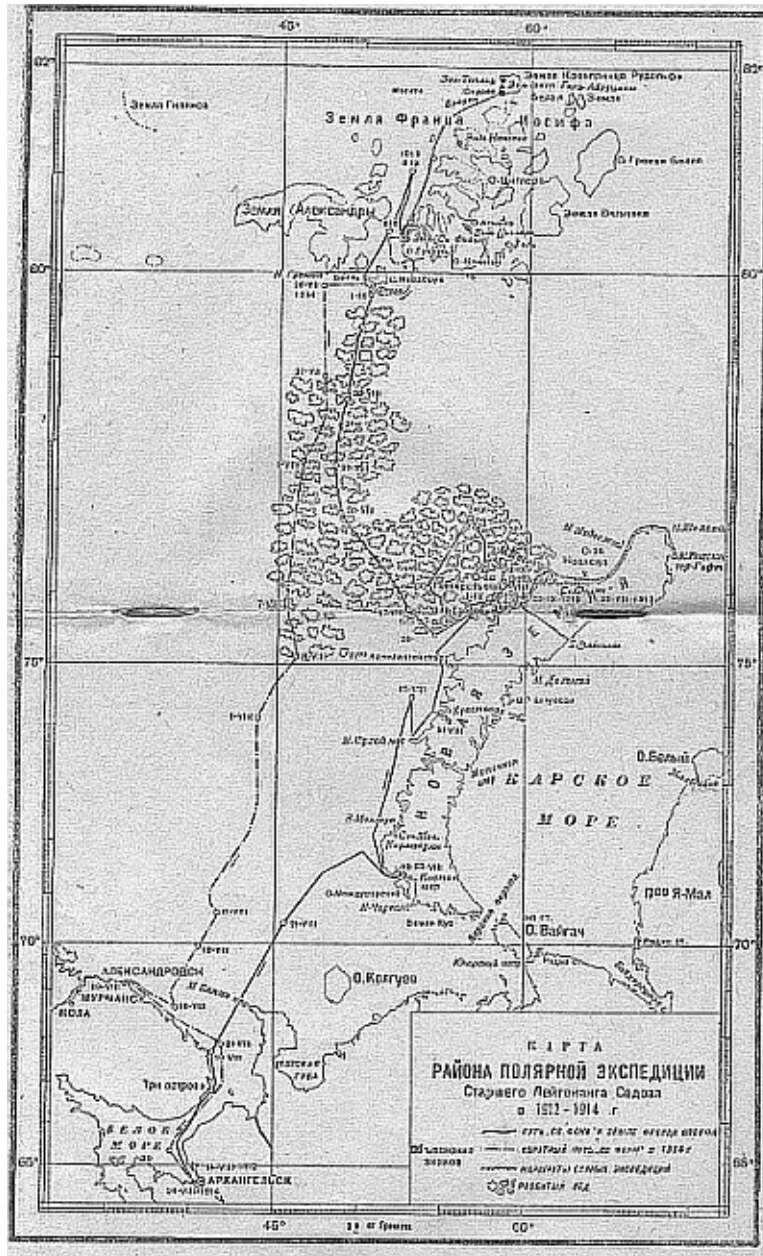
Пустошный встает, ползет из палатки, возвращается с бидоном, начинает в темноте возиться с примусом.

– Нет, не надо, отставить примус, – говорит Седов, – керосин беречь...

Пустошный на четвереньках подползает к нему, видит: начальник без памяти. Он зажигает примус и держит его над грудью Седова...

Полтора года назад в нем была уверенность, что для совершения подвига нужна добрая и сильная воля, а для открытия полюса, в частности, – еще и некоторое количество провианта, собаки, теплая одежда и керосин. В жизни он встречал, с самого детства, много тяжелых препятствий и не раз преодолевал то, что другому было бы не под силу. Но никогда он не пытался вникнуть в жизнь, через которую шел. Он не придавал значения тому обстоятельству, что дело, которое он начал, осталось в стране почти незамеченным.

Он отплыл в экспедицию вопреки воле правительства, наперекор «общественному мнению» той маленькой, но всесильной России, которая шумела газетными листами и занимала официальные посты. Среди тех, кто ему помогал, большинство принадлежало к таким людям, как Дикин или купец Демидов, к таким, как Белавенец, – капитан в отставке, секретарь комитета, наживавшийся на устройстве благотворительных вечеров, концертов и сборов. Седов не придавал этому должного значения. Даже экзамен, который учинили для него в морском министерстве, не напугал его. Как они расправлялись с ним! Очень вежливо, совершенно в стиле англоязычного морского офицерства, сохраняя полное бесстрашие на лицах, члены комиссии пытали человека, которому не могли простить темного происхождения и неприличного энтузиазма, пытали издевательским педантизмом, презрительным равнодушием к его готовности на риск и подвиг, высокомерным недоверием к его опыту, – и злорадно торжествовали, найдя пробелы в предложенном проекте, поймав этого безродного выскочку.

Он слишком верил в свои силы. Это было единственное его богатство – железная воля, деятельный и ненасытный ум, могучее здоровье. Завоевание полюса представлялось ему поединком между человеком и природой, единоборством, в котором он должен был выступить один и не мог не победить. Вот почему, до поры до времени, он не ощущал трагичности своего одиночества и не понимал, что большой России, народу, для которого он шел на подвиг, было в то время не до полюса.

Слабый, больной, лежит он в палатке под грудой меха. Подобрал ноги, дремлет Пустошный. В руках его ровно гудит примус. Седов приходит в

себя. Он трогает матроса за локоть.

– Ложись спать, отставить примус, – говорит он Пустошному.

Тот молча гасит огонь, сваливается на бок и засыпает.

Седов лежит с открытыми глазами.

Как много мыслей! Когда отняты силы, чтобы идти, остается еще память, и человек живет.

С хутора Кривая Коса он бежал в Ростов. Для того чтобы ловчее было, снял сапоги и бежал, оглядываясь, – нет ли из дома погони.

Он был матросом и грузчиком. В жизни ему чертовски везло. Нельзя отрицать: сыновья рыбаков не часто получают золотые погоны. Блестящая карьера! Это было нелегко, но он хотел этого и достиг.

Почему же сейчас – смерть? Может быть, нужно было во время отступить? И когда?

Не тогда ли, в мае, когда получил это длинное, отпечатанное на холодной глянцевой бумаге постановление совета министров. Как это: «По удостоверению заинтересованных ведомств, изложенные в записке пятидесяти одного члена Государственной думы соображения об условиях практического осуществления» – и так далее и так далее!

Нет, он не отступил. Нужно было найти поддержку – любой ценой.

Он надеялся на «общество», которого не знал. И вот, гидрограф и офицер, он превратился в лектора и литератора. Еще в XVII веке, говорил он, простой казак Семен Дежнев дошел до Колымы, а затем проник в Берингов пролив, который тогда и названия не имел. Наши поморы, доказывал Седов, в своих плоскодонных кочах и шитиках, едва скрепленных корнями сосны и проконопаченных мохом, под равдужными парусами,^[24] испокон века ходили на Грумант, который много позже лег на карту под названием Шпицберген. «Свои деревянные якоря, с навязанными камнями, – писал он, – бросали они в неведомые воды Далекого Севера и качались на мочальных или корневых канатах в бухтах Груманта, Новой Земли, у Таймыра и островов Новой Сибири, о чем теперь свидетельствуют только кресты, поставленные ими...»

Савва Лошкин, Харитон и Дмитрий Лаптевы, Семен Дежнев, Яков Пермяков – они были не только его герои, но и предки – по крови и духу. Он чувствовал себя правнуком этих неугомонных открывателей новых земель, он думал, что у него такие же зоркие глаза, такие же широкие плечи. И как они, он грезил о новых морских дорогах, об островах с непуганым зверем, мечтал окрестить новые земли, любил Север и чуял, предприимчивый, как они, необыкновенные богатства за морями. Его охватывала благородная ревность, когда он читал об успехах иностранцев –

Пири, Шекльтона, Амундсена. Он был убежден, что России должна принадлежать честь изучения полярных стран, и ощущал в себе как раз ту силу и волю, которые нужны для этого.

С такими мыслями и чувствами, наивный и восторженный, он обращался ко всем, кто хотел его слушать. Ему нужны были деньги – не так уж много: семьдесят тысяч!

Они жертвовали очень щедро. Они присылали пять рублей и просили напечатать об этом в газете, с упоминанием чина и звания. Целое общество, он, как сейчас, помнит: «Русское общество любителей мироведения», собрало «среди любителей мироведения и их гостей» 14 рублей. «Новое Время» объявило об этом. Пожертвования были большей частью так мизерны, что казались нарочитым выражением равнодушия и насмешки. Офицерское собрание армии и флота прислало 75 рублей 05 копеек.

Ветер не утихает. Палатка обвисла под снегом, обледеневший брезент висит над самым лицом. Опираясь на локти, Седов переносит себя на вершок дальше в глубину палатки. По ногам пробегает острая боль. Он стонет.

Он видит перед собой разрезанную надвое пробором голову капитана Белавенца. Сколько лоска, какие благородные манеры! Какой жулик этот почтенный морской офицер! С каким изяществом он крал деньги экспедиции. Ах, какой жулик! И рядом с ним – благообразный господин Суворин, главный меценат и благотворитель. Холодный взгляд, мягкий бархатистый голос: «Дорогой лейтенант, мы все приходим в восхищенье...»

Но он все терпел. Он был занят покупкой судна, собак, продовольствия. Никто ему не помогал. Кое-где поговаривали и даже писали, что Седов, мол, обманщик и карьерист, что его затея – сумасшествие или афера, что правительство обязано воспретить... Он все терпел, потому что надеялся расквитаться сразу, – победой, а если не победой, то смертью.

И вот – август, Архангельск. Расцвеченный флагами «Святой мученик Фока» – у Соборной пристани.

Он может еще отступить. Время позднее, экипаж снят этим вором Дикиным. Лучше отменить, отставить до следующего года.

Нет! Он не отступил. Отступать было некуда. Отменить выход «Фоки» значило отказаться от экспедиции навсегда, иначе говоря – сдаться. А он еще имел надежду на успех.

Или, может быть, не надо было после зимовки на Новой Земле пробиваться на север? Не лучше ли было тогда, по чистой воде, повернуть

на зюйд? Как хорошо понимали это его спутники.

Нет, и тогда он не мог отступить... Нет, не мог. Он сказал, что дойдет до Земли Франца-Иосифа. И дошел. Прав оказался он. Никто не сможет упрекнуть его в том, что программа экспедиции не выполнена. Важнейшее дело для науки – исследование Новой Земли, которое он произвел со своими спутниками, – с лихвой покрывает все расходы, оправдывает все усилия. А полюс – это уж дело его жизни, только его жизни. На полюс он никого не принуждал итти. Если бы матросы не согласились, он и один пошел бы. Ведь ему одно нужно было: итти на север.

Он в забытьи. Ему кажется, что он идет за нартой. Ветер бьет в лицо. Дышать трудно. Нордовый ветер. Снег. Почему снег не падает, а летит прямо против тебя?.. Это не снег – иглы летят в лицо. Впиваются в глаза... залетают в рот... А все-таки он будет итти – на север! Линник, Пустошный, гоните собак! На север!.. Воздуха!

Матросы держат его за плечи. Его душит кашель. Фыркает примус. Уже утро. Встать!

Он поднимается. Ветер стих. Слышна только грызня собак, получивших корм.

– Гору видать, – говорит Линник.

Седов, согнувшись, выходит из палатки. Прямо перед ней, на том берегу пролива, под рваными лохмотьями тумана, торчат округлые бока острова.

– Земля кронпринца Рудольфа, – говорит Седов.

– Будем собираться, Георгий Яковлевич.

– Надо, Линник, нам переехать на ту сторону. Седов поворачивается лицом к югу. Над горизонтом горит холодным пламенем отблеск солнца, которое сегодня не взошло.

Линник и Пустошный складывают палатку, сбивают собак к нартам. Одна нарта – Передовая, другая – Льдинка, третья – Ручеек. Названия придумал начальник. «Льдинка» – так он называл Беру. Седов сидит на сугробе, свесив руки, уронив голову.

Готово, лагерь погружен на нарты. 10 часов, пора трогаться. Седов молчит, не шевелится.

Матросы шепчутся между собой. Потом Линник, он смелее, сам начинает:

– Георгий Яковлевич, что я хотел сказать... Седов вздрагивает.

– Отправляемся, – говорит он и идет, прихрамывая, к нарте.

– Привязывайте меня, как вчера. Ходок я плохой... Пустошный помогает ему вскарабкаться на кладь, привязанную к нарте. Линник

укутывает его спальным мешком.

– Не унывайте, – говорит Седов, – недолго вам страдать со мной.

Пустошный крестится, отвернувшись в сторонку.

– А может, нам повернуть к «Фоке», – спрашивает Линник, – там и поправиться можно...

Седов молчит.

– Мы думаем – так-то лучше, – добавляет Линник. Седов достает компас.

– Трогай, – говорит он, – на север. Матросы кричат на собак, нарты ползут на север.

Седов сидит на второй нарте, отвернувшись от ветра. Матросы не знают, в сознании ли он. Как будто спит или думает, – голову опустил. Линник подходит, начинает на ходу поправлять меховой мешок на Седове. Седов испуганно оглядывается вокруг, подносит к глазам компас, бормочет:

– Так держать, на север.

– Есть так держать, – успокаивает Линник и видит: уже снова закрыты глаза у начальника, голова, как неживая, подпрыгивает от толчков...

ИЗ ДНЕВНИКА СЕДОВА:

«Суббота, 15 (28) февраля.

...Пройдя около 1½ верст, наткнулись на сплошной, тонкий (1 вер.) солончак. Взошли первой нартой на него (Льдинкой), а она и провалилась, вместе с ней и собаки. Люди держались свободно. С большим трудом вытащили нарту назад, ничего не подмочив, так как каяк великолепно плавал. Остановились здесь же ночевать и ждать, пока достаточно замерзнет пролив. Сегодня у воды видели стада тысячные птиц: люмсы и кайры.

Я ужасно разбит болезнью. Сильнейший бронхит, болит горло и опухли ноги. Лежу все время в мешке, на стоящий мученик...»

.....

– Накройте ноги, ребята... зажгите огонь... Вернуться на родину. Сказать: «Я сделал все, что мог».

Отдохнуть, поправить ноги, грудь вылечить. Попробовать еще раз. Это было бы здорово.

Он открывает глаза. Матросы не спят. Пустошный смотрит на него.

Линник возится с консервной банкой.

– Уже утро? – спрашивает Седов.

– Сегодня, Георгий Яковлевич, будет, наверное, солнышко.

– Да... шестнадцатое февраля. Ночь кончилась. Линник открыл банку.

– Компот, – говорит он.

Седов берет банку, но одной рукой не может ее удержать. Он ухмыляется, освобождает из-под меха другую руку. Подержав с минуту, отдает банку матросу.

– Не принимает душа... Матрос вздыхает. Седов беспокоится:

– Что же мы тут сидим... Может быть, пролив замерз. Надо итти дальше...

Пустошный отрицательно качает головой.

Проходит еще два часа. Матросы ушли на разведку к середине пролива, посмотреть – нельзя ли там перебраться.

Седов лежит в палатке. Кашель мучает его. Иногда он впадает в забытие. Ноги распухли, отяжелели, нет сил пошевелить ими.

...Если залив замерз, можно будет перейти на Рудольфа. Это хорошо: в Теплиц-бае продовольственный склад Абруццкого. Передохнуть, поправиться и опять итти. Конечно, на север. Это единственное, что ему еще осталось.

У него и раньше не было смелости отступить. А сейчас все равно поздно. Да и не к чему. Вернуться, отступить, чтобы потом снова броситься в бой – да, для этого стоит драться. Но так – без надежды, без цели... Нет, это страшнее смерти. Ведь не дадут они ему попробовать еще раз!

Вот и все: если ты не можешь отступить, иди вперед, пока не упал.

Какой страшный холод! Как тихо. Матросы ушли. Не случилось ли с ними чего-нибудь? Недолго и в полыню угодить... И собак не слышно. Безмолвие. Пусть хоть зашумит ветер!

Так нельзя лежать. Все мертво вокруг. Как будто уже кончено. Нет, лучше встать! Эта палатка – как гроб. Надо выбраться из нее. Здесь слишком тоскливо.

Нельзя подняться, ноги не держат. Придется ползком.

Он лежит ничком, головой к выходу. Постепенно силы возвращаются к нему. Он опять думает.

Не дошел русский человек до полюса. Умер, скажут, в пути, не свершив обещанного подвига. Пошумел, рванулся изо всех сил и упал...

Он стонет – так ясно видит свою судьбу.

Пойдет ли кто-нибудь по следу твоих нарт? Или он навсегда сгинет под снегом? Дорога на полюс, ты открыл ее, – увидит ли она других

русских – удачливых, счастливых твоих последователей?

Никогда он не чувствовал себя так неотделимо слитым с родиной, как здесь, в палатке, за тысячи верст от России.

Собаки завизжали. Он вслушивается: скрипит снег, идут! Замерз или не замерз пролив?

Они кричат. Что случилось? Опираясь на руки, он тянется к выходу из палатки. К нему подбегают Пустошный и Линник.

– Что там?

– Солнце, Георгий Яковлевич, – выходите! Седов поднимается на ноги без помощи матросов.

Шатаясь, он стоит у входа в палатку. Руки, вцепившиеся в брезент, дрожат. Голова обнажена. Лицо поднято.

По низу струится снег. Выше – громоздятся обледенелые кручи. Вершины завернуты в серую вату. И над этим холодным миром висит огненная капля солнца. Пробиваясь лучами сквозь завесы тумана и снега, солнце светит в лицо человеку. Вездесущее, оно обогревает песчаник Кривой Косы, блестит на камне и стеклах Петербурга. Солнце родины, оно видит нас!

Седов не отводит глаз от солнца. Бледные губы его шевелятся. Матросы думают: начальник молится.

Но розовый диск бледнеет, растаивает, исчезает в облаках. Матросы подходят к Седову, становятся по обе стороны начальника. Их лица черны от мороза и ветра. Все трое молчат.

Вечером, при свете примусной горелки, едва удерживая карандаш в дрожащей руке, Седов пишет:

«...Воскресенье, 16 февраля.^[25]

...Увидели выше гор впервые милое, родное солнце. Ах, как оно красиво и хорошо! При виде его в нас весь мир перевернулся. Привет тебе, чудеснейшее чудо природы! Посвети нашим близким на родине, как мы ютимся в палатке, как больные, удрученные, под 82 градусом с(еверной) широты...»

Карандаш выпадает из его руки, фраза остается не оконченной.

.....

На другой день он записал только: «Понедельник, 17 февраля»...

Солнце родины светило ему в последний раз. Впереди была вода. Если бы не вода была, а лед, он шел бы дальше, до последнего вздоха.

В ночь на двадцатое (пятое марта по нашему стилю) ртуть в термометре сползла ниже сорока. Никто не спал в палатке. Жгли последний керосин. Седов вылез из мехового мешка, присел к примусу. Лицо его,

заросшее бородой, было синевато-бледным, рот полуоткрыт, ресницы опущены. Линник обнял начальника за плечи, – чтобы не упал грудью на пламя.

– Фрам в палатке? – спросил Седов.

– Здесь, – ответил Линник.

В палатку доносился время от времени жалобный визг: замерзали собаки. Пустошный сказал:

– Принесу банку, – и кивнул на Седова.

Он вылез. Сразу зазвенело в ушах. Стараясь не дышать, согнувшись, побежал к нарте, где лежало продовольствие. Нужно было отвязать брезент, найти жестянку. Закружилась голова. Во рту почувствовал что-то сладкое. Поднес рукавицу к губам и понял: кровь. Сжало виски. Он опустился на колени перед нартой. Небывалая слабость охватила его. Из рта и ноздрей вытекали, замерзая, тяжелые струйки крови. Не имея силы встать, он пополз на четвереньках назад, в палатку.

Линник увидел его, понял. Сжал только губы, ничего не сказал. Седов сидел с закрытыми глазами.

Потом они грели на примусе банку с супом, которую принес Линник. Седов поднял ресницы, покачал головой: не буду.

Так они сидели всю ночь. Когда настал день, у Седова началась агония. Он дрожал, порывался встать, дыхание вырывалось из его груди с шумом. Он задыхался. Ему нехватало воздуха. Он хотел жить. Вытянув шею, открыв рот, он силился втянуть воздух, которого ему было мало. Поэтому он поднимался, не хотел лежать и с последним вздохом прохрипел:

– Линник, Линник... поддержи... Так он умер.

Матросы накрыли его лицо чистым платком. Они похоронили Седова над морем, на крутой, обледенелой оконечности острова Рудольфа, выдолбив киркой неглубокое ложе и завалив могилу камнями. Крест они соорудили из двух лыж, принадлежавших Седову при жизни. На могильный холм матросы положили флаг, который был предназначен для другой цели: его Седов хотел водрузить на полюсе.

Матросы постояли у могилы и пошли на юг. Здесь нечего им было делать. Но задержал Фрам. Присев на задние лапы, верный пес завыл. Пустошный заплакал.

Линник сказал:

– Подождем.

Фрам стонал над могилой Седова. Матросы крикнули на него. Он поднялся, перешел на другую сторону холма и снова начал.

Линник и Пустошный звали его. Он не глядел на них.

– Догонит, – решили матросы и ушли.

Фрам выл. Тогда они вернулись к могиле, хотели поймать его. Он отбежал от них. Матросы взяли из мешка собачьего корма дня на три и положили перед Фрамом.

– Вот дурень...

– Как человек.

Нарты ползли на юг. Еще два или три раза услышали Пустошный и Линник печальный плач Фрама. Они надеялись, что собака испугается одиночества, догонит их. Но этого не случилось, и больше никто не видел верного Фрама.

Нарты ползли на юг. Нелегко пришлось спутникам Седова на обратном пути. Но все же они пришли в бухту Тихую, где стоял во льдах «Фока». По рассказам матросов и по дневникам члены экспедиции сделали заключение, что Седов погребен на юго-западной оконечности острова Рудольфа – на мысе Бророк [\[69\]](#).

Через пятнадцать лет после смерти Седова к мысу Бророк подошло судно. Это был ледокольный пароход «Георгий Седов». Спустили шлюпку. Несколько человек вышло на берег. Берега острова Рудольфа обрываются в этом месте круто. Люди разбрелись. Перекликаясь между собою и советуясь, они искали могилу Седова. Поиски были безрезультатны. С глетчера, который обрывается в море на мысе Бророк, постоянно обваливаются глыбы. Они уносят в своем падении землю и камни. Прошло много лет после смерти Седова. «Должно быть, прах его унесен в море», решили люди с ледокола. Они собрались над обрывом. Двое из них положили на скалу мраморную памятную доску. Родина помнила о Седове. Все обнажили головы.

Седов, Линник и Пустошный перед отправлением в поход к Северному полюсу.

Потом советские моряки сошли к шлюпке и вернулись на судно.

Прошло еще несколько лет. Остров Рудольфа стал обитаем. Уже и мечта Седова исполнилась – русские люди навсегда утвердили свой флаг – красный флаг страны социализма – на вершине мира. Однажды жители острова сделали находку. Они нашли среди обледенелых камней деревянный шест с заостренным концом и с медной муфтой, на которой было выгравировано неумелой рукой: «Sedov Pol. Exped. 1914». Это был флагшток, который намеревался Седов водрузить на полюсе. Здесь же оказались обрывки флага, оставленного матросами на могиле начальника. Теперь это были коричневато-зеленые лоскутья и комки, напоминающие мох или истлевшую кору. Не лучше выглядели обрывки меховой одежды, веревок и брезента. Все вместе весило не более двухсот граммов. Поблизости лежал коричневый от ржавчины топорик с треснутым топорщиком.

Все это было найдено не на мысе Бророк, где предполагалась могила Седова, а на мысе Аук, который находится в нескольких верстах к северо-западу от первого. С тех пор считают, что Георгий Седов был погребен на мысе Аук.

ЭПИЛОГ

«...Когда мы зашли в салон, то нас поразили беспорядок, разбросанные вещи... В каюте Седова – на нарах Кушаков, Визе и Павлов; в каюте Визе – больной Лебедев, Кизино и Пищухин; Пинегин спит на диване в оленьем мешке... В каюте Павлова – метеокабинет. Тут же навалена дичь. Три каюты разломаны. Коноплев и Коршунов лежат в бывшей каюте доктора – больные. Я устроился в каюте Пинегина, Линник под Инютиным. В коридоре на стенах – снег. На полу много сору и воды. Все смотрят как-то угрюмо...» [\[70\]](#)

Так описал матрос Пустотный обстановку на «Фоке» 19 марта 1914 года, когда вместе с Линником он вернулся из трагического похода полярной партии. В их отсутствие умер от цынги механик Иван Андреевич Зандер.

Без Седова жизнь на «Фоке» была безрадостной. Исчезла дисциплина. С каждым днем обострились отношения между Кушаковым и другими членами кают-компании. Матросы ненавидели Кушакова.

30 июля «Фока» покинул бухту Тихую, а в конце августа пришел в Архангельск. Обратное плавание «Фоки» было весьма тяжелым. Не было топлива – «Фока» постепенно сжигал самого себя: обшивку, стены, бимсы, [\[26\]](#) мебель.

Во время этого похода произошел взрыв возмущения команды против Кушакова. После того как он ударил Линника по лицу, матросы отказались подчиняться приказам и потребовали от командного состава «обращения, которому вас учил покойный начальник» [\[71\]](#).

Когда корабль экспедиции прибыл в Архангельск, то почти первым побуждением местных и петербургских властей было – расследовать, не убит ли Седов матросами Линником и Пустотным. Родилась версия, казавшаяся правдоподобной: Седов отправился из бухты Тихой к полюсу в сопровождении двух «простых» матросов; известный своей настойчивостью, лейтенант Седов, должно быть, шел на север и вел за собой матросов, невзирая ни на какие трудности; матросы могли убедиться, что им грозит смертельная опасность в случае продолжения похода, и, зная, что Седов назад не повернет, могли сговориться и убить его...

К счастью, следствие очень скоро привело к полной реабилитации смелых товарищей Седова. Матросов отпустили...

Никто не назвал истинных убийц Седова. А между тем они

продолжали содействовать его гибели и после отправления «Фоки» из Архангельска. В 1913 году нужно было послать Седову обещанный вспомогательный пароход. Комитет, возглавляемый Сувориным, заявил, что деньгами для этого он не располагает. Министры – морской, финансов, торговли и промышленности – с полным единодушием высказались против оказания помощи Седову. Пароход послан не был [{72}](#).

В следующем году возник вопрос уже не о вспомогательном судне с углем, а о спасении Седова [{73}](#). О судьбе экспедиции Седова, а также двух других экспедиций, исчезнувших без вести, – Русанова и Брусилова [{74}](#), – заговорили в русской и иностранной печати. Престиж правительства требовал на этот раз организации широких спасательных работ.

Несколько месяцев длилась междуведомственная переписка [{75}](#). Среди других бумаг, сохранившихся по этому делу, обращает на себя внимание доклад генерал-лейтенанта Жданко в главный морской штаб. Командовать спасательной экспедицией было предложено ряду высших морских офицеров: капитану 1-го ранга Коломейцеву, капитану 2-го ранга Новопашенному, капитану 1-го ранга Вяземскому, отставному контрадмиралу Цвингману, Трояну, Иванову 6-му, Паттону и др.

«Что касается лиц, которым предложено принять на себя начальствование экспедицией, – писал Жданко, – то все просили время на размышление, а затем все отказались... В заключение считаю долгом сказать, что из сношений с нашими морскими офицерами я не мог не видеть, насколько непопулярен, чтобы не сказать более, Седов среди них, ***и я очень сомневаюсь, чтобы нашелся русский морской офицер, который по доброй воле отправился бы на розыски Седова***».

Конечно, не характер Седова возбудил к нему ненависть в этой среде. С многими из перечисленных господ он, наверное, и знаком не был. Благородные каперанги и контрадмиралы мстили Седову за его смелость и ум, за то, что этот «выскачка» из крестьян не захотел выслуживаться перед начальством, а предпочел служить родине.

Спасательная экспедиция все же была снаряжена под командой Ислямова [{76}](#). Это было широко задуманное (несколько пароходов, радио, самолет), но запоздалое предприятие. Пароход с углем, посланный Седову во-время, обошелся бы в десять раз дешевле.

Те, кто погубил Седова, устроили соответствующую встречу его спутникам.

Комитет, расплатившись с офицерским составом, не нашел денег, чтобы уплатить жалованье матросам. Команда «Фоки» голодала в

Архангельске, как будто здесь было продолжение зимовки. 30 сентября матросы обратились с телеграммой к царю.

«Два года тому назад под командою ст. лейт. Седова мы отправились в экспедицию к Северному полюсу, – писали матросы. – Нам было обещано, что о семьях наших позаботятся, и мы смело шли за нашим начальником. Много лишений и много невзгод нам пришлось перенести вследствие недостаточного оборудования экспедиции. Чаша испытаний переполнилась, когда наш дорогой начальник, настойчиво преследуя свою заветную мечту водрузить русский флаг на Северном полюсе, погиб смертью идейного мученика. Мы возвращались домой изнуренные, жаждущие отдыха. На Земле Франца-Иосифа, кроме Седова, погиб Зандер. Мы, остальные, были почти сплошь больные; двое лежат в больнице. Вместо отдыха на родине нас ждало горькое разочарование: нас бросили на произвол судьбы на полуразрушенном экспедиционном судне без гроша денег. Весь офицерский состав получил полностью следуемое жалованье и немедленно же уехал; нам же не заплатили заслуженного...» Последовала благожелательная резолюция. Через девять дней Жданко телеграфировал в Архангельск: «Деньги по ассигнованию будут переведены губернатору, объявите команде об этой заботливости о них морского министра» [\[77\]](#). Прошло еще две недели, но деньги выданы не были.

Между тем комитет объявил себя хозяином судна и промысловой добычи, бывшей на «Фоке». По заявлению матросов, на «Фоку» был наложен арест. Об этом стали писать в газетах. Так плавание «Фоки», начавшееся молебном, окончилось скандалом.

Тем временем известие о смерти Георгия Седова докатилось до берега Азовского моря. Здесь, в хуторе Кривая Коса, о ней узнала семья лейтенанта. В ноябре Яков Евтеевич подал прошение о пенсии: «Прошу администрацию морской экспедиции не отказать мне в вспомоществовании, дабы дожить, не имея крайней нужды в одежде, топливе и хлебе. Проситель Яков Седов неграмотный, а за него по его личной просьбе расписался Николай Зарубин» [\[78\]](#).

Через три месяца канцелярия наказного атамана войска Донского сообщила в Главное гидрографическое управление, что «отец погибшего ст. лейт. Седова – Яков Седов из имущества имеет лишь хату, построенную из камыша и глины, стоящую 120 руб., с крайне бедной в ней обстановкой, состоящей из трех старых столов и четырех таких же стульев. Семья его состоит из него самого, 72-х лет, жены, 70-ти лет, и живущего отдельно сына, 46 лет. Последний живет очень бедно и никакой материальной

помощи оказывать отцу не в состоянии. Сам Седов, по своей старости, ни к какому труду не способен; существовал на те средства, которые получал от покойного сына. В пособии весьма нуждается».

Пенсии все-таки не дали. Яков Евтеевич посылал прошение за прощением, но безрезультатно ^{79}. Наконец, осенью 1916 года атаману Ново-Николаевской станицы была прислана из Петербурга бумага. В ней предписано было: «Объявить проживающему на хуторе Кривая Коса Якову Евтееву Седову, что морское министерство не имело и не имеет никакого отношения к полярной экспедиции... Расписку Якова Седова в объявлении ему вышеизложенного канцелярия просит прислать ей» ^{80}.

Яков Евтеевич был позван к атаману, бумага была ему прочитана, но расписаться он не мог, и за него руку приложил понятой.

Этой бумагой и заканчивается архивное дело о первой русской экспедиции к Северному полюсу.

Господа из морского министерства не могли сильнее выразить свое равнодушие к делу завоевания Арктики, свою неприязнь к памяти благородного путешественника и свою барскую ненависть к крестьянину-бедняку.

*

Седов погиб в первый год империалистической войны, накануне революции. Его имя замыкает собой длинный список русских исследователей-одиночек. Трагическая фигура Седова стоит у самой границы новой эпохи завоевания Арктики. Люди, пришедшие вслед за ним на Землю Франца-Иосифа, были уже гражданами социалистической родины. На острове Рудольфа, где оборвался жизненный путь Седова, построен ему достойный памятник – советская полярная станция. Отсюда стартовали на полюс советские люди, наученные партией Ленина– Сталина не отступать перед трудностями, ломать все препятствия на пути к цели.

Через несколько лет после плавания «Фоки» началась новая эра в исследовании и освоении полярных стран. Уже не смельчаки-одиночки вступают в бой с жестокой природой Севера. Большевикски спаянные, организованные отряды отважных полярников ведут планомерное и победоносное наступление в Арктике.

Северный морской путь из Европы в Тихий океан, о котором несколько веков мечтало человечество, открыт для регулярных плаваний. Ему служат

десятки полярных станций – аванпостов социалистической науки на далеком Севере.

Советский народ знает и высоко ценит труд полярников. Не одиночество, не равнодушие ожидают в нашей стране героя, а всеобщая любовь и поддержка. Партия, правительство, весь народ по-сталински заботятся о бесстрашных полярниках.

Четверть века прошло после смерти Седова. В 1939 году на XVIII съезде партии выступил Иван Дмитриевич Папанин, Герой Советского Союза, начальник первой зимовки «Северный полюс». С трибуны большевистского съезда прозвучали слова о Седове, о том, что мечта его осуществилась и честь освоения Арктики принадлежит нашей стране.

Слава Седова, возрожденная советским народом, живет в наши дни: она в медных буквах, привинченных к обшивке легендарного ледокола, она и в живой, сегодняшней нашей речи – в новом слове «седовцы» – синониме большевистской смелости и победы.

Память о Седове жива в народе. Флаг, который хотел он водрузить на полюсе, истлел, но дело и подвиг его нетленны.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Г. Я. Седов, Путешествие на Колыму в 1909 г., – «Записки по гидрографии», т. XLII, вып. 2–3. Петроград, 1917 г.
2. Г. Я. Седов, Экспедиция по исследованию губы Крестовой на Новой Земле в 1910 году. – «Записки по гидрографии», т. XLII. Петроград, 1919 г.
3. Г. Я. Седов, Право женщин на море. СПб, 1908 г.
4. «Комитет для снаряжения экспедиции к Северному полюсу и по исследованию русских полярных стран». СПб, 1912 г.
5. «Первая русская экспедиция к Северному полюсу». СПб, 1912 г.
6. «Русские путешественники в полярные страны и к Северному полюсу. Снаряжаемая экспедиция старшим лейтенантом Седовым». СПб, 1912 г.
7. «Новое Время», «Речь», «Архангельск», «Голос Москвы», «Русское Слово», 1912–1914 гг.
8. П. Кушаков, Два года во льдах на пути к Северному полюсу. – «Записки по гидрографии», т. XLII, Пг., 1918 г., т. XLIII, Пг., 1919 г.
9. В. Визе, Пересечение Новой Земли по 76° северной широты. – «Известия Архангельского об-ва изучения русского Севера» № 7–8, 9-10, 1917 г.
10. В. Визе, Год на Земле Франца-Иосифа. – «Известия Архангельского об-ва изучения русского Севера» № 3, 4, 5, 6, 7, 1918 г.
11. В. Визе, Перевалом через ледниковый покров Новой Земли– «Записки по гидрографии», т. XLIX. Л., 1925 г.
12. Н. Пинегин, В ледяных просторах. Л., 1933 г.
13. В. Симановский, Экспедиция Седова к Северному полюсу. Архангельск, 1919 г.
14. С. Нагорный, Об экспедиции Г. Я. Седова. – «Советская Арктика» № 3, 1938 г.
15. «Царское правительство и экспедиция Г. Я. Седова», вступительная статья С. Нагорного, документы. – «Красный архив» № 3(88), 1938 г.

Примечания

1

Плавник – бревна, вынесенные в океан течением сибирских рек и выброшенные на берег прибоем.

Шитик и коча – типы древинд. промысловых судов.

3

К а р б а с – большая промысловая лодка, до десяти весел, обычно двухпарусная.

4

Морда—особый рыболовный снаряд.

5

Стружок – лодка, выдолбленная из осиновой колоды.

6

Азимут – угол, образуемый направлением движения и направлением на север.

Э. В. Толль – известный русский полярный путешественник, исследователь Новосибирских островов, погиб в 1902 г. в районе острова Беннета.

Кильсон – брус, который кладут кораблестроители внутри судна на киль, поверх шпангоутов; форштевень – носовая оконечность судна, составляющая на деревянных судах продолжение киля; привальные брусья кладут вдоль борта, чтобы поддерживать бимсы – поперечные брусья, на которых лежит палуба; дейдвуд – нижняя, узкая часть носа и кормы, заполненная деревянными брусьями.

9

40,64 метра в длину и 9,21 метра в ширину.

10

Каюр – погонщик собак.

Секстант – астрономический инструмент, служащий для определения географического положения судна.

Люковицы – доски, которыми закрывают люки трюмов.

Бейдевинд – курс судна, составляющий с направлением ветра угол меньше 90 градусов.

«Брать рифы» значит уменьшать площадь паруса, пользуясь так называемыми риф-сезнями (ряд коротких веревочек продетых на обе стороны паруса).

15

Грот-мачта – вторая от носа мачта, выше остальных.

Ванты—снасти корабля, при помощи которых укреплены мачты.

Мензуральная съемка – съемка планов местности при помощи мензулы – землемерного инструмента.

Пешня – примитивный инструмент в роде лома, служащий для прорубания льда; имеет железный заостренный наконечник на крепкой деревянной ручке.

Саре Флора – мыс Флора на Земле Франца-Иосифа.

Баргоут – обшивка судна на уровне воды. Делается обычно толще других, так как она подвергается ударам льда.

«Здесь прошел „Ермак“».

Ропаки – нагроможденные мелкие льдины, результат сжатия ледяных полей.

23

NW – северо-восток.

Равдужные паруса – паруса из выделанной оленьей шкуры.

25

1 марта 1914 г.

Стеньга – составная часть мачты, ее верхнее продолжение; бимсы – балки, установленные поперек судна под палубой и соединяющие правую и левую сторону одних и тех же шпангоутов.

comments

Комментарии

Книг о Седове до сих пор не было. Публиковавшаяся в ряде случаев его биография представляла собой более или менее точные вариации той биографической справки, которая заняла не более ста строк в газетах 1912 года.

Экспедиция Седова к Северному полюсу была описана подробно лишь в одной книге – Н. Пинегина, который сам был участником плавания на «Фоке» («В ледяных просторах», Л., 1933 г.). Проф. В. Ю. Визе, также бывший спутником Седова, опубликовал лишь небольшие по объему отрывки из дневника и научные очерки «Пересечение Новой Земли под 76° северной широты» («Известия Архангельского общества изучения русского Севера», 1917 г., № 7–8, 9–10; «Год на Земле Франца-Иосифа» – там же, 1918 г., № 3, 4, 5, 6, 7; «Последний путь Г. Я. Седова» – «Новый мир», 1939 г., № 3).

Архивные материалы до последнего времени не публиковались. Документы, касающиеся Седова, никогда до сих пор ни в каком научном обороте не были, никем не систематизировались и, пожалуй, в большинстве, не читались. В Центральном государственном военном-морском архиве удалось найти всю переписку Главного гидрографического управления, посвященную Седову. Впоследствии этот великолепный фонд был подготовлен к публикации тт. Варфоломеевым и Шиловым и напечатан в журнале «Красный архив» № 3 (88) с нашей вступительной статьей.

С не менее важными материалами удалось познакомиться благодаря содействию работников архива Академии наук. Здесь оказалась «Книга приказов» Седова, подлинный и полный дневник П. Кушакова, переписанные рукой Кушакова дневники Седова и матроса Пустошного, часть вахтенного журнала «Святого Фоки», отчеты, рапорты, акты, письма, телеграммы и т. п.

Наконец, в музее Арктики, в Ленинграде, обнаружился один том вахтенного журнала и документы, касающиеся одного из многих конфликтов Кушакова с матросами.

Но поистине драгоценным оказался личный архив вдовы героя-полярника – Веры Валерьяновны Седовой, которой автор приносит глубокую благодарность за помощь, оказанную ему при написании этой книги. У В. В. Седовой сохранились письма Георгия Яковлевича от 1910

года до конца 1912 года, тетради, в которых Седов делал свои разнообразные записи во время экспедиции, а также копия его дневника, веденного в последние дни жизни – во время рокового похода к полюсу.

Изучение всех этих разнообразных материалов не только дало возможность значительно дополнить известные по печатным источникам свидетельства о Седове и его экспедиции, но также послужило основанием для ряда новых выводов о личности полярного исследователя. Ход экспедиции, отношения между ее участниками, причины трагической гибели Седова – все это получило новое освещение.

Г. Я. Седов, Путешествие на Колыму в 1909 г. – «Записки по гидрографии», т. ХLI, вып. 2–3, Петроград, 1917.

А. И. Вилькицкий (1858–1913) – крупный деятель гидрографии, был начальником Главного гидрографического управления морского министерства до 1913 г. (Не следует путать с Борисом Вилькицким, его сыном, совершившим в 1914–1915 гг. плавание из Владивостока в Архангельск на транспортах «Таймыр» и «Вайгач».)

Письма неперменного секретаря Академии наук Ольденбурга от 1 марта и 10 декабря 1910 г. (Личный архив В. В. Седовой.)

Обстоятельства женитьбы Г. Я. Седова сообщены В. В. Седовой.

Случай с пароходом «Султан» сообщен Иосифом Александровичем Кизино, бывшим матросом, служившим под начальством Седова в гидрографической экспедиции Каспийского моря в 1911 г. и, в качестве буфетчика, в экспедиции к Северному полюсу.

См. послужной список Седова в Центральном государственном военно-морском архиве (ЦГВМА).

В. Я. Чичагов – командовал первой (1765) и второй (1766) экспедициями, организованными русским правительством по инициативе М. Ломоносова для поиска «морского проходу Северным океаном в Камчатку». Ломоносов ошибочно предполагал, что в северных широтах «в отдалении от берегов сибирских» Ледовитый океан свободен ото льда и удобен для мореплавания. Чичагов должен был начать плавание от Шпицбергена к берегам Северной Америки, а затем – к Берингову проливу. Ни первая, ни вторая попытки результатов не дали.

С. О. Макаров (1848–1904) – адмирал, инициатор и автор проекта ледокола «Ермак», на котором он сделал несколько неудавшихся попыток проникнуть в центральный бассейн Арктики. Погиб во время русско-японской войны на броненосце «Петропавловск».

Личный архив В. В. Седовой.

Г. Я. Седов, Экспедиция по исследованию губы Крестовой на Новой Земле в 1910 г. – «Записки по гидрографии», т. XLIII, 1919.

См. послужной список.

Н. Пинегин в книге «В ледяных просторах», Л., 1933, пишет: «После цусимского разгрома он (Седов) представил адмиралу Скрыдлову дерзкий проект, снарядив эскадру шлюпок, вооруженных минами Уайтхэда, потопить на Симонесекском рейде несколько японских броненосцев. Проект получил одобрение, но не осуществился, – был заключен мир». Это интересное сообщение, к сожалению, не подтверждено документально.

Виллем Баренц (1550–1597) – голландец, знаменитый исследователь Арктики. В поисках Северного морского пути из Европы в Китай и Индию, о котором мечтали европейские купцы, Баренц совершил три плавания в полярные моря. Умер от цынги на северном острове Новой Земли, берега которой были им исследованы с большой тщательностью.

Савва Лошкин – промышленник-олончанин, в шестидесятих годах XVIII века плывал вокруг Новой Земли.

Эдуард Иоганнесен (норвежец) – промышленник, известен смелыми плаваниями в Баренцевом и Карском морях, во время которых он производил научные наблюдения. Открыл в 1878 г. остров Уединения в Карском море, но, впрочем, неверно определил его местонахождение.

В. А. Русанов – полярный исследователь. В 1908 г. участвовал во французской экспедиции Бенара на Новую Землю, причем пересек северный остров, от Крестовой губы до залива Незнаемого. В 1909 г. снова производил исследования на Новой Земле. В 1910 г. на моторном судне «Дмитрий Солунский» обошел весь северный остров Новой Земли. В 1912 г. отправился на «Геркулесе» на Шпицберген, оттуда – в экспедицию, к которой он готовился тайно от всех, – Северным морским путем в Берингов пролив. Об этом он оставил записку в Поморской губе на Новой Земле. После этого двадцать два года не было ничего известно о судьбе «Геркулеса». В 1934 г. были найдены) на островах Вейзель и Безыменном различные предметы, принадлежавшие спутникам Русанова. Эти находки несколько разъяснили картину гибели экипажа «Геркулеса», происшедшей в восточной части Карского моря в 1913 г. Русанов, очевидно, пытался пройти в устье Енисея после того, как судно было зажато или погибло во льдах.

Сообщено В. В. Седовой.

Генерал-майор Варнек, гидрограф, был начальником Седова на «Пахтусове». Бровцын – сослуживец Седова по каспийской экспедиции.

В. И. Ленин, Собр. соч., т. XXX, стр. 192–193.

См. «Борьба за Северный и Южный полюсы», Аксель Альман. (Перев. с датского.)

В 1911 г. англичанин капитан Р. Скотт достиг, в итоге огромных усилий, Южного полюса, но нашел здесь следы норвежца Амундсена, опередившего его на один месяц. На обратном пути Скотт и его спутники погибли. Драматические обстоятельства гибели мужественных полярников привлекли внимание всего мира.

Экспедиция А. Э. Норденшельда на «Вега» в 1878–1879 гг. впервые прошла из Европы в Тихий океан Северным морским путем. Она финансировалась шведским королем, О. Диксоном и русским капиталистом А. Сибиряковым. Эта экспедиция успешно завершила попытки, начатые в XVI веке. В 1932 г. советская экспедиция на ледоколе «Сибиряков» сделала следующий шаг – прошла Северный морской путь за одну навигацию – в два месяца и пять дней. С этого времени плавания Северным морским путем становятся регулярными и приобретают крупное оборонное и народнохозяйственное значение.

Центральный государственный военно-морской архив, фонд 1402, 1912 г., д. № 8525, лл. 2–3. Докладная записка включала в себе также и «программу плавания». Приводим ее полностью.

«1. Экспедиция выходит из Архангельска в Северный Ледовитый океан около 1 июля 1912 г.

2. Первый курс экспедиция держит к берегам Земли Франца-Иосифа, где и зимует.

3. Во время зимовки на Земле Франца-Иосифа экспедиция, по возможности, исследует берега этой земли, описует бухты и находит якорные стоянки, а также изучает остров в промысловом отношении: собирает всевозможные коллекции, могущие встретиться здесь по различным отраслям науки; определяет астрономические пункты и делает целый ряд магнитных наблюдений; организует метеорологическую и, гидрологическую станции; сооружает маяк на видном месте у наилучшей якорной бухты.

4. С первыми лучами солнца в 1913 г. экспедиция идет дальше к северу или на судне или пешком по льду со шлюпками и собаками, в зависимости от состояния океана. На Земле Франца-Иосифа оставляется запас провизии в домике, который экспедиция имеет в виду построить. Если судно будет оставлено на Земле Франца-Иосифа и экспедиция пойдет к полюсу пешком, то вместе с ним будет оставлена и часть экипажа, которая, до возвращения полюсной партии, будет заниматься непрерывными метеорологическими, гидрологическими и др. наблюдениями.

5. Полюсная партия во главе с начальником экспедиции идет с необходимым запасом провизии и инструментами к полюсу с таким расчетом, чтобы в течение всего светлого времени года (с марта по октябрь, приблизительно около 6 месяцев) достигнуть полюса и вернуться обратно к своему судну или в Гренландию, в зависимости от состояния океана и обстоятельств, а затем уже и в Россию.

6. В полюсную партию войдут: четыре человека, собаки, шлюпки, сани, нарты, палатка и двуколки, в которых вместо колес будут лыжи или полозья в зависимости от дороги. Партия также будет хорошо снабжена охотничьими ружьями и съедобными лепешками для людей и собак.

7. Если понадобится итти на судне и севернее Земли Франца-Иосифа, то тогда экспедиция оставляет судно с частью экипажа у границы льдов, а

сама пешком идет дальше. От полюса обратно экспедиция возвращается по возможности к судну. Если выгоднее будет пробиться к ближайшему берегу Гренландии, то экспедиция к судну не вернется. Судно в обоих случаях, будет ли оно ждать возвращения партии на Землю Франца-Иосифа или у границы льдов, по заранее составленному условию, выждав известный срок, уходит без партии домой, если она к этому сроку не подоспеет.

8. Во все время путешествия экспедиция будет вести метеорологические, гидрологические и др. наблюдения.

9. Экспедиция предполагает вернуться обратно: ранее – осенью 1913 г. и позднее – летом 1914 г.

Личный состав

1. Начальник экспедиции, он же командир судна.
2. Помощник командира судна (штурман).
3. Геолог.
4. Естествовед, он же оператор.
5. Механик.
6. Художник, он же фотограф.
7. 8 матросов.

Всего 14 человек.

Программа плавания составлена сообразно со средствами в 60–70 тысяч рублей.

Об изложенном вашему превосходительству доношу.

Капитан Седов».

Письмо Варнека. (Личный архив В. В. Седовой.)

П. П. Семенов-Тяньшанский – знаменитый географ, исследователь Центральной Азии. Возглавлял Географическое общество, руководил составлением многих капитальных работ по географии России.

«Новое Время», 22 марта 1912 г.

ЦГВМА, фонд 1402, 1912 г., д. № 8525, лл. 7–8. Среди подписавших «законодательное предположение» членов Государственной думы сорок два принадлежали к «умеренно-правым», «русской национальной фракции» и к «правым октябристам», семь человек были «кадеты» (конституционно-демократическая партия).

Вот несколько имен из списка членов комитета (первые в списке): П. Н. Балашев, член Государственной думы; граф В. А. Бобринский, член Государственной думы; П. И. Белавенец, капитан 2-го ранга; Ф. С. Груздев, редактор журнала «Природа и жизнь»; фон Гюббенет, член Государственной думы; В. В. Шульгин, член Государственной думы; Р. А. Вильтон, корреспондент газеты «Таймс»; В. М. Иванов, генерал-лейтенант; А. В. Рубакин, купец; М. А. Суворин, редактор «Нового Времени».

ЦГВМА, фонд 1402, 1912 г., д. № 8525, л. 16.

Выписка из особого журнала совета министров, 17 мая 1912 г. – ЦГВМА, фонд 1402, д. № 8525, л. 46.

Вырезка из газеты с резолюцией сохранилась в делах Главного гидрографического управления в ЦГВМА. О разговоре Вилькицкого с Седовым сообщено В. В. Седовой.

А. В. Колчак (1873–1920) – морской офицер, во время гражданской войны при содействии интервентов захватил власть в Сибири и получил в народе прозвище «верховный вешатель». В 1920 г. был расстрелян по постановлению Иркутского ревкома.

Л. Л. Брейтфус – был заведующим гидро-метеорологической частью Главного гидрографического управления.

См. «Записки по гидрографии», т. XLII, вып. 1–3, 1918 – предисловие Л. Брейтфуса к дневнику П. Кушакова.

«Речь» от 6 мая 1912 г.

См. «Новое Время» от 15 июня 1912 г.

Личный архив В. В. Седовой.

ЦГВМА, фонд 1402, 1912 г., д. № 8525, л. 53.

Григорий Григорьевич Линник (род. в 1887 г.) – участник экспедиции Седова, матрос, плавал на Черном море и на Дальнем Востоке.

Архив Академии наук, фонд 75, опись 6, № 3 – «Приказы начальника экспедиции к Северному полюсу». В приказе № 1 Седов писал: «Сегодня отплывает первая русская экспедиция к Северному полюсу, снаряженная на средства особого комитета под председательством Михаила Алексеевича Суворина. Комитет за краткостью времени не имел возможности собрать путем частных пожертвований достаточных средств на снаряжение экспедиции, а потому принужден был или выдать долговые обязательства или затратить личные средства отдельных его членов. Во всяком случае, так или иначе, комитет довел свое дело до конца – осуществил великую идею Ломоносова, дал возможность впервые развернуться русскому знамени за обладание Северным Ледовитым океаном вплоть до полюса...

Конечно, экспедиция, во главе которой стоять выпала большая честь на мою долю, я уверен, с гордостью, по мере своих сил, выполнит это почетное поручение и тем оправдает высокое доверие жертвователей, которое на нас возлагается как с точки зрения идейного величия страны, так и научных работ в неизвестных заполярных областях...

Для прохождения службы в экспедиции и взаимоотношения ее начальника, участников и команды полагаю необходимым для пользы дела и для общего благополучия применить во всей строгости Морской устав (кн. X. Свода морск. постановлений)...Где порядок, там победа!

В заключение должен сказать, что успех нашей экспедиции не будет зависеть все-таки и от тех строгих мер и порядка, которые я применяю в данном случае, а исключительно от долга совести каждого участника и рабочего, от непринужденного старания, от свободного, убежденного труда на благо отечества и науки.

Поэтому я и обращаюсь здесь ко всем участникам экспедиции и рабочим с глубокой просьбой дружно объединиться в сознании общего долга, усердно работать и с победой выйти из начатого нами дела. Я же всюду с вами и впереди вас. Бог в помощь!.. В добрый час!»

В книге приказов на этой же странице имеется позднейшее примечание Седова: «Экспедиция по независящим от нее причинам вышла из Архангельска в плавание не 8, а 14 августа» (ст. стиль).

Письмо было опубликовано 18 декабря 1913 г. в «Новом Времени».

«Приказы начальника экспедиции к Северному полюсу». (Архив Академии наук, фонд 75, опись 6, № 3.)

Владимир Юльевич Визе (род. в 1886 г.) – профессор, крупный исследователь Арктики, метеоролог и океанограф. Экспедиция на «Святом Фоке» была его первым путешествием в Арктику. В 1928 г. командовал экспедицией на «Малыгине», разыскивая команду погибшего дирижабля «Италия». В 1932 г. был руководителем научных работ на «Сибирякове», проделавшем путь из Архангельска во Владивосток в одну навигацию.

Письмо Г. Я. Седова жене 1 сентября 1912 г. (Личный архив В. В. Седовой.)

«Два года во льдах на пути к Северному полюсу с экспедицией старшего лейтенанта Седова» П. Г. Кушакова. – «Записки по гидрографии», тт. XLII и XLIII. В «Записках по гидрографии» дневник Кушакова обрывается на 9 декабря 1912 г. Вся остальная, большая часть дневника, доведенного до осени 1914 г., хранится в архиве Академии наук (фонд 75, опись 6, №№ 5, 21, 42), отчасти в машинописном, отчасти в рукописном виде. П. Г. Кушаков вел свои записки весьма подробно – в целом дневник составил бы несколько объемистых томов. Однако пользоваться свидетельствами Кушакова можно лишь с большой осторожностью, принимая во внимание нравственную и политическую физиономию этого человека и его отрицательную роль в экспедиции.

ЦГВМА, фонд 1402, 1912 г., д. № 8525, лл. 70–71.

Письмо Г. Я. Седова жене 2 сентября 1912 г. (Личный архив В. В. Седовой.)

Там же.

«Два года во льдах на пути к Северному полюсу» П. Г. Кушакова. – «Записки по гидрографии», т. XLII.

См. Л. Брейтфус, предисловие к дневнику Кушакова. – «Записки по гидрографии», т. XLII.

Приказ № 22 от 17 октября 1912 г. (Архив Академии наук, фонд 75, опись 6, № 3.)

Подробное описание этого похода сделано Кушаковым со слов Седова.
(Архив Академии наук, фонд 75, опись 6, № 5.)

Приказ № 14 от 1 июля 1913 г. (Архив Академии наук, фонд 75, опись 6, № 3.) В этом же приказе Седов писал: «Таким образом, наша экспедиция, не задаваясь будущим, уже сделала кое-что для науки. Впереди поход к Северному полюсу. Эта задача экспедиции – вторая задача, так сказать, идейная, связанная с именем русского человека и честью страны. Поэтому надеюсь, что мы и в этом походе покажем свое усердие, мужество и отвагу и также с победой выйдем из него...»

Заявление «офицерского состава», цит. по «Судовому журналу экспедиции к Северному полюсу» (с полуночи 12 (25) мая 1913 г. по 18 марта 1914 г.) (Музей Арктики, Ленинград.)

В газете «Архангельск» 23 сентября (6 октября) 1914 г. в статье «Изнанка экспедиции к Северному полюсу» читаем: «Как уверяет команда, был момент, когда офицерский состав экспедиции, истощив все доводы, чтобы склонить Седова к возвращению обратно, составил нечто вроде акта, в котором проводилась мысль о необходимости возвратиться на материк. Г. Я. Седов, долгие часы простоявший перед этим на мостике, когда увидел эту бумагу, сказал только членам экспедиции:

– Требую итти на Землю Франца-Иосифа. Эх вы, трусы!.. – и, взволнованный, ушел к себе в каюту. А через несколько минут снова вышел на вахту и простоял едва ли не круглые сутки. После такого заявления офицеров Седов опросил команду, и команда категорически заявила, что она согласна итти на судне дальше – к Земле Франца-Иосифа».

Отдельные подробности эпизода сообщены И. А. Кизино. См. также дневник Кушакова, (Архив Академии наук, фонд 75, опись 6, № 21.)

Тетради Г. Я. Седова. Запись 29 августа (11 сентября) 1913 г. (Личный архив В. В. Седовой.)

Состав экспедиции и команды в момент оставления «Фокой» Новой Земли: 1) Ст. лейтенант Г. Я. Седов – начальник экспедиции, 2) штурман малого плавания Н. И. Сахаров – штурман судна, 3) И. А. Зандер – механик судна, 4) М. А. Павлов – геолог, 5) П. Г. Кушаков, ветеринарный врач, 6) В. Ю. Визе – географ, 7) Н. В. Пинегин – художник, фотограф, 8) Г. Линник, 9) А. Пустошный, 10) А. Инютин, 11) П. Коноплев, 12) В. Лебедев, 13) И. Кизино, 14) И. Пищухин, 15) Н. Коршунов, 16) Н. Кузнецов, 17) М. Шестаков. В губе Крестовой 7 сентября 1912 г. были списаны: С. Точиллов, А. Куракин, А. Самутин, С. Комков, А. Иванов. В июне 1913 г. были отправлены в Архангельск: 1) Капитан Н. П. Захаров, 2) пом. механика М. Зандер, 3) плотник М. Карзин, матросы: 4) В. Катарин и 5) И. Томиссар.

«Экспедиция к Северному полюсу. Отчет общий с 14 августа 1912 г. по 14(27) июня 1913 г.» (Архив Академии наук, фонд 75, опись 6, № 7.)

См., например, запись в дневнике Кушакова 16(29) января 1914 г. и др. там же.

2(15) декабря 1913 г. Кушаков записал: «Седову и Пинегину я предложил закусить и выпить по рюмке водки на дорогу. Седов, когда все было подано, велел позвать матроса, идущего в экскурсию с ним, посадил его в кают-компанию за стол и начал выпивать и закусывать. Меня это сильно передернуло, и я вышел из кают-компания».

В день отправления Седова с Линником и Пустошным в поход к Северному полюсу, 2(15) февраля 1914 г., Кушаков записал: «Когда сели обедать, к концу явились Линник и Пустошный, и их посадил рядом с собой Седов... У нас с Седовым разные понятия: тот, которого я считаю преступником, прошу предать суду, делается членом офицерской кают-компания... Такой же пример у нас был на Новой Земле с Инютиным...» (Архив Академии наук, фонд 75, опись 6, № 21.)

Приказ № 2 от 3(16) января 1913 г. (Архив Академии наук, фонд 75, опись 6, № 3.)

Там же.

Тетради Г. Я. Седова. (Личный архив В. В. Седовой.)

Дневник Кушакова. Записи 24–27 октября 1913 г. (Архив Академии наук, фонд 75, опись 6, № 21.)

61

Приказ № 23 от 13 (26) октября 1913 г. (Архив Академии наук, фонд 75, опись 6, № 3.)

Рапорт П. Кушакова с резолюцией Г. Я. Седова и показания Линника, Пустошного, Кузнецова, Инютина и Шестакова. (Музей Арктики, Ленинград.)

О том же см. дневник Кушакова, записи 15(28) и 16(29) января 1914 г. (Архив Академии наук, фонд 75, опись 6, № 21.)

«Подав рапорт о предании суду Линника, я уверен, что по возвращении он (Седов) не даст рапорту хода...» писал Кушаков. И на следующий день: «Если взять свод законов, т. X, изд. 1901 г., и просматривать, то видно, что ни один из 10 основных законов не исполняется...»

63

Приказ № 24 от 18 (31) октября 1912 г. (Архив Академии наук, фонд 75, опись 6, № 3.)

Тетради Г. Я. Седова. Запись 31 января (13 февраля) гласит: «Сегодня опять обнаружилось воровство. Замечены негодяи в команде, которые из кладовой крадут, отмыкая замок отмычкой, спирт, молоко, какао и проч. После молитвы говорил по этому поводу с командой и предупредил, что пойманного вора убью на месте для блага всех остальных... Ужасно, до боли расстроился». (Личный архив В. В. Седовой.)

«Судовой журнал экспедиции к Северному полюсу». (Музей Арктики, Ленинград.)

Тетради Г. Я. Седова. Запись 25 января (7 февраля) 1914 г. (Личный архив В. В. Седовой.)

Приказ № 2 от 2(15) февраля 1914 г. «Приказы начальника экспедиции к Северному полюсу». (Архив Академии наук, фонд 75, опись 6, № 3.)

Приказ № 3 от 2(15) февраля 1914 г. Там же.

Обстоятельства рокового похода к полюсу и последние дни жизни Седрва описаны по следующим источникам:

а) Дневник Г. Я. Седова, веденный им с 2(15) февраля по 16(29) февраля 1914 г. систематически. Подлинник утерян. Копия, заверенная секретарем комитета в 1914 г., хранится в личном архиве В. В. Седовой. Приводим его здесь полностью:

«Воскресенье, 2 февраля.

С утра тихо, пасмурно, температура —13° Ц, ночью выпал глубокий снег. Несмотря на это, у нас к отходу все готово. Свету нет, жертвую кинематографом.

В 10 ч. отслужили обедню. Прочли мои приказы, говорили речи: я, доктор и боцман Лебедев. Я, доктор и многие другие прослезилась. В 11 сели за стол позавтракать. В 12 ч. при темп. – 20° и ветре NO/3 под пушечные выстрелы отвалили от судна к полюсу. Свету мало, удалось лишь снять с нас фотографии. Провожали нас верст пять вся здоровая команда и офицеры. Сначала дорога была плохая, но зато собакам помогла команда, а затем дорога улучшилась, а в конце Гукера встретили огромные ропаки, через которые пришлось переправляться благодаря наступившей темноте с большим препятствием. Нарты опрокидывались, и люди падали. Я с больными ногами полетел несколько раз. Пройдя около 8 верст, за темнотой остановились ночевать в проливе за Гукером в 4 ч. дня. На ночь всех собак привязали, кроме трех надежных, чтобы не ушли и чтобы не подпустили медведя, это „Разбойник“, „Ободрыш“ и „Труженик“. Штиль. Морозу около 25°. Собак не кормили, сами же пили только чай. В палатке хорошо, тепло, только ноги мои меня беспокоят.

Понедельник, 3 февраля.

В 9 снялись с лагеря, дорога скверная: выпало много снега, в нарты врезаются в него, собаки еле тащат. Подвигаемся тихо, тормозом является также 3-я нарта, которая без человека. Холод собачий —35°, при этом ветерок прямо в лоб. В Британском канале снял айсберг-арку, видели свежий медвежий след, который шел с севера на юг. В 4 ч., пройдя около 12 верст, остановились ночевать у Кетлицланд. Здесь бросили пару лыж, ветр. рубашки и другие ненужные вещи. Собакам дали сала медв., но они

отказались его есть. Некоторых собак страшно бьет холод. Мы-то боремся, а собакам беда, берем бедняг в палатку. Ноги мои поправляются, слава богу.

Вторник, 4 февраля.

В 9 снялись. Эту ночь „Мальчика“, „Пирата“ отогревали в палатке. Перед запряжкой три собаки удрали: „Пират“, „Мальчик“ и „Ободрыш“, едва поймали. Сколько хлопот с этими собаками! Под утро задрали „Волка“, если бы не выскочил Линник и не отбил, то разодрали бы. Полдень, чудная красная желанная заря. Дорога несколько лучше – снег утрамбовало. Собаки идут хорошо, хотя третий день ничего не едят, сало медвежье есть отказались, сегодня дали по галете, съели. Прошли верст 15, остановились ночевать у N конца Кетлицланд. Сегодня было здорово холодно. Я шел в рубашке, сильно продрог. Спасаемся примусом, жжем керосину около 2 ф. в день. Это вдвое больше положенного, но я надеюсь в Теплиц-бае керосин пополнить. Ропаков много. Сегодня беру в палатку на ночь 4 собаки: „Куцого“, „Мальчика“, „Пирата“ и „Пана“. Все время дует ветер, буквально обжигает лицо, того и смотри отморозит щеки. Морозу 36°. Собакам в морду ветер тоже очень чувствителен; несмотря на работу, все-таки они мерзнут в пути, я на стоянке и говорить нечего.

Среда, 5 февраля.

В 9 снялись. „Пан“, конечно, отогревшись в палатке, удрал на промысел, поймали его только в пути, за что получил хорошую дерку. Сегодня прошли тоже около 15 верит и остановилась ночевать у K. Richthofen, по пути встретили два старых медвежьих следа. Стали попадаться трещины и полыньи, покрытые уже толстым солончаком. Море королевы Виктории темное, вероятно, там вода или большие полыньи, покрытые солончаком. Держусь ближе к берегу, по крепкому льду, но зато здесь много ропаков. В общем, сегодня дорога выпала отвратительная: много рыхлого снега и ропаков. К вечеру потянул ветер из пролива, было адски холодно, а я умудрился и сегодня шагать в рубашке, ибо в полушубке тяжело. Продрог снова, в особенности замерзла холка, спина и плечи. Кашляю, тяжело очень при большом морозе дышать на ходу, приходится глубоко втягивать в грудь холодный воздух, боюсь, чтобы не простудить легкие. Ноги мои заметно поправляются, опухоль сходит, ребята мои настроены хорошо, охотно идут вперед. Собаки пока держатся все, даем по $\frac{3}{4}$ ф. галет. Отогреваем некоторых в палатке. „Волк“ болен. Спасаемся драгоценным примусом и мешком. Ужасно расходует керосин: более 2 ф. в

день.

Четверг, 6 февраля.

В 9½ двинулись дальше. Дорога отвратительная: ропаки, рыхлый снег, встретили в сажень 10 полынью, которая достаточно вымерзла, чтобы мы ее свободно перешли. У меня опять заболели ноги и усилился бронхит. Итти очень трудно, дышать еще труднее, но тем не менее прошли около 15 верст и в 4 ч. остановились на ночевку у мыса Эрмитаж. Идем тихо, но что же делать, зато идем вперед. Сегодня снилась Веруся, да спасут ее боги. Я совсем болен, но духом не падаю.

Пятница, 7 февраля.

Сегодня Линник случайно поднял нас в 3 ч. утра; так как мы перележали все бока, то охотно все выползли из мешка, согрели чай и сидели с примусом до 7½ утра, когда сравнительно светло, запрягли собак и в 8½ следовали дальше. Сегодня тер. миним. показал —40° Ц. Дорога сегодня была ужасно мучительная: ропаки и рыхлый глубокий снег, откуда он взялся, неизвестно; да и плюс к этому — 35° мороза и ветер O/4, как раз в правую скулу. Страшно тяжело было итти, а в особенности мне, больному. Собаки-бедняжки не знали, куда свои морды прятать. Очень ходко на холоде идут, но стоит только стать, как сейчас же роют себе ямки и прячутся туда от холода. От 2 до 4 была вьюга, это окончательно нас убило, мы едва подвигались вперед. Я все время оттирал лицо и все-таки не усмотрел, как немного отморозил нос. В 4 ч. стали лагерем у мыса Fisher, пройдя и сегодня, несмотря ни на что, около 14–15 верст. На ночь 5 собак беру в палатку.

Суббота, 8 февраля.

Сегодня выехали позднее обыкновенного, около 9½ утра. Я долго возился с лечением ранок на руке, которые я получил от примуса, и на ногах в шагу, которые натер брюками. Надел другие брюки, почувствовал облегчение. Ночью была вьюга, 5 собак ночевали в палатке. Мешок местами уже обледенел, спать было холодно. Простыня внутри мешка здорово холодит, потеет, замерзает и т. д. Думаю ее в Теплиц-бае выкинуть. Встретили много больших ропаков и глубокий снег, но в общем сегодня была дорога сносная, попадались солончаковые поля. Одно было ужасно скверно, это NNW/2, ветер в лицо при — 35° морозу. Я окончательно простудил себе грудь. Бронхит меня давит, не могу отдышаться, под вечер страшно лихорадит, едва отогрелся на примусе. Ах, дорогой, дорогой

спаситель наш примус! Собак сильно бьет мороз. Кормили их досыта по 1 ф. и более галет. Прошли около 15 верст и остановились в 4 ч. ночевать за островом Мария-Елизавета.

Воскресенье, 9 февраля.

Сегодня с утра „Варнак“ устроил себе праздник. Убежал в ропаки, а затем преспокойно конвоировал нас по курсу до обеда, после полудня его удалось поймать и запрячь. Сегодня было хотя и много градусов мороза, но ветру было мало и двигаться было сравнительно тепло. Снялись, по обыкновению, в 9 утра и, пройдя около 15 верст, в 3½ ч. стали ночевать у зимовья Нансена. Ропак было мало, но рыхлого снегу уйма, так что в общем дорога была тяжелая. Я до того заболел бронхитом, что не мог идти. Шел вперед Линник, а я сидел на нарте, в которую подпрягли двух лишних собак. Этой же нартой я с трудом управлял. Мне дышать совсем трудно на морозе за работой. Боже, неужели я не поправлюсь до Теплиц-бая! Не то скандал. Сегодня вечером чай с ромом. Примус меня очень спасает. Было 4 чистилки, а осталась только одна, три сломали. Уж очень они плохие, а без них худо, оставшуюся берегу, как свой глаз. Собаки сильно работают. Кормим их досыта по фунту и более галет. Ночью мерзлячек беру в палатку.

Понедельник, 10 февраля.

В 9 двинулись дальше. Я до того оказался слаб и болен бронхитом, что не мог 10 шагов пройти вперед. Сидел опять на нарте. Адски промерз, так как был одет для ходу. Кажется, еще больше усилил простуду, ибо стала болеть грудь и все ниже в правой стороне, страшно лихорадит. Дорога была скверная, и я все-таки был принужден управлять своей нартой, был настоящим мучеником. Едва дотянул до 4 часов, когда остановились ночевать у К. Климентса. Сейчас в палатке при огне очень дурно себя чувствую. Ужасно боюсь, чтобы не получить воспаления легких. Здесь встретили немного воды и айсберги плавающие, тюленьи продушины стали попадаться по тонкому льду. Одна сейчас в 5 саж. от палатки. Тюлени сопят и страшно волнуют собак, вероятно, всю ночь бедняги не будут спать. У Пустошного шла кровь ртом и носом. У Линника сильно ноги мерзли. Сегодня был особенно холодный день.

Вторник, 11 февраля.

Сегодня снялись из-за моей болезни в 10 ч. утра. Я оделся в пимы и полюсный костюм и ехал на нарте, как баба. Дорога была вся в ропаках, и

только под вечер встретился солончак. Собаки с утра все сильно дрожали и везли плохо и только под вечер разошлись. Встретили песцовый след. У Линника шла носом кровь, у Пустошного до того ноги замерзли, что он по дороге вынужден был надеть пимы и в них итти. В 4 ч. встали на ночевку, пройдя около 15 верст, у Земли Александра. Сегодня была такая заря, что в ней казалось почти солнце. Виден уже Теплиц-бай. Я лучше чувствую себя, ибо был тепло одет и все время сидел на нарте спокойно.

Среда, 12 февраля.

Сегодня снялись в 8¾ утра. Холод стоял адский, при 35° ветер в 3 балла и метет снег. Это самый холодный день. Я еду больным в полюсном костюме, как чучело, и все-таки прозяб, дорога отвратительная: масса ропаков, приходится проводить по одной нарте, целое мученье, собаки очень мерзнут и плохо везут. Встретили свежий медвежий след и много следов песцовых, слева, кажется недалеко, вода, за туманом ее не видно; отогревали Арестанта. Линник подморозил на ногах большие пальцы. Прошли около 15 верст и остановились в 4 ч. ночевать уже у Земли Рудольфа. Сегодня был минимум – 42°. Сейчас дует балла на 4 Ost. Палатку изрядно треплет, мы же, как цыгане, сидим вокруг примуса.

Четверг, 13 февраля.

13 число неудачное, как вообще. Снялись в 9 и пошли в тумане (идет снег), дорога тяжелая, собаки еле везут, ничего не видно. Забрели в какой-то пролив, между островками, но только не в Теплиц-бай, хотя он уже чувствуется близко. После 2-х разъяснено, сделался чудный, теплый день, но дорога тяжелая: снег и ропаки, тащимся дальше по курсу. В океане, видно, воды много, ибо видать черное небо. Встретили зайца у лунки, не подпустил на выстрел, сполз. В 5 ч. остановились ночевать, кажется у Земли Рудольфа, трудно с уверенностью судить, так как в этом месте карта страшно не верна. Посмотрим, что покажет завтрашний день. Вечером пришел медведь к палатке, огромный, собаки его погнажи. Я, несмотря на болезнь, пошел с Линником на собачий лай. Пройдя кое-как около 2 верст, мы нашли медведя сидящим в лунке, окруженного собаками. Я несколько раз стрелял в него с аршинного расстояния, но ружье так замерзло, что не дало ни одного выстрела. Когда пошли мы, разочарованные, назад, то я уже двигаться из-за болезни не мог. Пришлось остаться с собаками сторожить медведя, а Линник пошел за нартой. Вскоре медведь выскочил из лунки и побежал на SW, собаки за ним. Через два часа меня нашла нарта и привезла, как труп, в палатку. Здоровье свое ухудшил, а тут еще нужно

залезть в замерзший обледенелый мешок.

Пятница, 14 февраля.

Сегодня в 9 часов потащились дальше. Снег, туман, ничего не видать, собаки не везут – караул. Протащились около 3–4 верст и стали лагерем. У группы маленьких островков между Землями Рудольфа и Александра (у С. самого N), к W и N вода, дальше ничего не видно. Буду здесь стоять лагерем, пока не дождусь ясной погоды. Здоровье мое очень скверно, вчерашний медведь ухудшил его. Кончился пуд керосина, начали другой.

Суббота, 15 февраля.

В 10 ч. утра ясно, морозу 30 градусов. Пошли через проливы к Земле Рудольфа, которая ясно была видна, пройдя около 1½ верст, наткнулись на сплошной, тонкий (1 вер.) солончак. Взошли первой нартой на него (Льдинкой), а она и провалилась, вместе с ней и собаки. Люди держались свободно. С большим трудом вытащили нарту назад, ничего не подмочив, так как каяк великолепно плавал. Остановились здесь же ночевать и ждать, пока достаточно замерзнет пролив. Сегодня у воды видели стада тысячные птиц: люмсы и кайры. Я ужасно разбит болезнью. Сильнейший бронхит, болит горло и опухли ноги. Лежу все время в мешке, настоящий мученик.

Воскресенье, 16 февраля.

Сегодняшний день сидели у пролива и ждали, пока он замерзнет. А он не замерзает – и только, видно, здесь большое течение. Люди ходили версты три-четыре к середине пролива и встретили там открытую широкую воду. Птиц и зверья менее. Завтра думаем тащиться на восток, может быть, там обойду воду.

Болен я адски и никуда не гоюсь. Сегодня опять мне будут растирать спиртом ноги. Питаюсь только одним компотом и водой, другого ничего душа не принимает. Конечно, съел бы яичко, сметанки, жареного цыпленка, даже чашку кислой капусты. Но где все это?

Увидели выше гор впервые милое, родное солнце. Ах, как оно красиво и хорошо! При виде его в нас весь мир перевернулся.

Привет тебе, чудеснейшее чудо природы! Посвети нашим близким на родине, как мы ютимся в палатке, как больные, удрученные, под 82 °С широты.

Понедельник, 17 февраля».

б) Дневник матроса А. Пустошного, спутника Седова в походе к полюсу. Подлинник не известен. Копия, снятая П. Кушаковым весной 1914 г., по возвращении матросов на «Фоку», хранится в архиве Академии наук, фонд 75, опись 6, № 21.

в) Дневник матроса Г. Линника. Подлинник не известен. Копия снята В. Ю. Визе по возвращении матросов на «Фоку». Выдержки опубликованы В. Ю. Визе в журнале «Новый мир» № 3, 1939 г.

Можно предположить, что подлинники всех трех дневников были направлены осенью 1914 г. архангельскому прокурору в связи с возникшим делом об «убийстве Седова матросами» (см. Эпилог).

Архив Академии наук, фонд 75, опись 6, № 21. Дневник А. Пустошного.

В. А. Симановский в брошюре «Экспедиция Г. Я. Седова к Северному полюсу», Архангельск, 1919 г., составленной по рассказам и дневникам матросов-участников экспедиции, излагает этот эпизод так:

«28 июля один из членов экспедиции ударил матроса по лицу... Когда на следующий день, вследствие сильного тумана, стали на ледяной якорь и все были свободны, чуть не произошел бунт. За ужином команда обсудила инцидент, и наотрез все отказались от подчинения членам экспедиции, когда от команды потребовали спустить стеньгу.

На палубе была вся команда, на мостике – члены экспедиции. Ударивший по лицу матроса стоял на юте. Из членов экспедиции говорил вахтенный начальник Пинегин, из команды говорил Линник. С той и другой стороны было сказано по адресу друг друга немало теплых слов.

– Если не будете слушаться, будем стрелять.

– Если так, то знайте, что сделавший это будет также превращен в мясо.

– Вы все должны понимать, что всему бывают границы. Что же вы хотите и когда будете спускать стеньгу?

– Первое – хотим обращения, которому всех вас учил покойный начальник, и наказывайте заслуживающих наказания. Если вы несогласны изменить свое отношение к команде, то мы судно бросаем и в боте идем к Новой Земле. Компас нас доведет, а там мы дома!» (Стр. 46.)

Целиком доверять изложению В. Симановского, конечно, нельзя. Но что нечто подобное произошло, усматривается и из других источников. В газете «Архангельск» за 6 октября 1914 г., т. е. непосредственно после возвращения «Фоки» в Архангельск, было напечатано следующее:

«Обострения отношений между кают-компанией и кубриком (после смерти Седова. – С. Я.) привели к тому, что однажды Кушаков ударил матроса Линника в зубы. Этот случай вызвал страшное возмущение всей команды, которая заявила свой решительный протест против кулачной расправы».

В копии судового журнала «Фоки» с 14(27) июля по 24 августа (6 сентября), снятой рукой П. Кушакова (Архив Академии наук, фонд 75, опись 6, № 21) и с трудом поддающейся прочтению (мелкое, полустершееся письмо карандашом), читаем: «С 12 ч. 28 июля... В 11½ ч. прогнал (или призвал) матроса Лин., дав ему в морду». Остальное

неразборчиво. Подлинник судебного журнала за этот период не сохранился.

24 апреля 1913 г. сорок членов Государственной думы внесли «Законодательное предположение об отпуске из Государственного казначейства средств на покрытие расходов по экспедиции Седова к Северному полюсу и на снаряжение дополнительной экспедиции». Этот документ пространно излагал историю снаряжения и финансирования экспедиции. На первом месте стояла просьба выдать 65 571 р. 48 к. – сумму, составляющую долг комитета различным поставщикам, а главным образом М. А. Суворину. Далее «предположение» предусматривало отпуск 110 тысяч рублей на снаряжение дополнительной экспедиции. (ЦГВМА, фонд 1402, дело № 8525, л. 110.)

Комиссия по направлению законодательных предположений Государственной думы рассмотрела заявление сорока членов думы и нашла, что долги комитета погашать казначейству не следует, а вспомогательную экспедицию снарядить на государственный счет надо (5 июля 1913 г., докладчик Половцев 2-й).

Председатель совета министров Коковцев разослал запросы по поводу «предположения» министрам морскому, финансов, торговли и промышленности. Морской министр Григорович откликнулся 22 мая. «В ответ на письмо от 7(20) сего мая, за № 3282 имею честь известить ваше превосходительство, – писал Григорович, – что относительно отпуска денег из Государственного казначейства на покрытие расходов по экспедиции ст. лейт. Седова я считаю долгом высказаться отрицательно... В заседании совета министров 17(30) мая 1912 г., после всестороннего обсуждения, было признано, что экспедиция Седова носит характер несколько непродуманный, а условия практического осуществления ее представляются недостаточно обоснованными, и что поэтому правительству следует высказаться за отклонение законодательного предположения от 17(30) марта 1912 г. об отпуске из Государственного казначейства средств на организацию этой экспедиции.

Поэтому было бы совершенно непоследовательно отпустить теперь из Государственного казначейства деньги суммой 65 571 р. 48 к. на покрытие долговых обязательств, вызванных расходами по этой экспедиции, расходами, которые на свой страх и риск и вопреки взглядам и решению правительства произвел комитет по снаряжению экспедиции...»

Далее Григорович доказывал, что нет необходимости снаряжать

дополнительную экспедицию, а тем более давать на это казенные деньги. «Я полагал бы желательным и даже необходимым, – заканчивал Григорович, – лишь то, чтобы комитет, снарядивший экспедицию Седова, исполнил просьбу ее начальника, изложенную в его письме от 28 августа (10 сентября) 1912 г., т. е. отправил бы на Землю Франца-Иосифа уголь и трех человек рабочих, для чего не нужно снаряжать экспедицию, а достаточно зафрахтовать небольшую промысловую шхуну, каких много имеется в Норвегии и вообще за границей». (ЦГВМА, фонд 1402, д. № 8525, лл. 107–108.)

Товарищ министра финансов Вебер ответил также в отрицательном смысле. Министр торговли и промышленности Тимашев разделял мнение первых двух по поводу просьбы комитета о покрытии его задолженности. Идее посылки дополнительной экспедиции он выражал «полное сочувствие», но высказывал вслед затем «сомнения», лишаящие его «сочувствие» какой бы то ни было цены. (ЦГВМА, фонд 1402, д. № 8525, лл. 121–124.)

В результате совет министров 28 июня (11 июля) 1913 г. признал «неприемлемость» представленного сорока членами думы «предположения» (см. письмо Коковцева Григоровичу. ЦГВМА, фонд 1402, д. № 8525, л. 147).

Комитет средств на посылку парохода с углем не имел, а М. Суворин финансировать дальше предприятие Седова отказывался.

12 (25) января 1914 г. комитет снова возбудил вопрос перед правительством о погашении задолженности и об отпуске средств на спасательную экспедицию. (ЦГВМА, фонд 1402, д. № 8493, лл. 1–4.)

Экспедиция лейтенанта Г. В. Брусилова в 1912 г. на «Св. Анне» пыталась пройти по Северному морскому пути. В сентябре «Св. Анна» прошла Югорским Шаром в Карское море. В начале октября ее затерло во льдах. Через полтора года корабль, подвергшийся ледяному дрейфу, был покинут частью команды во главе с штурманом Альбановым. Отряд Альбанова двинулся пешком по льдинам на Землю Франца-Иосифа. Альбанов и матрос Конрад были подобраны «Фокой», возвращавшимся из бухты Тихой в Архангельск. Девять других спутников Альбанова погибли во время похода. О судьбе Брусилова и еще двенадцати человек, оставшихся на корабле, известно только то, что они погибли от голода, цынги или во время кораблекрушения.

См. дела №№ 8492, 8493, 8494, 8497, фонд 1402 ЦГВМА. Просьба комитета была отклонена и на этот раз, но совет министров «признал необходимым, независимо от вышеуказанного ходатайства, предоставить морскому ведомству взять на себя при участии министерства торговли и промышленности организацию казенной спасательной экспедиции...» (Письмо Коковцева морскому министру. ЦГВМА, фонд 1402, д. № 8493, л. 7.)

Об экспедиции Ислямова см. ЦГВМА, фонд 1402, д. №№ 8492, 8493, 8494, 8495, 8497, а также «Морской сборник», 1918, №№ 7–8, 9—10, 11 – Ислямов, «Экспедиция для поисков Седова»; «Записки по гидрографии», 1914, т. XXXVIII, вып. 4 – М. Жданко, «Спасательная экспедиция для поисков ст. лейт. Седова»; «Записки по гидрографии», 1915, т. XXXIX, вып. 2 – «Северные полярные экспедиции 1912 г. и их поиски».

Телеграмма Жданко Ислямову. (ЦГВМА, фонд 1402, № 8496, № 167.)

Там же, л. 257.

ЦГВМА, фонд 1402, д. № 8987, л. 22, д. № 8500, л. 118 и д. № 8501, л. 250.

ЦГВМА, фонд 1402, д. № 9712, л. 20.